

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ ПОЛЬША“.

100 лѣтъ борьбы Польскаго Народа ЗА СВОБОДУ.

По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др.

составлено подъ редакцію Ю. ПОВДИНСАГО.

Цена 1 руб.

Издание Л. В. Петкевича.

МОСКВА—1907.

1445

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ ПОЛЬША“.

---

100 лѣтъ борьбы
Польскаго
Народа
ЗА СВОБОДУ.

По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др.

составлено подъ редакціею Ю. ПОДВИНСКАГО.

Цена 1 руб.

Издание Л. В. Петкевича.

МОСКВА—1907.

1445

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ ПОЛЬША“.

sto
100 лѣтъ борьбы

VI
Польскаго
Народа

ЗА СВОБОДУ.

По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др.

составлено подь редакціею Ю. ПОДВИНСКАГО.

Цена 1 руб.

Издание Л. В. Петкевича.

МОСКВА—1907.

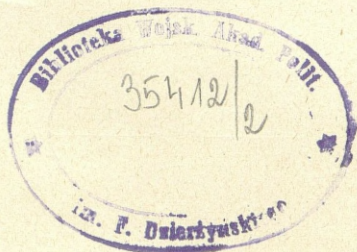
43/120/9: 43/120/10

Типографія „РУССКІЙ ТРУДЪ“, Арбатъ, д. Буровой.

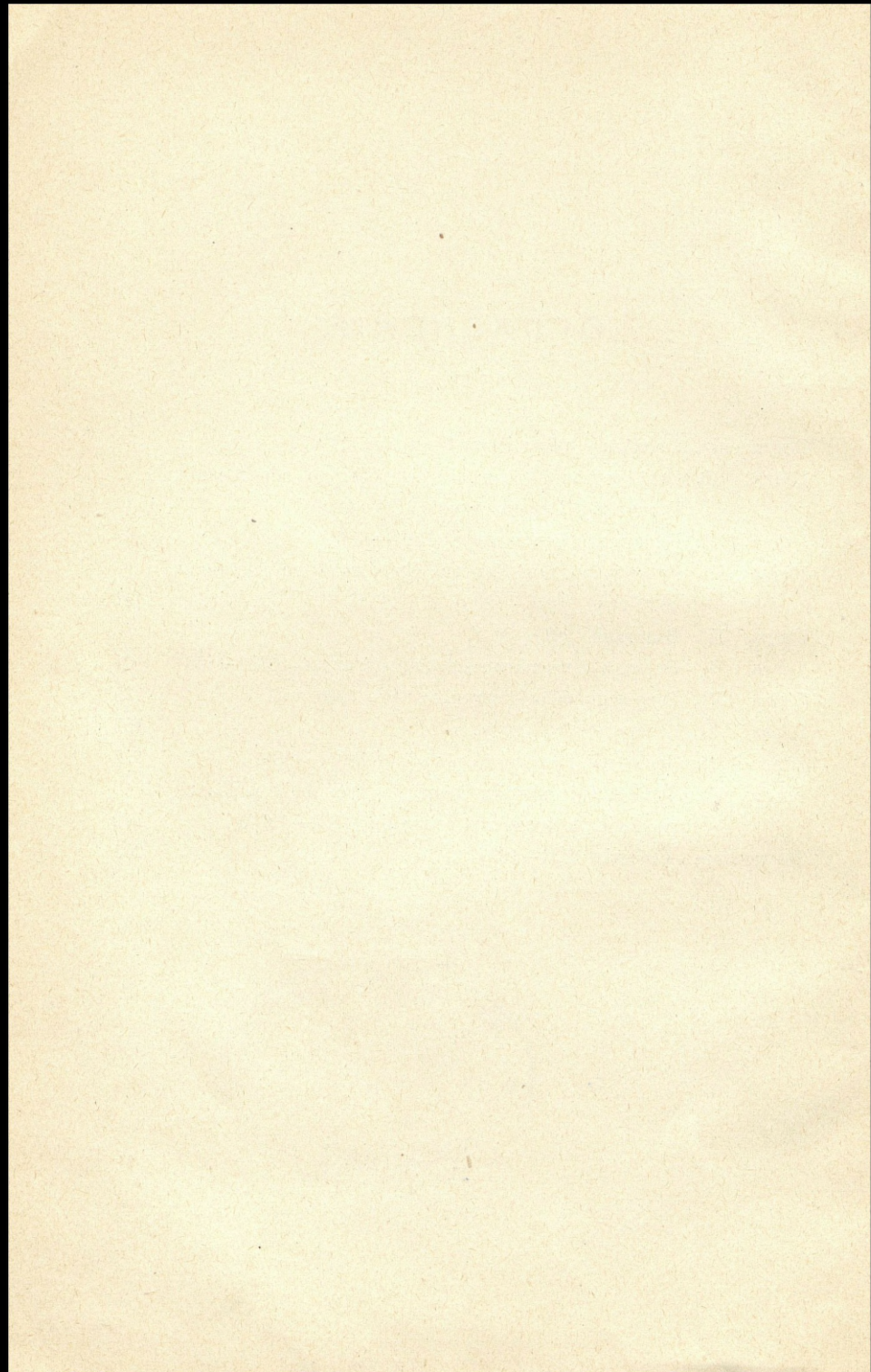

WYDANO Z DULLETÓW
Biblioteki Narodowej

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступленіе. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.	3
Глава I. Отъ третьяго раздѣла Польши до образованія Герцогства Варшавскаго (1794—1807)	14
Глава II. Герцогство Варшавское (1807—1814).	31
Глава III. Отъ образованія Царства Польскаго до возстанія 1830 года (1815—1830)	51
Глава IV. Возстаніе 1830—31 г.	80
Глава V. Періодъ демократической пропаганды (1833—1846)	101
Глава VI. Революціонныя движенія 1846—1849 г.	135
Глава VII. Возстаніе 1863 года.	157
Глава VIII. Періодъ органическаго труда (1865—1886)	177
Глава IX. Возрожденіе патриотическихъ стремленій и развитіе социалистическаго движенія (1886—1904)	192
Заключеніе. Событія 1904—1907 г.	205

Предисловіе.

Послѣ паденія Рѣчи Посполитой общественное мнѣніе какъ Европы, такъ и Россіи мало интересовалось внутреннею жизнью польскаго общества, припоминая себѣ о существованіи поляковъ лишь тогда, когда они поднимали вооруженныя возстанія противъ своихъ угнетателей.

Между тѣмъ, знакомство съ главными фактами изъ новѣйшей исторіи польскаго народа и съ теченіями польской политической мысли имѣеть въ настоящее время особое значеніе въ виду назрѣвшей необходимости пересмотрѣть вновь вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ и разрѣшить его, наконецъ, согласно съ требованіями справедливости и правильно понятыми интересами обоихъ народовъ. Познакомившись съ польскою исторіею XIX вѣка, читатель увидить, насколько Царство Польское разнится отъ Россіи по всему укладу своей жизни, по всеѣмъ соціальнымъ и экономическимъ отношеніямъ и традиціямъ. Онъ убѣдится, что это—страна, обладающая своею собственною національною и высоко развитою культурою, и что въ этомъ отношеніи она стоитъ особнякомъ среди всеѣхъ прочихъ нерусскихъ владѣній Россіи. И поэтому-то, съ чѣмъ можетъ примириться народность, для которой русская культура является естественнымъ и наиболѣе до-

ступнымъ источникомъ высшихъ формъ мысли и быта, будетъ всегда отвергаться поляками, имѣющими за собою тысячу лѣтъ самостоятельной культурно-исторической жизни и находившимися въ постоянномъ и весьма близкомъ общеніи съ Западомъ.

Изъ исторіи польскаго народа въ XIX вѣкѣ читатель, наконецъ, узнаеть, что этотъ вѣкъ былъ для поляковъ столѣтіемъ непрерывной борьбы съ тою самою бюрократіею, съ которою Россія вступила въ рѣшительную схватку только два года тому назадъ.

Настоящая книга, посвященная исторіи этой борьбы, представляетъ собою вольный переводъ сочиненія польскаго историка Болеслава Лимановскаго: „Столѣтняя борьба польскаго народа за освобожденіе“. Съ одной стороны, составителями были выпущены излишнія для русскаго читателя подробности и всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ излагаетъ свои субъективныя взгляды и симпатіи; съ другой стороны, нѣкоторыя главы были дополнены или даже соеѣмъ передѣланы (напр., глава о возстаніи 1831 года). Двѣ послѣднія главы и заключеніе посвящены событіямъ послѣднихъ сорока лѣтъ и составлены, главнымъ образомъ, по работамъ Л. Кульчицкаго (М. Мазовецкій, Исторія социалистическаго движенія въ русскои Польшѣ) и Плохоцкаго („Современная Польша“).

Москва, мартъ 1907 года.

Редакція.

ВСТУПЛЕНІЕ

(Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой).

Военная организація первыхъ польскихъ князей и королей создала сильное государство, которое, благодаря своему географическому положенію, сдѣлалось для восточнаго славянства естественнымъ оплотомъ отъ натиска враждебнаго ему германскаго племени, а для Западной Европы служило долгое время защитой отъ дикихъ монгольскихъ ордъ.

Распаденіе польскаго государства послѣ смерти Болеслава Кривоустаго (въ 1138 году) значительно поколебало его международное значеніе. Но при королѣ Владиславѣ Локоткѣ (1306—1333 гг.) польскія удѣльныя княжества соединяются опять въ одно цѣлое, и Польша дѣлается могущественной, а впоследствии — благодаря уніи съ Литвою — первостепенной державой на Востокѣ Европы.

Соединеніе Польши съ Литвою совершилось посредствомъ брака литовскаго князя Ягелло съ польскою королевою Ядвигаю (1386 г.).

Это слияніе сосѣднихъ народовъ состоялось подъ давленіемъ общей опасности, угрожавшей имъ со стороны Меченоосцевъ, и привело къ полному пораженію этого воинственнаго ордена на поляхъ Грюнвальда (въ 1410 году).

Польша не сумѣла однако использовать свою побѣду. Орденъ Меченоосцевъ былъ преобразованъ въ вассальное по отношенію къ Польшѣ Герцогство Прусское, изъ котораго выросло впоследствии желѣзное могущество современной Пруссіи.

Вступивъ полноправнымъ членомъ въ семью западно-европейскихъ народовъ, Польша рано восприняла западно-европейскую культуру и неслла свѣточъ этой культуры дальше на Востокъ. Польша имѣла также свои крестовые походы въ видѣ непрерывной борьбы съ турками и татарами и въ теченіе пяти столѣтій защищала Западную Европу отъ мусульманскаго ига. Въ этомъ отношеніи ея заслуги передъ цивилизаціею громадны.

Польское рыцарство, отражая нападенія виѣшнихъ враговъ, боролось вмѣстѣ съ тѣмъ внутри государства за полную политическую свободу для своего сословія. Захвативъ, наконецъ, власть въ свои руки, шляхта (т.-е. дворяне) сдѣлала короля покорнымъ исполнителемъ своей воли, ограничила въ значительной степени права городовъ, а крестьянъ обратила въ своихъ рабовъ. При такой организаціи шляхетское сословіе развило до крайности принципы личной свободы и равенства. Уже въ XV вѣкѣ (въ 1430 г.) въ Польгѣ былъ изданъ законъ, гласящій, что никто не можетъ быть взятъ подъ стражу иначе, какъ по судебному приговору („Neminem captivabimus, nisi jure victum“). Въ то время эта основная гарантія личной неприкосновенности свободного гражданина существовала лишь въ Англіи, гдѣ она была признана за баронами въ знаменитой „Magna Charta libertatum“. Высшая власть въ Польской республикѣ (т. н. Рѣчи Посполитой, что значитъ дословно: общественное дѣло) принадлежала шляхетскимъ сеймамъ, рѣшавшимъ все дѣла единогласно. Польскій сеймъ представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ законодательное собраніе, въ которомъ были обезпечены не только права болѣе или менѣе значительнаго меньшинства, но даже каждой отдѣльной личности: каждый членъ сейма пользовался правомъ отвергать негодные ему законопроекты простымъ произнесеніемъ слова „veto“.

„Слѣдуетъ признать“, говоритъ польскій писатель Свентоховскій, „что *liberum veto*, независимо отъ того или иного примѣненія его на практикѣ, является однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ принциповъ соціальной этики“. Вполнѣ понятно, что государственный строй, опиравшійся на неограниченную свободу личности, требовалъ для своего существованія столь высокаго умственного и нравственнаго развитія гражданъ, какого человечество едва ли достигло даже въ наше время. Кромѣ того, „золотая воля“ („*zlota wolność*“) и полное равенство польской шляхты основывались на рабствѣ трудящихся массъ. Это коренное противорѣчье въ связи съ развитіемъ экономическаго неравенства въ средѣ самой шляхты (магнаты и мелкая „законовая“ шляхта) должно было повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія для польской Рѣчи Посполитой.

Въ XVII вѣкѣ въ ней установился настоящій олигархическій строй, при которомъ вся власть перешла фактически въ руки нѣсколькихъ аристократическихъ родовъ, соперничавшихъ между собою и жертвовавшихъ благомъ страны ради личнаго честолюбія. Мелкая шляхта состояла прямо на службѣ у этихъ могущественныхъ магнатовъ и дѣлилась на враждебныя другъ другу партіи, группировавшіяся вокругъ того или иного знатнаго „дома“.

При малѣйшей попыткѣ короля ограничить своеволие шляхты посредствомъ усиленія своей власти, шляхетская „братія“ ополчалась, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту „золотой воли“ отъ грознаго *absolutum dominium* (т.-е. самодержавія).

Опасаясь, чтобы монархъ не совершилъ государственнаго переворота при помощи войска, шляхта самымъ рѣшительнымъ образомъ противилась на сеймахъ образованію постоянной арміи, забывая, что ея беспорядочныя ополченія не могли соперничать съ дисциплинированными полками, какіе завели у себя въ то время правительства сосѣднихъ государствъ. При такомъ устройствѣ польская „Рѣчь Посполитая“, окру-

женная сильными самодержавными монархиями, не могла долго сопротивляться их завоевательной политике.

Первый примѣръ вооруженнаго вмѣшательства во внутрення дѣла Польши подалъ Петръ Великій, появившись въ Литвѣ съ своею арміею по приглашенію шляхты, организовавшейся въ такъ называемую конфедерацію противъ самодержавныхъ замысловъ короля Августа II. Съ тѣхъ поръ Россія все чаще беретъ на себя роль примирителя и устроителя польскихъ дѣлъ, и вліяніе ея на судьбы Польши растетъ съ каждымъ годомъ. Оно усилилось особенно послѣ того, какъ на польскій престолъ былъ избранъ подъ давленіемъ русскаго двора молодой и высокообразованный, но слабохарактерный Станиславъ-Августъ Понятовскій (1764 — 1795), сумѣвшій списать себѣ расположеніе императрицы Екатерины II въ бытность свою въ Петербургѣ.

Русскія притязанія встрѣтили впервые сильный отпоръ въ приверженцахъ старошляхетскаго свободнаго строя, объединившихся въ такъ называемую *Барскую Конфедерацію* (1768—1772) и подъ предводительствомъ Казимира Пулавскаго вступившихъ въ борьбу съ Россіею. Дѣятельность Барской Конфедерации не увеличилась успѣхомъ, такъ какъ участники ея, не понимая необходимости реформъ, отвѣчающихъ требованіямъ времени, проявляли нетерпимость къ такъ называемымъ диссидентамъ, т.-е. не католикамъ и, даже не подумали объ облегченіи участи мѣщанъ и крестьянъ.

Неравная борьба барскихъ конфедератовъ съ русскими войсками сильно ослабила Польшу. Этимъ крайнимъ изнеможеніемъ объясняется неслыханное въ исторіи произвольное нарушеніе границъ польскаго государства соседними державами, завершившееся первымъ раздѣломъ его въ 1772 году. Изъ 750 тысячъ квадр. километр. съ 15-милліоннымъ населеніемъ Польша удержала лишь 524 $\frac{1}{2}$ тыс. квадр. килом. и около 10 милліоновъ жителей. Первый раздѣлъ поразилъ польское общество, какъ громомъ. Подъ вліяніемъ умствен-

наго движенія, начавшагося въ XVIII вѣкѣ во Франціи, среди лучшей части шляхты возникаетъ мысль о неотложности коренныхъ реформъ государственнаго и общественнаго строя.

Прежде всего принялись за поднятіе народнаго образованія. Была учреждена такъ называемая эдукаціонная комиссія, благодаря дѣятельности которой въ скоромъ времени значительно увеличилось количество школъ, были преобразованы находившіеся въ упадкѣ Краковскій университетъ, (основанный въ 1364 году при Казимирѣ Великомъ), и Виленская академія,¹ введены новые методы воспитанія и обученія юношества.

Начинанія эдукаціонной комиссіи во многихъ отношеніяхъ опередили даже тогдашнюю европейскую педагогическую, такъ, напр., она примѣнила впервые наглядный методъ въ преподаваніи, ввела въ школу гимнастику, полевые работы, пѣніе, обратила особое вниманіе на развитіе въ ученикахъ гражданскихъ чувствъ, стремилась ввести въ странѣ всеобщее обученіе путемъ основанія начальныхъ школъ въ каждомъ приходѣ.

На ряду съ вопросами народнаго просвѣщенія былъ поднятъ вопросъ о политическихъ и соціально-экономическихъ реформахъ, имѣющихъ въ виду улучшеніе быта мѣщанъ и крестьянъ и развитіе промышленности. Благодаря всѣмъ этимъ усиліямъ общества, постепенно возрастало благоустройство городовъ, развивалась торговля, и общее благосостояніе страны замѣтно увеличилось. Отношенія между шляхтою и крѣпостными „хлопами“ измѣнились къ лучшему подъ вліяніемъ восприимчивыхъ съ Запада идей демократизма и утонченныхъ нравовъ, окрашенныхъ моднымъ въ то время сентиментализмомъ. Во многихъ мѣстахъ помѣщики уменьшаютъ барщину, а кое-гдѣ и совсѣмъ ее отмѣняютъ. Крестьяне получаютъ разрѣшеніе жить въ городахъ.

Вообще, положеніе крестьянъ настолько улучшилось, что изъ сосѣднихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ областей, ото-

шедших по первому раздѣлу къ Россіи, крестьяне нерѣдко бѣгутъ въ Польшу. Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права вытекалъ естественнымъ путемъ изъ распространеннаго въ ту эпоху убѣжденія въ необходимости возможно болѣе широкаго насажденія и развитія промышленности. Сельское хозяйство, равнымъ образомъ, становится болѣе интенсивнымъ и требуетъ все болѣшихъ запасовъ знанія и капитала. Въ развитіи промышленности начинаютъ видѣть самый могущественный рычагъ для поднятія народнаго благосостоянія.

Признано было желательнымъ увеличеніе мѣщанскаго сословія за счетъ крестьянства, а одинъ изъ просвѣщенныхъ патріотовъ, Андрей Замойскій, выдвинулъ это стремленіе, какъ предлогъ для ограниченія крѣпостнаго права. Антонъ Тызенгаузь, вице-казначей королевскаго двора, пытался осуществить грандіозный планъ развитія промышленности и основалъ въ окрестностяхъ Гродна фабрики полотняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, а равно и заводы для обработки желѣза.

Магнаты начинаютъ тоже строить фабрики. Такъ, Огинскіе построили фабрику ковровъ; Радзивилъ—зеркаль; Чарторыскій—фарфора; Бѣльскій—стекла; Малаховскій—желѣза; Езерскій—стали. Правда, что барская фантазія играла тутъ большую роль, но появлялись и дѣйствительные фабриканты. Такимъ фабрикантомъ былъ Левальдъ-Яцекъ Езерскій: онъ основалъ въ Варшавѣ табачную фабрику, въ Малецьцѣ фабрику стали и кожь, возлѣ Ленчицы—соляныя варницы, а въ Опочинскомъ уѣздѣ открылъ рудники мѣди.

Это движеніе на всѣхъ поприщахъ общественной жизни продолжается въ теченіе 18 лѣтъ. Въ 1788 году собирается въ Варшавѣ генеральный сеймъ, прозванный впослѣдствіи *великимъ* или *четырехлѣтнимъ*. Главную роль играла въ немъ патріотическая партія сторонниковъ реформъ, во главѣ которой стояли Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Гуго Коллонтай и др. Плодомъ четырехлѣтнихъ работъ этого сейма была *знаменитая конституція 3-го мая*. На основаніи этой конституціи

польскій престолъ признанъ наследственнымъ и послѣ смерти Станислава-Августа долженъ былъ перейти къ саксонскому герцогскому дому, при чемъ власть короля была значительно усилена; мѣщане сравнивались въ правахъ со шляхтою; крестьянамъ разрѣшалось заключать со своими помѣщиками договоры, обязательные для обѣихъ сторонъ; наконецъ, *liberum veto* и право конфедерацій отмѣнялись разъ навсегда. Король принесть присягу на вѣрность новой конституціи, которая, какъ казалось, открывала для Польши новую эру блестящаго развитія.

Россія, занятая въ то время войною съ Турціей, не могла вмѣшиваться въ польскія дѣла, но немедленно послѣ окончанія войны она обратила на нихъ самое серьезное вниманіе. Въ интересахъ Россіи лежало, конечно, не допустить упорядоченія внутреннихъ отношеній, а слѣдовательно и усиленія польскаго государства, и поэтому Екатерина II съ радостью пошла навстрѣчу попыткамъ старошляхетской реакціонной партіи—вызвать вмѣшательство иностранной державы и отмѣнить все реформы и нововведенія. Подъ вліяніемъ Россіи 3 магната: Щенный Потоцкій, Ксаверій Браницкій и Северинъ Ржевускій образовали такъ называемую *Тарговицкую конфедерацію*, направленную противъ сторонниковъ конституціи 3-го мая, и просили помощи для защиты неограниченныхъ шляхетскихъ вольностей... у русскоѣ самодержавной императрицы.

Русскія войска вошли въ предѣлы Польши. Патриоты, располагавшіе слабою арміею, насчитывавшей едва 30 тысячъ солдатъ, тщетно пытались сопротивляться. Племянникъ короля, князь *Иосифъ Понятовскій*, типъ настоящаго „рыцаря безъ страха и упрека“, и *Тадеушъ Косцюшко*, отличившійся уже въ борьбѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за освобожденіе, напрягали все силы, чтобы остановить насильственное вторженіе врага, но послѣ цѣлаго ряда битвъ должны были уступить передъ значительно превосходящей по-

ляковъ своею численностью русскою арміею. Наконецъ, когда надежды на обѣщанную помощь прусскаго короля обманули, а самъ вѣчно колеблющійся Станиславъ-Августъ, по требованію Россіи, присоединился къ Тарговицкой конфедераціи, наступилъ второй раздѣлъ Польши (1793 г.). Пруссія заняла города Данцигъ (Гданскъ) и Торнъ и западныя области, а Россія—воеводства: кievское, брацлавское, подольское, минское и части воеводствъ: вилenskaго, новгородскаго, брестъ-литовскаго и вольнскаго. Австрія на этотъ разъ не приняла участія въ дѣлахъ.

Сеймъ, созванный въ Гроднѣ, долженъ былъ подъ угрозой русскихъ штыковъ закрѣпить совершенное насиліе своею санкціею. Польшѣ оставили клочокъ территоріи въ 215 квадр. килом. съ населеніемъ въ 4 милліона человекъ. Инстинктъ національнаго самосохраненія не могъ примириться съ такою вывѣскаціею: обезземельный и истерзанный народъ дѣлаетъ отчаянную попытку сбросить съ себя ненавистное чужеземное иго. Глаза всѣхъ обращаются на Тадеуша Косцюшко, героя послѣдней войны съ Россіею.

Въ мартѣ 1794 года Косцюшко принялъ предводительство надъ польскими войсками и на историческомъ рынкѣ въ Краковѣ поклялся воевать съ врагами родины до послѣдней капли крови. Велѣдъ за тѣмъ Косцюшко, желая привлечь къ національному возстанію крестьянъ, издаетъ манифестъ (такъ называемый Полапецкій универсалъ), которымъ крестьяне признаются свободными гражданами, имѣющими неограниченное право переселяться по своему желанію; барщина уменьшается на $\frac{1}{3}$, а для всѣхъ, кто поступитъ въ дѣйствующую армію, отменяется совѣзмъ; обрабатываемые крестьянами участки земли переходятъ въ собственность крестьянъ и не могутъ быть ни отняты у нихъ, ни обложены большими повинностями по усмотрѣнію помѣщика.

Этотъ манифестъ, представлявшій огромный шагъ впередъ по пути къ справедливому разрѣшенію крестьянскаго вопроса,

произвелъ на крестьянъ громадное впечатлѣніе. Самъ Косцюшко, проникнутый демократическими идеями вѣка, понималъ свою реформу, несомнѣнно, какъ первую брешь въ крѣпостномъ правѣ, за которою должны были послѣдовать дальнѣйшія мѣропріятія для улучшенія быта крестьянъ. Доказательствомъ этого служитъ хотя бы то, что самъ Косцюшко освобождалъ своихъ крѣпостныхъ отъ всѣхъ повинностей и отдавалъ имъ въ собственность участки, находившіеся въ ихъ пользованіи.

Ряды Косцюшки стали быстро пополняться добровольцами изъ всѣхъ классовъ общества. Крестьяне также охотно шли сражаться за свободу родины, такъ какъ одинъ видъ Косцюшки, одѣтаго всегда въ крестьянскую сермягу, возбуждалъ въ нихъ надежду на лучшую участь въ новой грядущей Польшѣ. Особенно отличались своею храбростію крестьянскіе полки такъ называемыхъ „косыньеровъ“, вооруженныхъ косами, прикрѣпленными стоймя къ древкамъ.

Въ то время, какъ Косцюшко со своими косыньерами началъ геройскую борьбу съ русскими войсками и въ нѣсколькихъ стычкахъ одержалъ даже надъ ними побѣду (битва подъ Рацлавицами 4 апрѣля 1794 г.), въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе мѣщанъ съ сапожникомъ Яномъ Килинскимъ во главѣ, увѣчившаеся сверхъ ожиданія успѣхомъ: русское войско было вытѣснено изъ Варшавы.

Народъ, упоенный побѣдой, съ возгласами: „Да здравствуетъ революція!“ потребовалъ суда и казни надъ продажными измѣнниками-магнатами. Въ эти памятные дни погибли на висѣлицѣ Ожаровскій, Забѣлло, Коссаковскій и Анквичъ, а братъ короля архіепископъ-примасъ князь Михайль Понятовскій самъ отравился, чтобы избѣжать подобной же участи.

Возстаніе распространилось на Литву и Жмудь. Даже среди приниженой еврейской массы проснулось чувство привязанности къ той Польшѣ, которая проявила все-таки въ свое время гораздо болѣе гуманности по отношенію къ евреямъ.

чѣмъ осталая Европа, гдѣ они подвергались тогда жестокииъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Особенно отличился своею храбростію еврей Берко Иоселевичъ, достигшій чина полковника польскихъ войскъ.

Несмотря на сверхчеловѣческія усилія, Косцюшко не могъ противостоять натиску соединенныхъ силъ Россіи и Пруссіи. Разбитый подъ Щекоцинами, онъ поспѣшилъ въ Варшаву, къ которой въ то же время подступили русскія и прусскія войска. Одновременно австрійская армія появилась въ Галиціи. Вниманіе державъ, направленное до тѣхъ поръ на революціонную Францію, было отвлечено польскимъ возстаніемъ, которое такимъ образомъ дало возможность Великой Революціи закрѣпить свое торжество и отразить ударъ, грозившій ей со стороны европейской коалиціи. Послѣ нѣсколькихъ недѣль осады прусскія войска должны были отступить, встревоженный возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ отошедшей къ Пруссіи Великой Польнѣ. Тогда Косцюшко, желая помѣшать соединенію двухъ русскихъ армій Ферзена и Суворова, выпелъ изъ Варшавы и встрѣтилъ враговъ подъ Мацѣвицами (10 октября 1794 г.).

Вначалѣ исходъ битвы колебался. Косцюшко ожидалъ себѣ помощи отъ генерала Понинскаго, но когда послѣдній не прибылъ, стало ясно, что поле битвы должно остаться за русскими. Обѣ стороны сражались съ чрезвычайнымъ упорствомъ. Полкъ Дзялынскихъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Большая часть польскаго войска погибла. Наконецъ, самъ Косцюшко былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Соединенныя арміи Суворова, Ферзена и Дерфельдена двинулись къ Варшавѣ. Предмѣстье польской столицы—Прага—было взято Суворовымъ; казаки вырѣзали тогда 12,000 жителей Праги, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Варшава сдалась. Король Станиславъ-Августъ былъ вывезенъ въ Гродно. Наступилъ третій, окончательный раздѣлъ Польни (1795 г.)

Варшава досталась Пруссіи; Австрія получила земли, лежащія между рѣками Бугомъ, Вислою и Пилицею; остальное взяла Россія.

Польскій народъ, вычеркнутый изъ списка живыхъ, началъ свою героическую борьбу за освобожденіе, продолжающуюся болѣе ста лѣтъ и не оконченную еще до настоящаго времени.

ГЛАВА I.

Отъ третьяго раздѣла Польши до образованія
Герцогства Варшавскаго.

(1795—1807).

Участники революціи 1794 года, побѣжденные на польской территоріи, возложили всѣ свои надежды на побѣдоносную французскую революцію, которая должна была возстановить свободу угнетенныхъ народовъ.

Въ то время господствовало то глубокое убѣжденіе, что деспотизмъ порождаетъ международную рознь и ненависть, тогда какъ свобода сближаетъ народы и создаетъ между ними братскія отношенія. Поэтому, когда стало ясно, что возстаніе не въ силахъ остановить нашествіе алчныхъ сосѣдей, генераль Генрихъ Домбровскій совѣтовалъ полякамъ пройти съ остатками своихъ войскъ черезъ всю Европу и соединиться съ революціонною арміею французовъ. Подобное предпріятіе казалось, однако, совершенно неисполнимымъ.

Патріоты поодиночкѣ устремлялись въ Парижъ, и вскорѣ тамъ собралось значительное число эмигрантовъ, которые при содѣйствіи Франца Барса вступили въ переговоры съ республиканскимъ правительствомъ. Съ этою цѣлью была избрана особая депутація, въ составъ которой вошли Мневскій, Тапицкій, Дмоховскій, Прозоръ и Гедройцъ; въ качествѣ секретаря былъ приглашенъ Павликовскій, извѣстный своими радикальными убѣжденіями. Весьма дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ также Казимиръ Делярошъ.

Мысль о возстановленіи Польши нашла весьма сочувственный откликъ во французскомъ комитетѣ безопасности. Последній понималъ хорошо, что осуществленіе этой идеи воспрепятствовало бы Пруссіи, Австріи и Россіи участвовать въ

контръ-революціонной коалиціи державъ. вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ надѣялся привлечь на свою сторону прусскаго короля и, возстановивъ при его помощи Польшу, направить силы обоихъ государствъ противъ Россіи. Для переговоровъ по этому дѣлу былъ командированъ въ Берлинъ Сіеестъ. Пруссійскій король началъ, повидимому, склоняться къ этому плану. Экспансивность поляковъ возбуждала въ немъ серьезныя опасенія. Онъ неоднократно жаловался на то, что Варшава является лишь тяжелымъ бременемъ для Пруссіи, вызывая непомерныя затраты на содержаніе войскъ и чиновничества; онъ утверждалъ даже, что возстановленіе Польши было бы для Пруссіи выгодноѣе, чѣмъ непосредственное соудѣство съ Россіею и Австріею. Польскихъ генераловъ Мадалинскаго и Генриха Домбровскаго король принялъ весьма милостиво и завелъ даже съ Домбровскимъ разговоръ о Польшѣ.

Помимо этихъ переговоровъ съ Пруссіей, Франція пыталась побудить Швецію и Турцію объявить войну Россіи и заручилась соглашеніемъ Турціи на образованіе польскихъ военныхъ организацій на турецкой территоріи. Когда вѣсть объ этомъ достигла Польши, многіе патріоты отправились въ Турцію и организовались тамъ подъ предводительствомъ Кольски и Деньски, отличившихся въ возстаніи Косцюпки. Въ скоромъ времени военный отрядъ поляковъ въ Турціи насчитывалъ уже около 2000 человекъ.

Въ концѣ мая 1796 г. туда же пріѣхали Рымкевичъ и Яблоновскій съ актомъ конфедерации, образованной въ Краковѣ гражданами австрійской Польши. Въ августѣ прибылъ изъ Парижа Ксаверій Домбровскій и при посредствѣ Франціи началъ переговоры съ виднѣнскимъ пашею Падванъ-Оглу. Поляки обязались помочь послѣднему въ завоеваніи Валахіи, Босніи и Семиградскаго княжества, взаменъ чего онъ взялъ на себя содержаніе 15.000-ой арміи, состоявшей подъ предводительствомъ маршаловъ польской конфедерации, и обѣщавъ принять участіе въ войнѣ Франціи противъ Россіи и Австріи.

Въ то же время генераль *Генрихъ Домбровский*, принимавшій участіе въ возстаніи Косцюшки и поступившій впоследствии на службу въ прусскую армію, пришелъ къ убѣжденію, что его мѣсто—не въ рядахъ прусскаго короля, а подъ знаменами революціи. Когда всѣ старанія вызвать войну между Пруссіей и Россіей кончились ничѣмъ, Домбровский отправляется въ Парижъ и представляетъ республиканскому правительству проектъ сформированія особой *польской легіи*, назначеніемъ которой было бы служить всецѣло дѣлу революціи въ ея борьбѣ съ монархами. Генераль Гошъ, Шампюниэ и другіе поддержали планъ Домбровскаго.

Осуществленію этого плана препятствовало то, что французская конституція не разрѣшала образованія иноземныхъ отрядовъ. Желая обойти это затрудненіе, Директоріатъ обратился къ командирующей итальянской арміей Наполеону Бонапарте съ предложеніемъ исходатайствовать у миланскаго или моденскаго правительства согласіе на сформированіе польской легіи, содержаніе которой приняла бы Франція на свой счетъ. Въ началѣ декабря 1796 г. Домбровскийъ прибылъ въ Миланъ. Бонапартъ, оцѣнивъ по достоинству польскій проектъ, поддерживалъ его въ своемъ письмѣ къ конгрессу: „Этотъ храбрый народъ,—писалъ онъ,—заслуживаетъ | того, чтобы быть принятымъ каждою націею, стремящейся къ свободѣ“. Ходатайство Бонапарта увѣчалось успѣхомъ, и 9 января 1797 г. между Цизальпинскою республикою и генераломъ Домбровскимъ былъ заключенъ соотвѣтствующій договоръ. 20-го января Домбровскийъ выпустилъ манифестъ, въ которомъ призывалъ поляковъ, находившихся въ австрійской арміи, оставить свои полки и стѣлнить подъ знамена революціи, чтобы сражаться за „общее дѣло народовъ—за свободу“.

Генераль Янгъ-Генрихъ Домбровскийъ, сынъ поляка и нѣмки, получилъ нѣмецкое воспитаніе и, когда получилъ отъ четырехлѣтняго сейма приглашеніе поступить на службу въ польскую армію, былъ больше нѣмцемъ, чѣмъ полякомъ.

Только возстаніе Косцюшки пробудило въ немъ національное самосознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, связало въ его умѣ польское дѣло съ общимъ дѣломъ европейской революціи.

Воззваніе Домбровскаго имѣло успѣхъ. Поляки цѣлыми сотнями дезертировали изъ австрійской арміи. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ польскіе легіоны насчитывали уже 5000 человекъ. Въ легіонахъ была введена команда на польскомъ языкѣ, а на муштрахъ легіонеровъ красовались наплечники съ надписью: „свободные люди—братья“. Въ легіонахъ была составлена извѣстная пѣсня „Jeszcze Polska nie zginela“ *).

Образованіе легіоновъ сдѣлало поляковъ настоящими воинами революціи. Всюду, гдѣ только народъ поднимался противъ гнета абсолютизма, польскіе легіонеры появлялись въ рядахъ борцовъ за свободу. Ихъ подвиги и создали, главнымъ образомъ, полякамъ ту репутацію прирожденныхъ революціонеровъ, какою они пользовались во всей Европѣ.

Сначала въ легіонахъ ощущался недостатокъ въ офицерахъ, но вскорѣ прибылъ съ 40 офицерами генераль Карлъ Князевичъ. „Они оставили родину, — писалъ впоследствии Домбровскій, — какъ разъ въ то время, когда три державы, растерзавшія Польшу, воспретили подъ страхомъ смертной казни эмигрировать за границу и входить въ сношенія съ польскими легіонами“.

Разсчитывая на симпатіи Турціи къ Польшѣ и вражду славянъ и румынъ къ Австріи, Домбровскій представилъ Наполеону Бонапарту планъ похода въ Буковину и Галицію черезъ Турцію и вскорѣ получилъ приказъ отправиться со всей польской легіею въ Пальма-Нуова. Съ своей стороны, польскіе эмигранты въ Парижѣ задумали, совмѣстно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Шарлемъ де-ла-Круза и съ соглашеніемъ Директоріата, вызвать національныя возстанія поляковъ,

*) „Еще Польша не погибла!“

мадьяръ и южно-австрійскихъ славянъ и образовать изъ этихъ народовъ федеративный союзъ по образцу Швейцаріи.

Между тѣмъ, польскіе легіоны выступили въ походъ, неисполненные самыхъ радужныхъ надеждъ. Ихъ силы достигли уже 7000 человекъ и должны были еще увеличиться послѣ присоединенія къ нимъ польскаго отряда, сформировавшагося въ Турціи. Вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, получается извѣстіе о томъ, что Франція заключила миръ съ Австріею въ Кампо-Форміо. Движеніе польской легіи было приостановлено. Одновременно съ этимъ Европа узнаетъ о смерти Екатерины II и вступленіи на русскій престолъ Павла I, сочувствующаго полякамъ.

Послѣ заключенія Кампоформійскаго мира польская легія была раздѣлена на два корпуса. Одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ генерала Князевича былъ посланъ въ Панскую область для взятія Рима, другой остался въ провинціяхъ, отнятыхъ незадолго передъ тѣмъ отъ Австріи, а именно— въ Миланѣ и Мантуѣ.

3 мая 1798 года польскіе легіонеры вступили торжественно въ Римъ, а затѣмъ заняли королевство Неаполитанское. Главнокомандующій республиканскою арміею генераль Шампюне, желая отличить поляковъ, предложилъ Князевичу, какъ одному изъ главныхъ героевъ неаполитанской кампаніи, отвезти взятые на время войны трофеи въ Парижъ и вручить ихъ Директоріату.

Князевичу было въ то время 37 лѣтъ. Онъ родился въ окрестностяхъ Митавы, гдѣ его отецъ былъ управляющимъ въ имѣніяхъ князя Понятовскаго. По окончаніи курса въ Варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ принималъ участіе въ кампаніи 1792 г., но только возстаніе Косцюшки сдѣлало изъ него пламеннаго патріота и революціонера.

Въ Парижѣ Князевичъ былъ принятъ съ большими почестями. Во время торжественнаго врученія Директоріату неприятельскихъ знаменъ между французскими министрами от-

ведено было мѣсто и для польскаго героя, только что вернувшася изъ Америки. Тадеуша Косцюшко „Подвиги поляковъ доказываютъ,—сказалъ военный министръ,—что они потеряли свою независимость не вслѣдствіе отсутствія у нихъ талантовъ и храбрости... Они достойны того, чтобы найти среди насъ отечество и свободу“. Въ ознаменованіе заслугъ польской легіи Директоріатъ пожаловалъ Князевичу почетное оружіе.

Въ 1799 году польскіе легіоны принимаютъ участіе въ войнѣ Франціи противъ Россіи и Австріи. Въ этой кампаніи счастье измѣнилось французамъ. Бонапарте былъ въ это время въ Египтѣ. Поляки дрались съ отчаянною храбростью. Въ битвѣ подъ Леньяно второй польскій легіонъ съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ прикрывалъ отступление всей французской арміи, что Директоріатъ счелъ нужнымъ въ особомъ указѣ благодарить поляковъ.

Въ кровопролитномъ сраженіи подъ Маньяно погибло около 1000 поляковъ. Тамъ былъ тяжело раненъ также одинъ одинъ изъ лучшихъ польскихъ генераловъ—Францъ-Ксаверій Рымкевичъ. Во время осады Мантуи второй легіонъ опять отличился безпримѣрною храбростью и выносливостью. „Въ то время, какъ почти весь гарнизонъ, состоявшій изъ разныхъ національностей,—писалъ Кипріанъ Гудебскій генералу Князевичу,—жаловался на недостатокъ предметовъ первой необходимости, дороговизну и тяжесть службы, только одни поляки стойко переносили удары судьбы; дезертирство, ставшее обыкновеннымъ явленіемъ даже между французами, у насъ совсѣмъ отсутствовало“. Несмотря на упорство защитниковъ, Мантуя должна была сдаться, при чемъ австрійскій полководецъ Край жестоко отомстилъ лѣтнимъ полякамъ.

Первый легіонъ, состоявшій подъ начальствомъ Домбровскаго, въ то же время потерпѣлъ громадный уронъ. Онъ сражался въ Тосканіи, участвовалъ въ битвахъ при Требій, подъ Нови и около Генуи. Поляки совершали чудеса хра-

броси. Особенно отличились Конопка и Хлопицкій. Самъ Домбровскій чуть не погибъ отъ вражеской пули и спасся только благодаря тому, что въ боковомъ карманѣ у него находилась шиллеровская „Исторія тридцатилѣтней войны“.

Военныя неудачи французовъ ускорили паденіе Директоріата. Бонапартъ, вернувшійся изъ Египта, низвергъ 10-го ноября существующее правительство и учредилъ Консульство, провозгласивъ себя первымъ консуломъ. Къ полякамъ, особенно къ Коцюпкѣ и Князевичу, онъ относился съ большимъ уваженіемъ, а генералу Домбровскому написалъ письмо, возбуждившее большія надежды среди поляковъ.

Послѣ знаменитой битвы подъ Маренго (15-го іюня 1800 г.) Домбровскій опять представилъ Наполеону свой прежній планъ нападенія на Галицію, которое должны были совершить двѣ польскія легіи: итальянская и придунайская, во главѣ которой находился Князевичъ. Онъ указывалъ Наполеону вѣрный способъ пораженія Австрійской монархіи: „Объщайте—писалъ онъ—вѣбъмъ славянскимъ народамъ свободу и независимость, и они присоединятся къ вамъ“.

Когда въ декабрѣ того же года возобновились военныя дѣйствія, итальянская легія приняла участіе въ осадѣ Пескьеры и Мантуи, во время которой поляки, по свидѣтельству начальника главнаго штаба генерала Удино отличились выдающеюся храбростью.

Придунайская легія точно также покрыла славою польское имя. Главнокомандующій придунайской арміею, генералъ Моро восхищался ея мужествомъ. Въ памятной битвѣ подъ Гогенлинденомъ легія Князевича сражалась на правомъ крылѣ и, удерживая превосходящія силы непріятели, дала возможность генералу Ришпансъ обойти враговъ и ударить на нихъ съ тыла, благодаря чему французы одержали побѣду.

Находясь въ авангардѣ, польская легія перешла первою рѣку Иннь, а подъ Зальцбургомъ въ значительной степени содѣйствовала благополучному исходу битвы.

Бодро гляди въ будущее, шли поляки подъ побѣдоносными знаменами Наполеона на Вѣну. Казалось, что ихъ надежды были близки къ осуществленію. Обѣ польскія легіи насчитывали тогда уже около 16,000 чел.; это были прекрасные кадры для будущей польской арміи. Храбрость, выносливость и дисциплинированность польскаго солдата вызывали всеобщее одобреніе. Сочувствіе народовъ сопровождало всюду польскихъ легіонеровъ. Всѣ готовились уже восторженно привѣтствовать зарю грядущей свободы.

Этимъ надеждамъ готовился роковой ударъ. Вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, при заключеніи Люневильскаго мира (9 февраля 1801 г.) Наполеонъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о Польшѣ, а по договору съ Россіею отъ 8 октября 1801 г. онъ обязался даже впредь не поддерживать вовсе польскихъ стремленій. Франція, принявшая на себя содержаніе польскихъ легій, уступила ихъ теперь итальянскимъ правительствамъ. Ихъ просто продали, какъ хорошихъ солдатъ. Этотъ поступокъ вызвалъ негодованіе въ рядахъ легіонеровъ.

Князевичъ заявилъ генералу Моро, что онъ наемникомъ быть не желаетъ, и подалъ въ отставку. Его примѣру послѣдовали многіе офицеры. Началось неизвѣстное до тѣхъ поръ дезертирство. Тогда французское правительство, боясь потерять прекрасныхъ солдатъ, рѣшило присоединить ихъ къ французской арміи, которая вела въ то время трудную, кровопролитную войну съ неграми на островѣ Санъ-Доминго. Въ концѣ декабря 1802 г. и въ началѣ 1803 г. остатки польскихъ легіоновъ были насильно посажены на корабли и отправлены подъ убійственные лучи тропическаго солнца.

„Рабы насилія. — писалъ Амилькаръ Косинскій Кипріану Гудебскому, — идутъ стеречь тюрьму, въ которой несчастная алчность европейцевъ пытается стюить несчастныхъ негровъ“. Желтая лихорадка произвела страшное опустошеніе въ польскихъ рядахъ. Въ сентябрѣ 1803 г. Гауке писалъ Косинскому, что изъ двухъ корпусовъ осталось едва 200 солдатъ

и 16 офицеровъ. Особенно тяжела была потеря генерала Яблоновскаго и Круликевича. Польскій легіонеръ, служившій въ Европѣ образцомъ храбрости и героизма, предпочиталъ на Санъ-Доминго умирать въ госпиталѣ отъ лихорадки, чѣмъ сражаться противъ негровъ.

Таковъ былъ печальный конецъ героической эпопеи польскихъ легіоновъ. Несмотря на это, она оказала огромное вліяніе на развитіе демократическихъ принциповъ въ польскомъ народѣ и имѣла большое значеніе въ общемъ ходѣ польскаго національнаго движенія. Поляки напомнили о себѣ всему міру: и королямъ, и народамъ. Полякъ, какъ писалъ поэтъ-легіонеръ Кипріанъ Годабскій,

„Въ родной землѣ лишенный крова,
Скитальцемъ-рыцаремъ Европу обошелъ;
И имя польское воскресло снова,
Неся тиранамъ мечь, а счастье народамъ!“

Итальянскіе поэты воспѣвали славу польскихъ легіоновъ, убѣряя, что Италия никогда не забудетъ заслугъ, положительныхъ поляками въ борьбѣ за ея освобожденіе. Польскія знамена, гласящія что все „свободные люди—братья“, возбуждали восторгъ на обоихъ полушаріяхъ. Въ далекой Америкѣ до сихъ поръ широкою популярностью пользуются имена Косцюшки и Пулавскаго, проливавшихъ свою кровь за освобожденіе С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ англійскаго владычества. Въ Чикаго и другихъ американскихъ городахъ этимъ обонмъ польскимъ героямъ воздвигнуты памятники.

Въ Швейцаріи и Германіи польскіе легіоны встрѣчали всегда самый радушный пріемъ.

Въ повседневномъ быту между легіонерами существовали поистинѣ братскія отношенія. Когда Кипріанъ Годабскій заплакалъ, узнавъ о смерти своего брата, погибшаго подъ Леньяно, Рымкевичъ указалъ ему на ряды легіонеровъ и произнесъ: „Вѣдь это все также твои братья“.

Въ случаѣ нужды легіонеры дѣлились между собою побратски послѣднимъ кускомъ хлѣба. Когда однажды въ легіонахъ возникло недовольство по поводу плохого состоянія солдатской обуви, генераль Джевецкій снялъ сапоги и шелъ босикомъ, какъ остальные солдаты. Понятно, что честность, безкорыстіе и братскія отношенія офицеровъ къ солдатамъ вліяли на поднятіе нравственнаго уровня польскихъ легіонеровъ. „Не численностью, а доблестью и прочими нравственными качествами,—говоритъ Домбровский въ своемъ приказѣ по войскамъ отъ 3 мая 1798 г.,—вы можете обратить на себя вниманіе Европы“.

Офицеры заботились также объ образованіи солдатъ. Рымкевичъ, во время осады Мантуи, велѣлъ нижнимъ чинамъ читать, кромѣ ежедневныхъ приказовъ, журналъ „Легіонную Декаду“, главными сотрудниками которой были Кирианъ Годдебскій и капитанъ Пашковскій, помѣщавшіе въ ней свои собственныя произведенія и переводы лучшихъ иностранныхъ писателей. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ польскихъ офицеровъ свое времяпрепровожденіе въ Фальцбургѣ: „Весь день проходитъ въ работѣ, по вечерамъ занимаюсь самообразованіемъ и обученіемъ солдатъ“. Все это развило въ легіонерахъ гражданскія чувства въ весьма высокой степени. Возвращаясь на родину, они оказывали самое благотѣльное вліяніе на молодежь.

Вѣсти о подвигахъ легіонеровъ пробуждали въ народѣ духъ патріотизма. Воскресли надежды, заговорило чувство долга. Всюду устраивались собранія, завязывались сношенія съ эмигрантами, собирались деньги на общественныя цѣли, образовывались тайныя общества или такъ называемыя ассоціаціи, о которыхъ, къ сожалѣнію, сохранились весьма недостаточныя свѣдѣнія. Губернаторъ южной Пруссіи гр. Гойме донесъ министру иностранныхъ дѣлъ, что при обыскѣ у одного лица были найдены бумаги, свидѣтельствующія о существованіи между поляками весьма распространеннаго патріоти-

ческаго союза и объ образованіи въ самой Варшавѣ 13 марта 1796 г. такъ называемой „Организаціи центрального собранія“, цѣль которой состояла въ поддержаніи сношеній съ заграницею. Въ томъ же году былъ обнаруженъ заговоръ Горжковскаго, заслуживающій особаго вниманія по той причинѣ, что онъ былъ составленъ крестьянами и имѣлъ цѣлю, кромѣ низверженія иноземнаго ига, освобожденіе трудящихся массъ. Горжковскій, его помощникъ, артиллерійскій офицеръ Перлесъ и множество крестьянъ были арестованы. Судебное слѣдствіе не сумѣло, однако, раскрыть тайны этой организаціи.

Двадцатилѣтній Перлесъ умеръ въ тюрьмѣ. Горжковскій былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена, однако, изгнаніемъ изъ предѣловъ государства. Въ Литвѣ было обнаружено патріотическое сообщество, находившееся въ близкихъ сношеніяхъ съ польскими эмигрантами и снабжавшее ихъ деньгами. Въ Вильнѣ было тогда арестовано 70 человекъ. Во время слѣдствія арестованныхъ били розгами. Настоятель доминиканскаго монастыря въ Вильнѣ Ценерскій, его братъ Станиславъ, Авреліанъ Домбровскій, Вацлавъ Зюлковскій и Станиславъ Юдыцкій были приговорены петербургскимъ сенатомъ 2 декабря 1797 г. къ наказанію кнутами, наложенію на лицѣ позорнаго клейма, разрыву поздрей и ссылкѣ въ каторжныя работы въ Сибирь. Императоръ Павелъ приказалъ ограничиться только ссылкой въ Сибирь.

Прусское правительство, проникнувъ въ самое сердце Польши—Мазовію съ бывшею столицею Рѣчи Посполитой—Варшавою, приступило сразу къ насильственной германизаціи поляковъ и ввело въ польскихъ провинціяхъ общепрусскій кодексъ (*das allgemeine Landrecht*). На государственной службѣ пѣмцы пользовались предпочтеніемъ передъ поляками. Положено было начало нѣмецкой колонизаціи; нѣмецкимъ колонистамъ дарованы были всякія льготы и привилегіи: имъ возмѣщали расходы по переселенію, отводили бесплатно участки

земли, помогали завести инвентарь, освобождали от уплаты податей и отъ всѣхъ повинностей на срокъ отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ и т. д.

Легкомысленная и своекорыстная польская шляхта также выпшывала изъ Вюртемберга колонистовъ (такъ называемыхъ Hauländer) и предоставляла имъ лѣсныя угодья въ своихъ имѣніяхъ. „Національныя имущества“ были пожалованы прусскимъ сановникамъ и генераламъ. Школы, основанныя польскою эдукационною комиссіей, были закрыты. Однимъ лишь монахамъ Піарскаго ордена было разрѣшено содержать польскія училища, съ которыми должны были соперничать правительственная гимназія въ Познани и варшавскій лицей. Несмотря на всѣ отрицательныя стороны германизационной политики, прусское управленіе было болѣе гуманнымъ и не столь тяжелымъ, какъ въ польскихъ областяхъ, отошедшихъ къ Австріи. Перемена къ лучшему стала особенно замѣтной послѣ вступленія на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма III (въ ноябрѣ 1797 г.).

Подъ влияніемъ возвращавшихся на родину эмигрантовъ и легионеровъ, въ болѣе либеральныя круги польскаго общества стало проникать сознаніе въ необходимости серьезной работы для поднятія народнаго просвѣщенія.

Поэтъ Людовикъ Осипскій, любимецъ варшавской аристократіи, въ своихъ стихотвореніяхъ обращалъ вниманіе шляхты на тяжелое положеніе крестьянъ и восклицалъ:

„О, истина! Ты—душа міра.
Сокруши предразсудокъ! И пусть человекъ
Признаетъ въ человекѣ брата...“

Ученые и писатели собирались у историка Альбертранди, Станислава Потоцкаго и Станислава Солтыка, и на этихъ собраніяхъ возникла мысль объ образованіи въ Варшавѣ „Общества друзей науки“ (16 іюля 1800 г.). Епископъ Игнатій

Красицкій выхлопоталъ у прусскаго короля утвержденіе устава новаго общества, первое засѣданіе котораго состоялось 9 мая 1801 г. Самымъ щедрымъ жертвователемъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества былъ заслуженный патріотъ Станиславъ Сташицъ, извѣстный своими трудами по геологій. Вообще, умственная жизнь Варшавы въ краткую эпоху прусскаго владычества не встрѣчала въ своемъ развитіи особенныхъ препятствій со стороны правительства.

Въ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи, Екатерина II ввела бюрократическое управленіе и обратила особенное вниманіе на такъ называемый униатскій вопросъ. Униатскія церкви были въ большомъ количествѣ закрыты, а многіе униаты насильно обращены въ православіе. Вступившій въ кониѣ 1796 года на русскій престолъ императоръ Павелъ I осуждалъ политику матери и рѣшилъ облегчить положеніе поляковъ. Онъ лично посѣтилъ въ тюрьмѣ взятаго въ плѣнъ Косцюшко и вскорѣ совѣмъ освободилъ его. Когда Ксаверій Домбровскій прибылъ въ Петербургъ, Павелъ охотно говорилъ съ нимъ о будущности Польши и предложилъ ему представить черезъ князя Безбородко докладъ о польскомъ вопросѣ. Домбровскій въ своемъ проектѣ совѣтовалъ императору провозгласить себя польскимъ королемъ и потребовать отъ Австріи возврата польскихъ провинцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключить союзъ съ Франціею для завоеванія общими силами Индіи. Павелъ благосклонно отнесся къ этимъ планамъ. Онъ поручилъ Домбровскому сформировать въ Вильнѣ польскую кавалерію и призвать всѣхъ эмигрантовъ къ возврату. Всѣ эти начинанія были прерваны внезапною смертію Павла I въ 1801 году.

На престолъ вступилъ сынъ его Александръ, другъ князя Адама Чарторыскаго, хорошо расположенный къ полякамъ. Воспитанныкъ швейцарца Фридриха Лягарпа, онъ увлекался въ юности либеральными идеями вѣка и мечталъ о счастьи человѣчества. Онъ съ ненавистью отзывался о деспотизмѣ и строилъ фантастическій планъ федерации свободныхъ наро-

довъ. Сблизившись съ молодымъ польскимъ аристократомъ княземъ Адамомъ Чарторыскимъ, который былъ привезенъ въ Петербургъ въ качествѣ заложника, Александръ нашель въ немъ предавнаго друга, раздѣлявшаго всѣ его убѣжденія. Онъ искренно возмущался раздѣломъ Польши. Косцюшко въ его глазахъ былъ героемъ не только потому, что отличался великими добродѣтелями и совершилъ рядъ подвиговъ, но также потому, что защищаль дѣло, которое было прежде всего дѣломъ гуманности и справедливости.

Къ сожалѣнію, въ душѣ Александра уживались самыя, казалось бы, непримиримыя противорѣчія. Мечтатель, горѣвшій идеальной любовью къ свободѣ и человечеству, онъ былъ однако беззавѣтно преданъ такому извергу, какъ Аракчеевъ. Называя восстановление Польши „своею излюбленною идеею“ („mon idée favorite“), онъ въ то же время охотно читаетъ записки Василя Ланекого и карьериста Поццо-ди-Борго, доказывавшихъ необходимость полного сліянія польскихъ областей съ Россією, а въ 1815 году вручаетъ судьбы созданнаго имъ самимъ конституціоннаго Царства Польскаго въ руки жестокаго брата своего Константина. Вообще, во всей политикѣ Александра I по отношенію къ польскому вопросу замѣчается какая-то неискренность и двуличность.

Сначала императоръ принималъ очень близко къ сердцу судьбу поляковъ. Чарторыскаго онъ назначилъ въ 1803 году министромъ иностранныхъ дѣлъ, поручивъ ему, кромѣ того, организацію учебнаго дѣла въ польско-литовскихъ провинціяхъ. Въ томъ же 1803 году былъ преобразованъ Виленскій университетъ. По представленію Чарторыскаго инспекторомъ школъ въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ былъ назначенъ извѣстный въ Польшѣ ревнитель просвѣщенія Тадеушъ Чацкій, который нашель себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ Гуго Коллонтая, освобожденнаго благодари заступничеству императора Александра изъ австрійскаго плѣна. Коллонтай наставляль, главнымъ образомъ, на учре-

женіи возможно большаго числа приходскихъ училищъ, которыя онъ ставилъ гораздо выше монастырскихъ школъ, называя послѣднія „лавочками, торгующими самымъ дряннымъ товаромъ“. Особенное вниманіе Чацкій и Коллонтай обратили на устройство въ г. Кременецъ (Вольнской губ.) лицея, изъ котораго они хотѣли сдѣлать „лѣтчо въ родѣ небольшого университета“.

Въ апрѣль 1805 года противъ Наполеона, объявившаго себя въ 1804 году императоромъ Франціи, составилаь новая коалиція державъ. Въ этой коалиціи участвовали: Англія, Австрія, Россія и Швеція. Находившійся въ это время въ Петербургѣ Платолли совместно съ Чарторыскимъ выработалъ планъ, согласно которому главная цѣль коалиціи должна была заключаться въ противодѣйствіи все возрастающему военному могуществу Франціи. При этомъ предполагалось образовать вновь польское государство и возстановить прежнія территориальныя границы европейскихъ державъ. Александръ I долженъ былъ провозгласить себя польскимъ королемъ и въ случаѣ, если бы прусскій король отказался присоединиться къ коалиціи, русскія войска должны были немедленно вступить въ предѣлы Пруссіи.

80-тысячный русскій корпусъ двинулся въ Галицію и расположился лагеремъ на берегу Вислы въ окрестностяхъ Пулавъ (нынѣ Новая Александрія, Люблинской губ.)—имѣнія кн. Чарторыскихъ. Императоръ жилъ во дворцѣ Чарторыскаго и своимъ любезнымъ обращеніемъ очаровалъ польскихъ аристократовъ. Прусскій король уклонился отъ пріѣзда въ Пулавы и пригласилъ императора къ себѣ въ Берлинъ. Здѣсь, поддающійся легко постороннимъ ваіяніямъ, Александръ скоро попалъ въ сѣти прусской дипломатіи. Все хитросплетенные планы были забыты, а блестящая побѣда Наполеона надъ австрійскою и русскою арміями подъ Аустерлицемъ (2 декабря 1805 г.) похоронила ихъ разъ навсегда. Чарторыскій, вида крушеніе своего плана, подалъ въ отставку.

Въ слѣдующемъ году Англія, Пруссія, Россія и Швеція образовали вновь коалицію противъ Франціи. Наполеонъ, зная, что поляки теряютъ довѣріе къ императору Александру, рѣшилъ использовать это настроеніе и выступилъ открыто въ качествѣ защитника идеи польской независимости. Онъ приказалъ напечатать хранившееся въ рукописи сочиненіе Рюльера (Rulhière) о раздѣлахъ Польши, остатки польскихъ легионовъ включилъ въ дѣйствующую французскую армію, назвалъ предстоящую кампанію польскою и пытался заручиться нравственною поддержкою Косцюшки. Послѣдній однако отказался отъ всякаго участія въ осуществленіи наполеоновскихъ плановъ; зато Генрихъ Домбровскій и Выбицкій полагали, что полякамъ не слѣдуетъ упускать удобный моментъ.

Наполеонъ, разбивъ прусскія войска подъ Леною и Ауэрштедтомъ (16 октября 1806 г.), спустя 10 дней былъ уже въ Берлинѣ, гдѣ и предложилъ Домбровскому и Выбицкому составить манифестъ, призывающій поляковъ къ возстанію и борьбѣ за независимость. Это воззваніе, а еще болѣе извѣстіе о томъ, что французскія войска вступили въ предѣлы бывшей Рѣчи Посполитой, вызвали энтузіазмъ среди поляковъ. Французовъ встрѣчали, какъ братьевъ, какъ освободителей. Отряды добровольцевъ организовались съ поразительною быстротою. Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ Скуржевскій и Липскій заняли Калишъ, и четыре полка пѣхоты были готовы къ выступленію.

Французская армія приближалась, между тѣмъ, къ Варшавѣ. Прусскій губернаторъ Келеръ оставилъ городъ 26-го ноября. Въ 7 часовъ вечера прусскія и русскія войска отступили на предмѣстье Варшавы—Прагу, а въ часъ ночи былъ сожженъ мостъ на Вислѣ. На слѣдующій день въ 6 часовъ пополудни эскадронъ кавалерійскихъ стрѣлковъ, составлявшій авангардъ французской арміи, вошелъ въ Варшаву. Жители польской столицы заполнили улицы, восторженно привѣтствуя французовъ. Началось братаніе съ прибывшими солдатами, которые съ полнымъ довѣріемъ оставляли свои повозки съ

аммуниціею подь охраною городской милиціи. На улицахъ были поставлены столы со всевозможными яствами, и пиръ продолжался всю ночь.

Наполеонъ прибылъ въ Познань 27-го ноября. Принимая депутаціи отъ города, онъ обѣщалъ возвратити полякамъ политическую независимость, прибавивъ при этомъ: „Ваша судьба находится теперь въ вашихъ рукахъ“. Этими словами онъ далъ понять полякамъ, что имъ необходимо организовать для начинавшейся войны свою собственную армію. Въ Варшаву Наполеонъ прибылъ совершенно неожиданно ночью 19-го декабря. Его появленіе въ городѣ вызвало неписуемый энтузіазмъ. Послѣ кровопролитнаго сраженія подь Пултускомъ русскія войска отступили за Остроленку. Слѣдующая битва подь Эйлау продолжалась два дня, 7 и 8 февраля 1807 г., а Данцигъ сдался 26-го мая. Наконецъ, блестящая побѣда Наполеона подь Фридрихсдорфомъ (14 іюня 1807 г.), гдѣ сражались также и поляки подь начальствомъ Домбровскаго, заставила союзниковъ отступить за рѣку Нѣманъ. Французы вступили въ Кенигсбергъ, а 19-го того же мѣсяца были уже въ Тильзитъ.

Какъ Наполеонъ, такъ и Александръ жаждали мира. Хотя первый и остался побѣдителемъ, но на пути къ осуществленію всѣхъ его дальнѣйшихъ плановъ стояла неутомимая Англія. Въ іюль мѣсяцѣ 1807 г. былъ заключенъ въ Тильзитѣ мирный договоръ, на основаніи котораго изъ польскихъ областей, отошедшихъ къ Пруссіи, было образовано независимое Герцогство Варшавское. Прусскому королю было оставлено все польское побережье Балтійскаго моря, кромѣ г. Гданска (Данцига), сдѣланнаго „вольнымъ“ городомъ; къ Россіи присоединена была значительная часть Бѣлостокскаго округа съ г. Бѣлостокомъ. На престолъ Герцогства Варшавскаго былъ возведенъ саксонскій король Фридрихъ-Августъ.

Надежды поляковъ не осуществились во всей полнотѣ, но они приобрѣтали все-таки, какъ выразился Станицъ, „почву, необходимую для сплоченія силъ и вооруженія“.

ГЛАВА II.

Герцогство Варшавское.

(1807—1815).

Основанное Наполеономъ Герцогство Варшавское при четырехмилліонномъ населеніи занимало территорію вдвое больше нынѣшней Швейцаріи. Кромѣ Варшавы и Познани, въ его предѣлахъ находилось еще нѣсколько довольно значительныхъ городовъ, какъ-то: Плоцкъ, Ломжа, Торнъ, Калишъ и др.

Учрежденная для временнаго управленія Герцогствомъ *Директорія*, желая успокоить общество, сильно взволнованное неосуществленіемъ его надеждъ, выпустила манифестъ, въ которомъ призывала население къ терпѣнію и спокойствію: „Время мира“, говорилось въ манифестѣ, „посвятимъ мирной работѣ и наукамъ, дабы должнымъ образомъ подготовиться къ борьбѣ за благо и процвѣтаніе родины!“ Когда польская депутація благодарила Наполеона за образованіе Герцогства, послѣдній отвѣтилъ: „Я знаю, что поляки недовольны: они желали бы большаго; но не могу же я ради васъ подвергать риску интересы Франціи“, и, комкая свою шляпу, прибавилъ: „Все это будетъ еще вотъ такъ изломано“. Новому Герцогству Наполеонъ даровалъ конституцію, согласно которой законодательная власть принадлежала сейму, а исполнительная— герцогу и шести отвѣтственнымъ передъ сеймомъ министрамъ.

Сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: сенаторской и депутатской. Въ первой заседали сенаторы, т.-е. епископы, воеводы и каштеляны, во второй—60 представителей отъ шляхты и 40—отъ городовъ и гминъ. Избирательными правами пользовались: каждый землевладѣлецъ, хозяинъ-ремесленникъ, купецъ, имѣющій собственную торговлю стоимостью отъ 1000

польскихъ золотыхъ (т.-е. 150 руб.), учителя, ученые, художники и священники, а изъ военныхъ, кромѣ офицеровъ, еще солдаты, получившіе раны на войнѣ или, вообще, участвовавшіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Сеймъ собирался каждые два года.

Въ основу гражданскаго права былъ положенъ Наполеоновскій кодексъ. Всѣ граждане были признаны равными передъ закономъ. Крѣпостное право было отмѣнено, благодаря чему крестьяне стали лично свободными людьми. Къ сожалѣнію, они не были надѣлены землею и попали въ полную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ.

Въ ноябрѣ 1807 г. изъ Дрездена прибылъ въ Варшаву графъ Шенфельдъ, уполномоченный саксонскимъ королемъ составить министерство. Премьеромъ былъ назначенъ Станиславъ Малаховскій, военнымъ министромъ—князь Іосифъ Попитовскій, министромъ юстиціи—Лубенскій, министромъ внутреннихъ дѣлъ—Луцевскій, министромъ финансовъ—Дембовскій, министромъ полиціи—Александръ Потоцкій, статсъ-секретаремъ—Александръ Бреза.

Герцогъ Фридрихъ-Августъ прибылъ въ Варшаву 21-го ноября. Онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи поляковъ, отвѣтивъ по-польски привѣтствовавшимъ его делегатамъ отъ Варшавы.

Къ счастью для поляковъ, Фридрихъ-Августъ оказался человекомъ мягкимъ и добрымъ, чуждымъ всякихъ стремленій къ абсолютизму. Пользуясь на основаніи конституціи значительною властью, онъ предпочиталъ уступить ее сейму, поскольку, конечно, на него не оказывалъ давленія Наполеонъ, преслѣдовавшій свои цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ благомъ польскаго народа. Герцогъ самъ принималъ близко къ сердцу интересы населенія; онъ лично засѣдалъ въ разныхъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ, стараясь всегда выискнуть въ суть разбираемаго вопроса, и во всѣхъ недоразумѣніяхъ

между народомъ и правительствомъ становился на сторону перваго. Въ Варшавѣ онъ старался всегда говорить по-польски, хотя польскій языкъ давался ему съ трудомъ.

Работы по устройству новаго герцогства было очень много. Недавняя война съ сосѣдними державами и внутреннія смуты оставили глубокіе слѣды во всѣхъ областяхъ жизни несчастной страны: необходимо было организовать вновь армію, урегулировать социальныя отношенія, поднять народное образованіе, найти новые источники государственныхъ доходовъ. Последнее было особенно настоятельною потребностью, такъ какъ пришлось, во что бы то ни стало, удовлетворить непомерныя претензіи Наполеона. Дѣло въ томъ, что „великій императоръ“ объявилъ себя, по праву войны, собственникомъ всей суммы, которую граждане Герцогства остались должны своему прежнему прусскому правительству. Сумма этихъ долговъ составляла 48 милліоновъ франковъ. На основаніи Байонскаго договора Наполеонъ уступилъ право на эту сумму правительству Герцогства Варшавскаго, которое обязалось уплатить ему за это въ теченіе трехъ лѣтъ 20 милліоновъ франковъ. Эти такъ называемые „байонскіе капиталы“ явились для Герцогства настоящей контрибуціею, такъ какъ, уплачивая Наполеону наличныя деньги, оно приобрѣтало фиктивное право, которое не могло быть никогда реализовано въ виду полной несостоятельности большинства должниковъ.

Армія герцогства состояла изъ 30,000 человекъ. Декретомъ отъ 9 мая 1808 года была введена всеобщая воинская повинность. Всѣ граждане, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, обязаны были въ возрастѣ отъ 21 до 28 лѣтъ явиться къ рекрутскому набору. Исключеніе составляли лишь государственные чиновники, духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій и учителя, которые совершенно освобождены были отъ воинской повинности. Срокъ службы былъ шестилѣтній.

На основаніи Байонскаго договора (1808 г.) герцогство должно было поставить Наполеону восьмидесячный отрядъ,

которымъ онъ могъ располагать по своему усмотрѣнiю. Этотъ отрядъ принималъ участiе въ войнѣ за испанскiй престолъ, на который Наполеонъ желалъ возвести своего брата Юсифа, короля неаполитанскаго. Въ битвѣ при Само-Сьерра польская кавалерiя подъ начальствомъ Красинскаго отличилась безпримѣрною храбростью, поразивъ мiръ полнымъ пренебреженiемъ къ смерти.

Послѣ отбѣны крѣпостничества оставалось окончательно урегулировать крестьянскiй вопросъ. Крестьянамъ, какъ свободнымъ гражданамъ, предоставлялось право покидать своихъ помѣщиковъ, которые, опасаясь остаться безъ рабочихъ рукъ, старались всѣми средствами затруднить имъ это выселенiе. Отсюда явилась, конечно, масса нареканiй и недоразумѣнiй, для разрѣшенiя которыхъ признано было необходимымъ выработать законъ, регулирующий отношенiя между крестьянами и землевладѣльцами. Соответствующiй декретъ былъ подписанъ герцогомъ 21 декабря 1807 г.

Согласно основамъ конституцiи этотъ декретъ признавалъ за крестьянами право свободнаго переселенiя, но обязывалъ ихъ оставлять при этомъ свои участки помѣщику, который считался полнымъ собственникомъ всей земли, находившейся въ пользованiи крестьянъ. Всѣ недоразумѣнiя между обѣими сторонами подлежали судебному разбирательству. Такое рѣшенiе вопроса, игнорировавшее интересы крестьянъ, было по существу несправедливымъ и весьма вредно отразилось на земледѣлiи, а тѣмъ самымъ и на благосостоянiи всей страны. Несмотря на всѣ недостатки указанной реформы, освобожденiе крестьянъ было явленiемъ прогрессивнымъ, которое привлекало массу крѣпостныхъ изъ польскихъ провинцiй, отошедшихъ къ сосѣднимъ державамъ, гдѣ они находились въ еще худшихъ условiяхъ. И если бы не постоянныя войны, то можно было бы сказать съ увѣренностью, что надѣленiе крестьянъ землею стало бы въ герцогствѣ вопросомъ ближайшаго будущаго. Проектъ Суровецкаго, имѣвшiй цѣлью облег-

чить крестьянамъ пріобрѣтеніе земли въ собственность, нашелъ себѣ много сторонниковъ и пользовался сочувствіемъ въ широкихъ кругахъ общества. Увеличеніе числа свободныхъ рубъ способствовало развитію промышленности, которую правительство съ своей стороны дѣятельно поддерживало.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ такъ называемый эдукаціонный отдѣлъ. Онъ состоялъ изъ восьми членовъ и предѣдателя, назначаемого герцогомъ. Отдѣлъ занялся пересмотромъ учебныхъ программъ низшихъ и среднихъ школъ; реорганизовалъ служившія цѣлямъ германизации учительскія семинаріи; увеличилъ въ теченіе пяти лѣтъ число элементарныхъ школъ съ 147 до 1110. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавѣ были открыты юридическая и медицинская школы. Кадетскіе корпуса въ Холмѣ и Калинѣ, благодаря разумнымъ реформамъ и значительнымъ пожертвованіямъ князя Понятовскаго, выпускали знающихъ и дѣльныхъ офицеровъ.

7 марта 1809 года собрался первый сеймъ Герцогства Варшавскаго подъ предѣдательствомъ Юмы Островскаго. Сеймъ рассмотрѣлъ и дополнилъ уголовный кодексъ, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, уурядочилъ гражданское судопроизводство и ввелъ французскій кодексъ торговаго права. Согласіе сейма на значительное увеличеніе налоговъ свидетельствовало о томъ, что всѣ слои общества сознавали необходимость матеріальныхъ жертвъ для обновленія родины. Выраженіемъ господствовавшихъ тогда между патриотами взглядовъ можетъ служить брошюра Коллонтай подъ заглавіемъ: „Записка о положеніи той части польскихъ земель, которая отъ Тильзитскаго мира носить названіе Герцогства Варшавскаго“. Коллонтай доказывалъ, что Наполеонъ стремится къ созданію на востокѣ Европы могущественнаго государства, которое, находясь въ союзѣ съ Франціею, могло бы сдерживать Россію и Германію.

Лишь только въ Герцогствѣ Варшавскомъ сталъ водво-

ряться порядокъ, и жизнь, казалось, вступила въ мирную колею, какъ въ апрѣлѣ 1809 года Австрія вновь объявила Франціи войну. Непріятельскіе корпуса двинулись въ Тироль, Италію и Баварію. Австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ во главѣ 40-тысячной арміи перешелъ границу Герцогства Варшавскаго, оповѣщая населеніе, что онъ вступаетъ въ эту страну не какъ врагъ, а какъ освободитель поляковъ отъ французскаго ига.

Государственный совѣтъ, которому Фридрихъ-Августъ поручилъ защиту Герцогства отъ вѣнскихъ враговъ, назначилъ главнокомандующимъ князя Юсіфа Понятовскаго. Последній съ плохо обученной, молодой 13-тысячной арміею встрѣтился съ австрійцами подъ Рашиномъ. Началось ожесточенное сраженіе. Трижды поляки теряли Фалентохскую рощу и трижды овладѣвали ею снова. Особенно отличился отрядъ легіонера Гудебскаго, погибшаго въ рашинскомъ сраженіи. Къ утру польскія войска, уступая втрое превосходящимъ ихъ силамъ враговъ, отошли къ варшавскимъ окопамъ. Члены варшавскаго правительства переѣхали въ Торинъ, Понятовскій занялъ Прагу, а эрцгерцогъ Фердинандъ вступилъ въ Варшаву, гарантировавъ цѣлость и безопасность города и его жителей. Тогда польскія войска двинулись къ Модлину (нынѣ Новогеоргіевскъ). Здѣсь былъ созданъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было принять планъ Генриха Домбровскаго. Понятовскій, согласно этому плану, долженъ былъ вступить со своею арміею въ Галицію и призвать тамъ народъ къ возстанію; Домбровскій взялъ на себя организацію такого же движенія въ Великой Польнѣ (т.-е. Познани). Оуществленіе этого плана поставило бы эрцгерцога Фердинанда въ весьма затруднительное положеніе, приковавъ его къ Варшавѣ.

25-го апрѣля генералъ Соколыницкій разбилъ австрійцевъ подъ Гроховомъ и открылъ себѣ дорогу въ принадлежавшій тогда Австріи Люблинъ. Отсюда поляки двинулись далѣе на

югъ и, взявъ рядъ городовъ, 28-го мая торжественно вступили въ Львовъ, жители котораго съ восторгомъ встрѣтили родныя знамена. Возстаніе разгорѣлось во всей Галиціи. Партизанскіе отряды выгнѣнили австрійцевъ изъ Тарнополя и Станиславова. Въ то же время эрцгерцогъ, тщетно старавшійся перебросить часть своей арміи на правый берегъ Вислы, убѣдился, что повстанскіе отряды изъ Познани заняли уже Сухачевъ и угрожаютъ отрѣзать австрійцамъ все пути къ отступленію. Тогда, принудивъ городъ уплатить 400,000 польскихъ злотыхъ (т.-е. 60,000 руб.) контрибуціи, Фердинандъ со всею своею арміею въ ночь на 2-ое іюня покинулъ Варшаву. Генераль Соколыницкій послѣ упорнаго сраженія долженъ былъ отдать австрійцамъ Сандомиръ. Главныя непріятельскія силы двинулись на Львовъ. Между тѣмъ, Понятовскій собралъ все польскіе полки въ Пулавахъ и, соединившись съ познанскими отрядами, подступилъ къ Кракову. 14-го іюля крѣпость сдалась полякамъ. Дальнѣйшей войнѣ положила конецъ блестящая побѣда Наполеона при Ваграмѣ. 16-го іюля было объявлено перемиріе.

Весь польскій народъ оказывалъ посильную помощь правительству Герцогства Варшавскаго въ этой войнѣ. Князь Чарторыскій и гр. Замойскій сформировали на свой счетъ цѣлыхъ три полка, а Іосифъ Малаховскій пожертвовалъ 50,000 польскихъ злотыхъ въ пользу гусарскихъ полковъ. Іосифъ Подгородецкій привелъ 150 кавалеристовъ. Провіантъ доставлялся бесплатно. Крестьяне охотно вступали въ ряды польскихъ войскъ и всюду, гдѣ только представилась возможность, старались вредить австрійцамъ. Русскія войска, которыя должны были согласно договору съ Наполеономъ оказывать полякамъ помощь, никакого участія въ этой кампаніи не принимали.

На основаніи вѣнскаго трактата 14 октября 1809 г. Герцогство Варшавское увеличилось путемъ присоединенія къ нему значительной части Галиціи, отошедшей по вто-

рому раздѣлу Польши къ Австріи. Между прочимъ, и г. Краковъ, древняя столица польскихъ королей, перешелъ тогда во владѣніе Герцогства Варшавскаго. Только солянныя копи въ Величкѣ, близъ Кракова, были признаны общою собственностью австрійскаго императора и саксонскаго короля.

Такимъ образомъ, Герцогство Варшавское пріобрѣло, благодаря успѣхамъ польскаго оружія, 919 квадр. миль и 1½ милліона душъ населенія. Новая территория была раздѣлена на четыре департамента, сорокъ уѣздовъ и двадцать шесть гминь. Число членовъ сейма увеличилось на 26 сенаторовъ и 66 депутатовъ.

Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ (отъ Австріи) Тарнопольскій и Збаражскій округа; кромѣ того, между Александромъ I и Наполеономъ состоялось соглашеніе, по которому Польша никогда уже не могла быть восстановлена въ прежнихъ ея границахъ, а территория Герцогства Варшавскаго должна была навсегда остаться неизмѣнною. Чрезмѣрные расходы, вызванные войною и хищническими требованіями Наполеона, пагубно отразились на экономическомъ положеніи Герцогства.

Императоръ потребовалъ увеличенія арміи до 60,000 человекъ и приказалъ возможно скорѣе укрѣпить Торнъ, Модлицъ, Прагу и Замостье. Нетрудно понять, что финансы маленькаго истощеннаго войною Герцогства не могли выдержать такого крайняго напряженія, и въ скоромъ времени въ казніѣ сталъ ощущаться такой недостатокъ въ деньгахъ, что чиновникамъ и арміи пришлось уплачивать лишь половину причитавагося имъ жалованья.

Несмотря на тяжелыя экономическія условія, просвѣщеніе, земледѣліе и промышленность продолжали постепенно развиваться. Количество школъ, какъ уже было выше сказано, значительно увеличилось. Среди профессоровъ Варшавскаго лицея мы встрѣчаемъ такихъ ученыхъ, какъ Бентковскій, Швейковскій и знаменитый составитель „Словаря польскаго

языка“ Лиде. Краковскій университетъ былъ преобразованъ. Учреждается „Общество распространенія элементарныхъ знаній“.

Въ Варшавѣ возникаютъ литературные кружки, главнымъ руководителемъ которыхъ былъ Юліанъ Нѣмцевичъ, другъ Косцюшки и извѣстный писатель, только-что вернувшійся тогда изъ Америки. Все это имѣло, конечно, огромное значеніе для развитія умственной жизни страны.

И на другихъ поприщахъ культурной дѣятельности замѣчается столь же сильное движеніе: организуется земледѣльческое общество, по инициативѣ Станислава Сташца преобразовываются горныя училища, улучшаются водные пути сообщенія посредствомъ регуляціи рѣкъ и проведенія каналовъ.

Въ декабрь 1810 года открылся сеймъ подъ предѣтельствомъ Станислава Солтыка. Самымъ неотложнымъ и важнымъ вопросомъ, подлежащимъ рѣшенію сейма, былъ вопросъ объ упорядоченіи финансовъ. Министромъ финансовъ Оаддеемъ Матушевичемъ былъ представленъ законопроектъ о введеніи новой податной системы, при которой, хотя и увеличивалась общая сумма налоговъ, но главная ихъ тяжесть падала на имущіе классы. Несмотря на преобладаніе въ сеймѣ представителей привилегированныхъ сословій, сеймъ, сознавая критическое положеніе страны, принялъ законъ о новыхъ налогахъ согласно проекту Матушевича.

Въ то время было уже ясно, что миръ между Россіей и Франціей не можетъ быть прочнымъ и что скоро начнется новая вооруженная борьба между этими двумя государствами. Понимая это, какъ Наполеонъ, такъ и Александръ старались привлечь на свою сторону поляковъ.

Александръ I, сильно охладѣвшій было къ полякамъ, теперь началъ опять говорить о провозглашеніи себя польскимъ королемъ. Онъ совѣтовался съ кн. Чарторьскимъ о томъ, не было бы ли умѣстнымъ въ случаѣ войны съ Франціей издать соответствующій манифестъ къ полякамъ? Въ концѣ

декабря у Александра I созрѣваетъ новый планъ: дать Польшѣ конституцію и полную политическую свободу, оставивъ польскій престолъ за русскими монархами; онъ считалъ, что для осуществленія этого проекта необходимо лишь выждать нѣкоторое время и затѣмъ, послѣ неизбежнаго разрыва между Австріей и Франціей, войти въ соглашеніе съ Наполеономъ, вознаградивъ саксонскаго короля за потерю Герцогства Варшавскаго. Кроме того, Александръ полагалъ, что для пріобрѣтенія польскихъ симпатій полезно было бы сейчасъ даровать автономію польскимъ провинціямъ, вошедшимъ въ составъ Россійской имперіи, и объявить себя великимъ княземъ литовскимъ; являлось лишь опасеніе, чтобы такими дѣйствіями не возбудить преждевременно подозрѣнія Наполеона, который не преминулъ бы какимъ-нибудь ловкимъ дипломатическимъ шагомъ уничтожить всѣ эти замыслы.

Въ началѣ апрѣля императоръ призвалъ къ себѣ Чарторыскаго и объявилъ ему о своемъ рѣшеніи учредить нѣчто въ родѣ самостоятельнаго правительства для восьми польско-литовскихъ губерній; при этомъ Александръ спросилъ, можно ли будетъ въ такомъ случаѣ разсчитывать на эти провинціи въ случаѣ войны съ Франціей? Чарторыскій просилъ дать ему время для отвѣта. Нѣсколько недѣль спустя, онъ представилъ Александру записку, въ которой доказывалъ, что успѣшнѣе всего можно было осуществить эти планы въ 1805 и 1809 годахъ. Что касается теперешняго настроенія поляковъ, то о немъ можно получить ясное представленіе лишь послѣ опросовъ на мѣстѣ. Александръ все-таки продолжалъ переговоры по этому дѣлу съ Огнискимъ, Любецкимъ и другими поляками и все болѣе убѣждался въ томъ, что однихъ туманныхъ обѣщаній недостаточно и что необходимо облечь ихъ въ болѣе реальныя формы.

Послѣ этого, въ письмѣ своемъ къ Чарторыскому императоръ подробно развиваетъ свой планъ возстановленія польскаго государства при помощи Россіи. Всѣ провинціи быв-

шей Рѣчи Посполитої, кромѣ бѣлорусскихъ, должны были войти въ составъ новаго государства, восточныя границы котораго составляли бы рѣки Двина, Березина и Днѣпръ. Онъ писалъ, что, не помня хорошо положеній конституціи третьяго мая, онъ не будетъ говорить о ея возстановленіи, но во всякомъ случаѣ новая конституція будетъ вполне либеральною и явится выраженіемъ желаній народа. Въмѣстѣ присоединяемой къ Польшѣ Галиціи, предполагалось вознаграждать Австрію Валахіей.

Что касается Наполеона, то онъ въ своихъ обѣщаніяхъ, расточаемыхъ полякамъ, превзошелъ даже Александра. Они оба изошрялись на этомъ поприщѣ, лишь бы пріобрѣсти расположеніе и помощь польскаго народа. Довѣрителями Наполеона въ польскихъ дѣлахъ были Валевскій и маршалъ Дюрокъ. При заключеніи оборонительно-наступательнаго союза съ Австріей (12 марта 1812 г.) въ двухъ секретныхъ параграфахъ упоминается о Галиціи на случай „возстановленія польскаго государства“, а командированному въ Варшаву барону Биньону были даны инструкціи, въ которыхъ говорилось, между прочимъ, что безъ возстановленія Польши границы между Россіей и Европою будутъ постоянно подвергаться насильственнымъ измѣненіямъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что среди военныхъ, въ особенности среди легионеровъ, зародилась мысль дѣйствовать вполне самостоятельно. Орховскій въ своихъ воспоминаніяхъ о польской эмиграціи говоритъ о существованіи военнаго союза, къ которому принадлежали: Генрихъ Домбровскій, Фишеръ, Іосифъ Нѣмцовскій, полковники Сѣравскій и Тшецѣскій. Они намѣревались призвать русскихъ и австрійскихъ поляковъ къ вооруженному возстанію, объявить уничтоженіе барщины и уравненіе крестьянъ во всѣхъ правахъ съ другими гражданами. Начальство надъ войсками предложено было поручить Косцюшкѣ, а для веденія дипломатическихъ переговоровъ Домбровскій предназначалъ Адама Чарторьскаго.

Въ то время Александръ и Наполеонъ открыто готовились къ войнѣ. Россія заключила миръ съ Турціей, вошла въ соглашеніе со Швеціей и Англіей. Наполеонъ, желая предупредить своего противника, въ началѣ мая покинулъ Парижъ, а 23 іюня 1812 года былъ уже въ Вильковъшкахъ. Здѣсь онъ выпустилъ воззваніе къ войскамъ, которое въ то же время было и объявленіемъ войны Россіи. „Вторая польская война, — говорится въ воззваніи, — будетъ столь же славной для французскаго оружія, какъ и первая; миръ, который мы заключимъ, будетъ вполнѣ прочнымъ и положитъ конецъ тому вліянію, какое оказывала Россія на международныя отношенія въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія“.

Одновременно съ объявленіемъ войны образовалась съ согласія Наполеона конфедерація польскаго народа. Императоръ, опасаясь, чтобы она не стала очагомъ революціи, поручилъ де-Прадту, который замѣнилъ Виньона, умѣрять пылъ поляковъ и ни въ коемъ случаѣ не допускать самостоятельнаго выступленія конфедераціи. Новый французскій резидентъ, реакціонеръ по убѣжденію, изворотливый и лживый, такъ усердствовалъ въ исполненіи возложенныхъ на него Наполеономъ обязанностей, что конфедерація превратилась въ пустую политическую демонстрацію. Въ своихъ запискахъ, писанныхъ уже на островѣ св. Елены, Наполеонъ называетъ де-Прадта негодлемъ и измѣнникомъ.

Избраніе князя Адама Чарторыскаго (отца извѣстнаго друга императора Александра) маршаломъ конфедераціи было большою ошибкой. Князь былъ извѣстнымъ сторошникомъ русскаго двора и, притомъ, это былъ совершенно одряхлѣвшій восьмидесятилѣтній старикъ.

Официальное сообщеніе о „второй польской войнѣ“, встрѣченное съ восторгомъ всею польскимъ народомъ, оказало значительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій въ Герцогствѣ Варшавскомъ. На одномъ изъ ближайшихъ заѣзданій сейма Матушевичъ, вручая маршалу актъ конфедераціи, въ

блестящей, зажигательной рѣчи выказалъ мысль, что пришло, наконецъ, время осуществить завѣтную мечту поляковъ о возстановленіи Польши. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время Фридрихъ-Августъ фактически уже не принималъ никакого участія въ управленіи страной. Въ окончательной своей резолюціи сеймъ объявилъ независимость Польши въ ея историческихъ границахъ, не считаясь вовсе съ Тильзитскимъ и Вѣнскимъ трактатами, которые гарантировали Пруссіи и Австріи неприкосновенность ихъ польскихъ владѣній.

Раньше, чѣмъ разойтись, сеймъ учредилъ генеральный совѣтъ конфедераціи Царства Польскаго, который началъ функционировать съ момента роспуска сейма.

23-го іюня Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. Въ авангардѣ великой арміи шли польскіе полки. 28-го іюня войска вступили въ Вильно. Наполеонъ былъ недоволенъ тѣмъ, что значительная часть польскихъ магнатовъ осталась вѣрною Россіи; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ держаться политики, рассчитанной главнымъ образомъ, на помощь мѣстной богатой шляхты. Прибывшему отъ генеральнаго совѣта конфедераціи Царства Польскаго депутату Выбицкому Наполеонъ сказалъ: „Если бы я былъ полякомъ, я чувствовалъ бы и поступалъ такъ же, какъ и вы... Я люблю вашъ народъ... Если вы будете солидарны и проникнетесь все тѣмъ же воинственнымъ пыломъ, какой я видѣлъ въ Великой Польгѣ, Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ ваше святое дѣло“. Очевидно, Наполеонъ, не желая раздражать Австрію и Пруссію, медлилъ съ провозглашеніемъ независимости польскаго государства. Среди патриотовъ наступило разочарованіе. Генеральный совѣтъ конфедераціи, не получивъ отъ императора опредѣленной санкціи, бездѣйствовалъ.

При вступленіи французовъ въ Литву, угнетенный и безправный народъ привѣтствовалъ въ нихъ избавителей отъ несправедливаго и тяжелаго ига; но вскорѣ наслія мародеровъ и военныхъ контрибуцій, разорявшія населеніе, значительно осла-

били то чувство симпатіи и довѣрія, съ какимъ вначалѣ Литва встрѣчала французскіе ораы.

Польская армія, состоявшая изъ 85,000 человекъ, дѣлилась до начала кампаніи на 17 полковъ пѣхоты и 16—кавалеріи. Изъ одиннадцати полковъ пѣхоты и 5—кавалеріи былъ составленъ пятый корпусъ подъ начальствомъ князя Понятовскаго; другой корпусъ, шефомъ котораго былъ назначенъ генераль Фишеръ, состоялъ изъ трехъ дивизій пѣхоты подъ командой генераловъ Заіончка, Домбровскаго и Князевича и одной дивизіи кавалеріи подъ начальствомъ князя Сулковскаго. Остальная часть польскаго войска была распредѣлена между полками французской арміи, что, конечно, вызвало большое неудовольствіе среди поляковъ.

Французская армія заняла всю Литву. Перваго іюля маршалъ Даву взялъ Минскъ, а 28-го того же мѣсяца Наполеонъ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій вступилъ въ Витебскъ. Князь Понятовскій подошелъ къ Могилеву.

Наполеонъ пробылъ въ Витебскѣ до 13-го августа. Ему совѣтовали, укѣпившись между Дибпромъ и Двиной, дожидаться прихода вновь организующихся полковъ и въ началѣ весны вступить въ Россію.

Но императоръ, привыкшій къ быстротѣ военныхъ дѣйствій, терялъ терпѣніе. Ему не вѣрилось, чтобы Александръ, увидя свою армію разбитой, отказался подписать условія мира. Онъ двинулся впередъ и, преслѣдуя русскихъ, 17-го августа подошелъ къ Смоленску, который приказалъ взять. Польскіи войска подступили съ праваго фланга, а французскіи—съ лѣваго. Сраженіе продолжалось съ 4 часовъ утра до поздней ночи. Дивизіи польскихъ генераловъ Заіончка и Князевича вели главную атаку. Первымъ вошелъ въ крѣпость отрядъ генерала Красинскаго; особенно отличилась при взятіи Смоленска польская артиллерія подъ командой Пелетье.

Многіе генералы опять совѣтовали Наполеону расположиться въ Смоленскѣ на зимнія квартиры. Время было позднее:

при дальнѣйшемъ движеніи арміи на востокъ препятствія все увеличивались. Несмотря на объявленіе всеобщей свободы, русскій народъ относился къ французамъ враждебно. Александръ I усиливаль еще это настроеніе, выставляя лозунгомъ войны „борьбу за вѣру“.

Наполеонъ колебался. Но уже 24-го августа онъ рѣшилъ идти впередъ. Русскія войска продолжали отступать, и лишь подъ Бородиномъ Кутузовъ рѣшилъ принять битву. Она продолжалась 6 и 7-го сентября. Польскіе полки подъ предводительствомъ князя Попятовскаго начали битву. Несмотря на ужасную канонаду, нѣсколько разъ вытѣняемые противникомъ, они до конца сохранили свои позиціи. Русскія войска въ порядкѣ отступили къ Москвѣ. Проголодавшаяся французская армія проходила опустѣвшія села и 15-го сентября вступила въ древшюю столицу Россіи. Городъ былъ пустъ; начались пожары, уничтожившіе большую часть Москвы.

Наполеонъ имѣлъ еще возможность быстро двинуться на югъ и тѣмъ избѣгнуть окончательнаго разгрома своей арміи; но онъ пробылъ въ Москвѣ пять недѣль, напрасно ожидая отвѣта отъ Александра I. Убѣдившись, наконецъ, что Кутузовъ отрѣзываетъ ему путь къ отступленію, онъ рѣшилъ оставить Москву.

За все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ польскіе отряды занимали наиболѣе отдаленные пикеты; имъ приходилось быть въ полѣ и переносить все невзгоды военной жизни.

Въ первый же день выступленія изъ Москвы Мюрату пришлось выдержать кровопролитную битву при Вороновѣ. Его отрядъ избѣжалъ гибели лишь благодаря мужеству и рѣдкой выдержкѣ польскихъ отрядовъ. Въ этой битвѣ погибъ старый легіонеръ, генераль Фишеръ. Убѣдившись, что отступленіе къ югу становится невозможнымъ, Наполеонъ дѣлалъ лишь диверсію въ этомъ направленіи, въ дѣйствительности же черезъ Малоярославецъ и Верею, взятую польскими отрядами, на-

правился прежнимъ путемъ. Здѣсь сказалось его стратегическое превосходство надъ Кутузовымъ. Послѣ неудачной битвы при Вязьмѣ, гдѣ польскіе полки, спасая часть арміи отъ пораженія, стойко выдержали натискъ непріятеля, Наполеонъ, преслѣдуемый по пятамъ Кутузовымъ, вступилъ въ Смоленскъ.

26-го ноября начался переходъ „великой арміи“ черезъ Березину. Защита этой переправы была поручена на лѣвомъ берегу генералу Виктору, а на правомъ Удино и Домбровскому. Этотъ несчастный переходъ съ цѣлымъ рядомъ ожесточенныхъ битвъ деморализовалъ окончательно все войско. Изъ стотысячной арміи осталось менѣе половины почти ужь непригодныхъ къ бою солдатъ. Поляковъ было около 6,000; только они одни вывезли свою артиллерию. 5-го декабря Наполеонъ, передавъ командованіе арміей неаполитанскому королю, уѣхалъ въ сопровожденіи польскихъ улановъ въ Парижъ.

Послѣ этихъ событій для всей будущности польскаго народа весьма важнымъ является вопросъ, что предприметь Герцогство Варшавское. Если бы генеральный совѣтъ конфедерации выпустилъ воззваніе къ народу о продолженіи борьбы за независимость, то Александръ I очутился бы съ своей, истощенной многими сраженіями, арміей въ весьма трудномъ положеніи. Польское войско еще существовало, оно доказало, что обладаетъ рѣдкимъ мужествомъ и выносливостью. Поэтому Александръ I еще 10-го ноября уполномочилъ Огинскаго увѣдомить поляковъ, что онъ рѣшилъ возстановить Польшу и рассчитываетъ на довѣріе поляковъ, а 19-го декабря, наканунѣ своего отъѣзда въ армію, онъ показалъ Огинскому приготовленную амнистію веѣмъ полякамъ, участвовавшимъ въ возстаніи, и заявилъ, что какъ скоро русскія войска займутъ Герцогство Варшавское, и возвращеніе Наполеона станетъ невозможнымъ, онъ осуществитъ свой планъ возстановленія Польши.

Въ началѣ февраля 1813 года русскія войска заняли Вар-

шаву. Генеральный совѣтъ конфедерации вмѣстѣ съ министрами покинулъ столицу. Въ апрѣлѣ Александромъ было учреждено временное правительство, предѣдателемъ котораго былъ назначенъ сенаторъ Ланскій, вице-предѣдателемъ—Новосильцевъ, членами—Чарторыскій, Вавржецкій, Любецкій и Коломбъ. Въ началѣ юня было заключено перемиріе между союзниками и Наполеономъ. Чарторыскій полагалъ, что наступилъ соотвѣтствующій моментъ для изданія манифеста о возстановленіи Польши; онъ не преминулъ указать на это Александру, совѣтуя воспользоваться временнымъ согласіемъ прусскаго короля и Австріи, которая по этому вопросу вошла въ соглашеніе еще съ Наполеономъ.

Послѣдній все еще вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, хотя противъ него ополчилась теперь почти вся Европа, 19-го ноября послѣ цѣлаго ряда сраженій французы заняли Лейпцигъ, но почти въ то же время сюда вторгнулись и пруссаки. Завязался упорный бой. Князь Юсифъ Понятовскій, произведенный въ маршалы, во главѣ польскихъ отрядовъ отражалъ натискъ союзныхъ войскъ. Французы, предвидя неминуемое пораженіе, сожгли за собою послѣдній мостъ черезъ рѣку Эльстру; оставшіеся по той сторонѣ рѣки полки перебирались вплавь. Тяжело раненый Понятовскій отказался сдаться и, переплывая черезъ рѣку, утонулъ. Говорятъ, что послѣднія слова его были: „Богъ довѣрилъ мнѣ честь поляковъ, и я отдамъ ее только Богу“. Почти третья часть польскаго войска попала въ плѣнъ; всѣмъ плѣннымъ было разрѣшено вернуться на родину.

Начальство надъ остатками уцѣлѣвшей польской арміи послѣ Лейпцигской битвы принялъ князь Сулковскій. Польскій военный совѣтъ рѣшилъ сопровождать французскую армію до самаго Рейна. Императоръ, узнавъ о такомъ рѣшеніи, призвалъ польскихъ офицеровъ и, благодаря ихъ за такое къ нему отношеніе, сказалъ: „Ваше существованіе обезпечено трактатами, и, пока таковые не замѣнены новыми, ваше полити-

ческое положеніе не можетъ быть измѣнено. Я не забуду вастъ даже тогда, когда мы будемъ принуждены разстаться. Въ предстоящихъ переговорахъ о мирѣ я буду защищать ваши интересы“. Эта рѣчь сильно подѣйствовала на офицеровъ, и они отказались добровольно разстаться съ Наполеономъ; на мѣсто Сулковскаго, не желающаго итти дальше Рейна, былъ назначенъ главнокомандующимъ Генрихъ Домбровскій.

31 марта 1814 года союзныя войска вступили въ Парижъ. Послѣ отреченія Наполеона отъ престола въ конвенціи, заключенной между Австріей, Пруссіей и Россіей по настоянію бывшаго императора, было упомянуто, что „польское войско всѣхъ родовъ оружія, входящее въ составъ французской арміи, въ награду за свою доблестную службу, имѣетъ право вернуться на родину съ оружіемъ въ рукахъ и со всѣмъ обозомъ“. 13 мая 1814 года польскіе полки въ количествѣ 6½ тысячъ человекъ подъ начальствомъ генерала графа Красинскаго покинули Парижъ и, захвативъ оставленную въ Майнцѣ артиллерію, прибыли въ Познань. Когда постепенно соединились всѣ отряды поляковъ, разбросанные по Европѣ, польское войско насчитывало еще въ своихъ рядахъ до 20,000 человекъ.

Такъ закончилось участіе поляковъ въ наполеоновской эпопее. Оно заняло блестящую страницу въ исторіи польскаго народа. Традиціонная польская храбрость опять воскресла передъ лицомъ всей Европы. Атаки польской кавалеріи подъ Само-Сіеррой, Смоленскомъ и Бородиномъ вызывали всеобщее удивленіе. Беранже и Эрманъ-Шатрианъ сдѣлали популярными геройскіе подвиги поляковъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ въ своемъ приказѣ по войскамъ говоритъ: „Императоръ цѣнитъ ваше мужество, онъ знаетъ, что вы выходили всегда съ честью изъ всѣхъ ужасовъ этой чудовищной войны. Своимъ геройскимъ поведеніемъ вы отличились въ этой продолжительной

борьбѣ, цѣли которой подчасъ были для насъ совершенно чужды“.

Въ концѣ 1814 года въ Вѣнѣ съѣхались почти все монархи и ихъ министры, чтобы привести въ порядокъ политическую карту Европы послѣ неурядицъ, вызванныхъ революціей и наполеоновскими войнами.

Первоначально по поводу польскихъ дѣлъ между союзными державами возникли серьезныя разногласія, грозившія даже полнымъ разрывомъ переговоровъ. Александръ I, поддерживаемый Чарторыскимъ, требовалъ для Россіи всего Герцогства Варшавскаго безъ всякихъ обязательствъ на счетъ внутренняго устройства этой области. Франція, Англія и Австрія не соглашались съ этими требованіями, считая ихъ слишкомъ преувеличенными.

Внезапное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило державы пойти на взаимныя уступки. Въ результатѣ вся территорія бывшей Рѣчи Посполитой была раздѣлена на пять частей: три изъ нихъ, отошедшія еще раньше къ Россіи, Австріи и Пруссіи, и нѣкоторые департаменты Герцогства Варшавскаго были признаны за этими державами, въ качествѣ подчиненныхъ имъ областей; двѣ остальные части сохранили свое политическое существованіе. Это были—независимая Краковская республика и Царство Польское, образованное изъ большей части прежняго Герцогства Варшавскаго и соединенное съ російскою короною, какъ отдѣльное государство, обладающее собственною конституціей. Въ утѣшеніе полякамъ, оставшимся за предѣлами Царства Польскаго и Краковской республики, конгрессъ прибавилъ статью, гласившую, что „все поляки, подданные Австріи, Пруссіи и Россіи, получаютъ національныя представительства и учрежденія, отвѣчающія тому роду политическаго существованія, какой каждое изъ правительствъ, къ которымъ они принадлежатъ, сочтетъ полезнымъ и удобнымъ имъ предоставить.

„Герцогство Варшавское,—говоритъ одинъ изъ современ-

никовъ,—представляло изъ себя страну, быстро подвигающуюся по пути къ великимъ реформамъ; неоставало лишь времени для полнаго ея развитія“.

Намъ кажется, что авторъ не преувеличиваетъ. Стремленіе къ прогрессу и вѣра въ будущее появлялись тогда во всѣхъ классахъ общества. Польскій народъ чувствовалъ себя молодымъ и возрожденнымъ для новой свѣтлой жизни. Вотъ какъ характеризуетъ эту эпоху Бажиковский: „Польша получила новое одѣяніе,—это дало ей новый толчокъ, вызвало въ ней новое движеніе, новую жизнь. Мы смотрѣли на эти времена собственными глазами и видѣли, какъ быстро происходила перемѣна, словно по мановенію волшебнаго жезла. Исчезли безслѣдно старыя привилегіи, остатки неравенства, всякія подраздѣленія и касты; исчезли даже анархія, раздоры и партіи; было сооружено новое зданіе, основанное на равенствѣ, справедливости и порядкѣ. Это было время тяжкихъ испытаній и великихъ жертвъ: народъ вышелъ изъ нихъ съ честью; этотъ кратковременный періодъ оказался для него чрезвычайно плодотворнымъ по своему содержанію“.

ГЛАВА III.

Отъ образованія Царства Польскаго до возстанія 1830 года.

(1815—1830).

13 іюня 1815 г. князь Адамъ Чарторьскій привезъ съ собою въ Варшаву воззваніе Александра I къ польскому народу и т. п. „основныя начала конституціи Царства Польскаго“, утвержденныя императоромъ еще въ Вѣнѣ.

„Поляки!—говорилъ Александръ въ своемъ воззваніи.—Я умѣю цѣнить величіе вашихъ помысловъ, чувствительность и твердость,—чувства, которыми блещетъ вашъ національный характеръ и которыя проявились въ вашихъ успѣхахъ, имѣвшихъ цѣлью возстановленіе политической независимости вашего отечества“. Дальше императоръ пытается объяснить необходимость уменьшенія территоріи бывшаго Герцогства Варшавскаго ссылкой на равновѣсіе Европы, взываетъ къ патриотизму поляковъ, указываетъ на выгоды уніи съ Россіею и отмѣчаетъ положительныя стороны конституціи, дарованной новому государству. „Это государство, — говорилъ онъ, — является именно тѣмъ королевствомъ Польскимъ, которое вы добыли своею кровью и неисчислимыми жертвами“.

Новая конституція, которую старались обосновать на началахъ конституціи 3 мая 1791 г., была либеральнѣе, но зато менѣе демократической, чѣмъ сочиненныя Наполеономъ основныя законы Герцогства Варшавскаго. Признавая за сеймомъ большія права и устанавливая болѣе широкое самоуправленіе воеводствъ и гминъ, конституціонная хартія 1815 г. предоставляла рѣшительный перевѣсъ землевладѣльческой шляхтѣ надъ всеми остальными сословіями. „Многочисленное и полезное для государства сословіе крестьянъ“ —

гласили основныя начала конституціи, — сохранить въ цѣлости личную свободу и право пріобрѣтенія земельной собственности. Имъ будутъ гарантированы дѣйствительное покровительство и справедливость. Духъ законовъ, регулирующихъ ихъ положеніе, будетъ проникнуть отеческою заботливостью, а цѣлью нашего правительства явится постепенное приведеніе этого сословія къ прочному и дѣйствительному благосостоянію“.

Къ сожалѣнію, эти слова, окрашенные фарисейскою сентиментальностью, такъ и остались платоническимъ излияніемъ чувствъ, не измѣнившимъ ни на йоту тяжелаго положенія крестьянскаго класса. Официальное „возстановленіе“ Царства Польскаго было объявлено съ большою торжественностью 20 іюня 1815 г. Въ храмахъ были отслужены благодарственныя мессы, для народа устроили великолѣпныя празднества и иллюминацію. Несмотря на всеобщую радость и ликованіе, въ народѣ проявлялся какой-то шустрый скептицизмъ: все повторяли остроту любимаго варшавскаго комика актера Жуловскаго: „glupia Polska bez Poznania“*). Для всехъ болѣе или менѣе дальновидныхъ людей было ясно, что унія конституціонной Польши съ самодержавною Россіею не можетъ быть прочною и что царскій абсолютизмъ задавитъ польскую свободу. „Предвижу, — писалъ Косцюшко князю Адаму Чарторьскому, — что слово „полякъ“ станетъ презрительной кличкой, и Москва будетъ считать насъ своими рабами“. Другой современникъ, Бажиковскій, въ своей „Исторіи ноябрьскаго возстанія“ пишетъ: „Легко было предвидѣть, что конституція недолго будетъ соблюдаться. Да и какъ можно было ожидать, что самодержавный монархъ, неограниченный властелинъ 50 милліоновъ подданныхъ, будетъ стѣснять свою власть надъ маленькимъ клочкомъ земли между Вартою и Бугомъ и станетъ ограничивать себя конституціею?!

*) Дословно значить: „глупа Польша безъ Познани“, по-польски получается каламбуръ, такъ какъ слово: „безъ Познани“ означаетъ и „безъ города Познани“, и „безъ пониманія, безъ познанія“.

Онъ прикрылъ этотъ клочокъ земли конституціонною хартією, потому что такъ велѣлъ поступить политической разсчетъ, но онъ долженъ былъ естественно считать свою волю выше всего, тѣмъ болѣе, что превосходство силъ обезпечивало за нимъ побѣду“. „Императоръ Александръ,—сказалъ Марціиъ Бадени,—даровалъ намъ конституціонную грамоту, но обернулъ въ нее... кнутъ“. Этотъ кнутъ взялъ въ свои великій князь Константинъ Павловичъ, назначенный главнокомандующимъ польскою армією. По замѣчанію одного изъ современниковъ, великій князь Константинъ былъ назначенъ на этотъ постъ какъ бы умышленно съ тою цѣлью, чтобы провоцировать польскій народъ и вызвать его на дѣйствія, которыя могли бы послужить предлогомъ для лишенія всѣхъ дарованныхъ ему правъ.

Андрей Козьяинъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ великаго князя: „Этотъ странный чловѣкъ былъ получеловѣкомъ, полувзвѣремъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Черты его лица напоминали болѣе звѣря, чѣмъ чловѣка. Въмѣсто носа онъ имѣлъ поздри, вмѣсто бровей—щетину, а его голосъ напоминалъ болѣе лай или рычанье, чѣмъ звуки, свойственные чловѣку. Его душа была въ одно и то же время была душою тирана и раба; онъ любилъ и умѣлъ лишь повелѣвать или слѣпо подчиняться. Вепльчивый, неукротимый, онъ былъ трусливѣйшимъ изъ людей. Одаренный необыкновенною памятью, живымъ остроуміемъ, пронизательнымъ умомъ, онъ не умѣлъ цѣнить и понимать чловѣческое достоинство ни въ себѣ, ни въ другихъ. Каждое его проявленіе приводило великаго князя въ ярость и негодованіе“.

Общественное мнѣніе просило въ намѣстники Царства Польскаго князя Адама Чарторьскаго, и Александръ I, повидимому, не имѣлъ ничего противъ этого, но великій князь Константинъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы не допустить къ власти чловѣка, въ которомъ онъ не безъ основаній видѣлъ

твердаго и неуклоннаго защитника конституціи. Вопреки всѣмъ надеждамъ поляковъ намѣстникомъ былъ назначенъ генераль Заіончикъ. Старикъ 63-хъ лѣтъ, безъ одной ноги, вѣчно больной и разбитый, онъ всецѣло покорился волѣ великаго князя Константина, исходя изъ того убѣжденія, что всѣ права и свободы, какими пользовалась страна, опирались на фантазію Александра, и поэтому надлежало многое перенести и перетерпѣть безъ протеста, чтобы не рисковать тѣмъ многимъ, что было спасено отъ окончательнаго разгрома. Это убѣжденіе раздѣляли въ то время многіе заслуженные дѣятели и, между прочимъ, такой передовой и безупречный человѣкъ, какъ Станиславъ Сташницъ. Императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ Царства Польскаго былъ сдѣланъ Николай Новосильцевъ, ставшій въ скоромъ времени ближайшимъ помощникомъ великаго князя. Враждебно настроенный противъ поляковъ и конституціи, онъ всѣми силами стремился къ ея отміну.

Конституція Царства Польскаго ввѣрила, высшую законодательную власть сейму, созываемому королемъ черезъ каждые два года. Сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: сенаторской и депутатской. Для принятія законопроекта требовалось согласіе обѣихъ палатъ. Въ составъ сенаторской палаты входили назначаемые королемъ пожизненные члены, палата депутатовъ состояла изъ 77 представителей шляхты и 51 депутата отъ гминъ. Засѣданія сейма были публичны. Избирательнымъ правомъ пользовались дворяне-помѣщики, землевладельцы не дворянскаго происхожденія, ремесленники и мастера, кушцы, ксендзы, учителя, вольные художники. Крестьяне лишены были всякаго участія въ народномъ представительствѣ. Обѣ курии — шляхетская и гминная — въ самой палатѣ депутатовъ сливались въ одно цѣлое, и всякое различіе между ними исчезало. Предсѣдатель палатъ назначался королемъ. Депутаты избирались на 6 лѣтъ, при чемъ составъ ихъ возобновлялся въ $\frac{1}{3}$ своей

части черезъ каждые 2 года. Депутатомъ въ сеймъ могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ, достигшій 30-ти-лѣтняго возраста и уплачивающій не менѣе 100 злотыхъ (15 руб.) налога. Право законодательной инициативы принадлежало королю.

Одновременно съ конституціею Царства Польскаго было учреждено Великое Герцогство Познанское. Оно было образовано изъ отошедшей къ Пруссіи части Герцогства Варшавскаго. Въ манифестѣ 15 мая 1815 года прусскій король увѣрялъ поляковъ, что, несмотря на полное слияніе съ Пруссіею, они не потеряютъ своего національнаго бытія. Намѣстникомъ былъ назначенъ князь Антонъ Радзивиль, женатый на прусской принцессѣ Луизѣ.

Постъ начальника вооруженныхъ силъ Герцогства былъ предложенъ генералу Амилькару Косинскому, старому легионеру, который въ 1812 г. командовалъ однимъ изъ корпусовъ „великой арміи“ Наполеона. Косинскій согласился принять это предложеніе подъ условіемъ, что Герцогство Познанское сохранитъ полное національное самоуправленіе. Дѣло въ томъ, что прусскіе политики того времени, среди которыхъ были такіе либеральные люди, какъ Вильгельмъ Гумбольтъ, Гарденбергъ, Гнейзенау, военный министръ Бойэръ, задумали было сдѣлать Герцогство Познанское средоточіемъ польскаго національнаго движенія, чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону поляковъ и ослабить вліяніе Россіи. Амилькаръ Косинскій, указывая на важное стратегическое значеніе Герцогства, поддерживалъ эту идею. „Только то государство — писалъ онъ въ своемъ рапортѣ намѣстнику — можетъ завоевать себѣ симпатіи поляковъ, которое болѣе другихъ будетъ уважать ихъ національную самобытность — это божеество нашихъ дней, почитаемое поляками въ той же мѣрѣ, какъ оно почитается прочими народами Европы; только то правительство привяжетъ къ себѣ поляковъ, которое будетъ уважать и свято соблюдать данныя обѣщанія и трактаты. Австрія за-

была о нихъ. Россія старается прельстить насъ обманчивымъ названіемъ королевства, которое она помѣстила между казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ царствами. Въ виду вышесказаннаго необходимо, чтобы прусское правительство отказалось отъ политики полусредствъ и отъ тѣхъ постоянныхъ колебаній, которыя безпокоятъ общественное мнѣніе въ Герцогствѣ Познанскомъ, и точно выполняло условія вѣнскаго трактата и королевскія обѣщанія“.

Колебаніямъ прусскаго правительства векорѣ дѣйствительно былъ положенъ конецъ: реакціонная политика, господствовавшая тогда во всей Европѣ, восторжествовала и въ Берлинѣ, а вмѣстѣ съ нею воцарилась вновь насильственная германизация въ польскихъ провинціяхъ. Уже въ апрѣлѣ 1818 г. Косинскій подалъ прошеніе объ отставкѣ, спрашивая при этомъ военнаго министра: „Возможно ли, чтобы полякъ могъ стать добровольно орудіемъ для разрушенія тѣхъ національныхъ святынь, уваженіе къ которымъ такъ же старо среди поляковъ, какъ ихъ исторія?“

Министръ Войнъ пытался успокоить его опасенія, но векорѣ и самъ, подъ давленіемъ реакціоннаго курса, долженъ былъ подать въ отставку. Тогда Косинскій рѣшительно потребовалъ, чтобы его освободили отъ службы въ прусской арміи, и въ декабрѣ 1820 г. получилъ отставку.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ арміи, администраціи, школахъ и судѣ, прусское правительство старалось угодить шляхтѣ, признавало за нею все ея привилегіи, возбуждало въ ней тщеславіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало ея экономическому разоренію, облегчая переходъ шляхетскихъ имѣній изъ польскихъ рукъ въ нѣмецкія. Легкомысліе и классовый эгоизмъ шляхты особенно рѣзко проявлялись въ ея отношеніяхъ къ крестьянамъ. Несмотря на то, что прусское правительство открыто подготовляло крестьянскую реформу, въ основу которой было положено падѣленіе крестьянъ землею, дворяне-помѣщики вовсе не думали о томъ,

чтобы путемъ добровольныхъ уступокъ укрѣпить въ крестьянахъ сознание національнаго единства. Такая близорукость шляхты была какъ нельзя болѣе на-руку прусскому правительству, и пѣмщеніе чиновники охотно приняли на себя роль защитниковъ крестьянскаго класса противъ помѣтнаго дворянства, которое было въ ту эпоху чуть ли ни единственнымъ, а во всякомъ случаѣ главнымъ посетелемъ польскоѣ національной идеи въ этомъ краѣ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объявленное 8 апрѣля 1824 года, представлялось народу, очевидно, настоящимъ благодѣяніемъ, которымъ онъ всецѣло былъ обязанъ прусской власти.

Казалось, что и въ Царствѣ Польскомъ крестьянскій вопросъ будетъ поставленъ на очередь. Идея о замѣнѣ барщины чиншемъ особенно поддерживаемая Алоизіемъ Бернадскимъ, находила многихъ сторонниковъ въ обществѣ, и осуществленіе ея путемъ изданія соответствующаго правительственнаго акта не встрѣтило бы большого сопротивленія. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ могъ быть еще успѣшнѣе разрѣшенъ въ такъ называемыхъ національныхъ владѣніяхъ (т.-е. принадлежащихъ государству); всѣ подготовительныя работы уже были въ нихъ закончены, и оставалось лишь закрѣпить ихъ санкціей сейма. Къ сожалѣнію, реакція взяла верхъ, классовый эгоизмъ шляхты, поставленной конституціею въ прежнее привилегированное положеніе, еще болѣе усилился, и разрѣшеніе вопроса о крестьянской реформѣ ни на шагъ не подвинулось впередъ.

Положеніе крестьянъ въ пѣкоторомъ отношеніи даже ухудшилось. Экономическая эволюція вызвала необходимость интенсивнаго веденія сельскаго хозяйства и усиленное стремленіе къ развитію фабричной промышленности. Помѣщики-дворяне, за которыми еще конституція Герцогства Варшавскаго признала неограниченное право собственности на землю, находившуюся въ фактическомъ владѣніи и пользованіи лично свободныхъ крестьянъ, стремились къ поднятію своего хозяйства

посредствомъ замѣны традиціонной трехпольной системы многопольною и уничтоженія черезполосицы, при которой владѣнія панской экономіи были перемѣнены съ участками крестьянъ. Съ этою цѣлью крестьянъ попросту переселяли на окраины панскаго имѣнія, въ большинствѣ случаевъ на худшія земли, или совсѣмъ даже гнали прочь изъ усадебъ, замѣняя старо-шляхетскую обработку земли руками барскихъ „хлоповъ“ „новомоднымъ“ (по выраженію одного польскаго журнала 1818 г.) веденіемъ хозяйства при помощи челяди и наемныхъ рабочихъ. „Съ развитіемъ сельской промышленности,—пишетъ Людвикъ Гурскій,—ростомъ производства и повышеніемъ цѣны на продукты, землевладѣльцы, убѣдившись, что доходъ съ крестьянскихъ участковъ, при обработкѣ ихъ средствами экономіи, превышаетъ стоимость связанныхъ съ пользованіемъ этими участками повинностей (т.-е. стоимость барицны), начали отнимать ихъ отъ крестьянъ“. Другой современникъ, Горбовскій, пишетъ слѣдующее: „Нѣкогда густо населенныя и хорошо застроенныя деревни опустѣли. Правда, что на панскихъ поляхъ введеніе плодоперемѣнной системы дало прекрасные результаты, но при видѣ того, что дѣлалось въ деревняхъ, охватывавъ ужасъ—такое разореніе!..“

Прямымъ послѣдствіемъ такого „регулированія“ шляхетскаго хозяйства“ явилось образованіе сельскаго пролетаріата. Содержаніе „на хозяйскихъ харчахъ“ наемныхъ работниковъ обходилось весьма дешево, благодаря распространившемуся въ то время способу разведенія картофеля не въ огородѣ, а въ полѣ. Тотъ же картофель служилъ продуктомъ для винокуренія, приносившаго помѣщикамъ также прекрасный доходъ: перѣдки были случаи уплаты заработка батракамъ расписками на полученіе опредѣленнаго количества водки въ панской корчмѣ.

Такимъ образомъ, „на фонѣ капиталистической эволюціи выступили, съ одной стороны, прогрессъ сельскохозяйствен-

ной культуры, а съ другой—полное обнищаніе крестьянъ* *). Забота о положеніи крестьянской массы была отодвинута на задній планъ всепоглощающимъ стремленіемъ къ развитію промышленности. Въмѣстѣ съ тѣмъ, министръ финансовъ Царства Польскаго кн. Любецкій, съ цѣлью увеличенія государственныхъ ресурсовъ, издалъ приказъ о продажѣ „національныхъ имѣній“, уничтоживъ этимъ постановленіемъ плоды всѣхъ законченныхъ уже трудовъ по подготовленію въ этихъ имѣніяхъ крестьянской реформы: отѣны принудительныхъ работъ и надѣленія крестьянъ землею.

Въ литовскихъ губерніяхъ общество въ то же самое время горячо интересовалось крестьянскимъ вопросомъ. Органъ профессоровъ Виленскаго университета „Dziennik Wilenski“ пытался убѣдить помѣщиковъ, что люди, желающіе свободы для себя, не должны держать въ рабствѣ другихъ, а въ 1817 г. напечатавъ проектъ закона объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1818 г. тотъ же журналъ помѣтилъ обстоятельную статью Меркеля, доказывавшую, что обработка земли наемными рабочими выгоднѣе для крупныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ барщина. Наконецъ, шляхта Вилкомирскаго уѣзда постановила въ 1817 г. просить императора Александра I объ отѣнѣ крѣпостного права. Вся Виленская губернія послѣдовала примѣру вилкомирскихъ землевладѣльцевъ, за исключеніемъ русскихъ помѣщиковъ, облагодѣтельствованныхъ Екатериною II. Къ ходатайству виленскихъ дворянъ присоединилась шляхта сосѣднихъ губерній. Дѣло это тянулось до 1819 г., пока императоръ Александръ, подъ вліяніемъ реакціонной партіи, не рѣшилъ окончательно отложить этотъ вопросъ на неопредѣленное время.

Хотя съ первыхъ же дней существованія Царства Польскаго чувствовалось приближеніе надвигающейся реакціи, ли-

---

*) W. Grabski. Historia Towarzystwa Rolniczego, Warszawa, t. I, стр. 88.

беральная часть общества могла все-таки развить въ самомъ началѣ довольно интенсивную дѣятельность. Особенно горячо принялись за распространеніе въ народѣ просвѣщенія министръ Станиславъ Потоцкій, Станиславъ Сташиць, Нѣмцевичъ и Пражмовскій. Благодаря ихъ стараніямъ въ 1816 г. былъ основанъ Варшавскій университетъ. Многое было сдѣлано также для поднятія промышленности и рациональной эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ страны. Зато въ политической жизни создались весьма тяжелыя условія, вытекающія роковымъ образомъ изъ того коренного противорѣчія, которое лежало въ основѣ ненормальнаго соединенія слабаго конституціоннаго Царства Польскаго съ могущественной восточною деспотіею. Фактически Польша, несмотря на всѣ конституціонныя гарантіи, обезпечивавшія ей свободу, находилась въ полной зависимости отъ самодержавнаго руссійскаго императора. Первоначально ареною политической борьбы былъ, главнымъ образомъ, сеймъ, въ которомъ образовалась довольно сильная оппозиція.

Первый сеймъ Царства Польскаго былъ открытъ лично императоромъ Александромъ 17 марта 1818 года. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ по представленію великаго князя Константина генераль Красинскій, извѣстный карьеристъ, готовый пожертвовать всѣмъ ради денегъ и почестей. Всѣ законопроекты, внесенные правительствомъ, были утверждены сеймомъ, за исключеніемъ законопроекта объ измѣненіи либеральнаго брачнаго устава въ духѣ клерикализма. Въ общемъ сеймъ прошелъ согласно съ видами и намѣреніями правительства, и государь, выразивъ депутатамъ по этому поводу свое удовольствіе, уѣхалъ изъ Варшавы. Вскорѣ, однако, эти дружелюбныя отношенія рѣзко измѣнились. Согласно конституціи всеподданнѣйшій рапортъ государственнаго совѣта о положеніи страны передавался на разсмотрѣніе сейма, который имѣлъ право дѣлать по поводу него свои замѣчанія и указанія, поступавшія затѣмъ на благовозрѣніе монарха.

Первый сейм Царства Польскаго съ большимъ тактомъ выполнилъ эту задачу. Его докладъ по поводу рапорта государственнаго совѣта отличался дѣловитостью и полнымъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ дѣйствій правительства. Между прочимъ, сеймъ указывалъ на необходимость скорѣйшаго проведенія судебной реформы, составленія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ*), введенія свободы печати, учрежденія гминныхъ школъ и т. д. Докладъ сейма вызвалъ неудовольствіе императора Александра. Особымъ рескриптомъ было внушено сейму, что конституція не уполномочиваетъ его критиковать дѣйствія правительства и въ чемъ бы то ни было упрекать послѣднее. Что же касается выраженныхъ сеймомъ пожеланій, то нѣкоторые изъ нихъ императоръ-король приказалъ разсмотрѣть и обсудить, другія же, какъ, напр., просьбу о составленіи финансовой росписи, рѣшительно отклонилъ. О свободѣ печати въ рескриптѣ было сказано, что „его императорско-королевское величество оставляетъ этотъ вопросъ безъ разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока опытъ не укажетъ, какія мѣры необходимо принять для того, чтобы не допускать злоупотребленій, проистекающихъ отъ полной свободы печати“. Общественное мнѣніе отнеслось отрицательно къ взглядамъ, изложеннымъ въ рескриптѣ, полагая, что преподанное въ немъ разъясненіе полномочій сейма противорѣчить конституціи и въ значительной степени ограничиваетъ права народныхъ представителей. Поведеніе великаго князя Константина и всесильнаго Новосильцева также возбуждало недовольство общества. Въ войскахъ дисциплина была доведена до абсурда. За самое пустое нарушеніе воинскаго

---

*) Согласно ст. 93-й конституціи Царства Польскаго въ случаѣ неутвержденія сеймомъ новаго бюджета старый бюджетъ оставался въ силѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Передъ созывомъ перваго сейма министръ-статсъ-секретарь Царства Польскаго получилъ секретное предписаніе о томъ, что сеймъ не долженъ касаться бюджета на будущій годъ.

артикула наказывали розгами, такъ что больницы были переполнены жертвами жестокости великаго князя. Периодическая печать была подвергнута строгой цензурѣ. Тайная полиція, организованная Новосильцевымъ изъ отбросовъ общества, выслѣживала всякое проявленіе оппозиціоннаго движенія, чтобы доставить подозрительному Александру неоспоримыя доказательства распространенія революціонныхъ идей среди поляковъ.

Второй сеймъ собрался въ 1820 году при обстоятельствахъ, грозившихъ тяжелыми осложнениями. Между 1818 и 1820 годами въ Европѣ произошли событія, сильно отразившіяся и на политикѣ Александра I. Послѣ водворенія всеобщей реакціи, въ западно-европейскихъ государствахъ стали возникать тайные союзы и сообщества, поставившіе себѣ задачей рѣшительную борьбу во имя принциповъ народовластія.

Эти организаціи придерживались большею частью террористической тактики. Въ Испаніи и Неаполѣ вспыхнули революціи, а во Франціи былъ убитъ племянникъ короля принцъ Берри. Всѣ эти событія произвели сильное впечатлѣніе на императора Александра: онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе склонился въ пользу реакціи и удалялся отъ прекраснодушнаго либерализма, которымъ увлекался въ молодости. Эта перемена въ настроеніи императора всего сильнѣе дала себя почувствовать въ Польшѣ. Братъ государя усилилъ репрессіи до крайней степени. Въ Варшавѣ боялись писать, говорить, думать. Произволь достигъ такихъ размѣровъ, что ропотъ недовольства всѣхъ слоевъ народа долженъ былъ, наконецъ, дойти до Александра. Ради успокоенія общественнаго мнѣнія совѣту министровъ было предписано составить проекты законовъ, которые легализовали бы всѣ допущенныя правительствомъ злоупотребленія.

„Совѣтъ министровъ—говорилось въ указѣ—не долженъ обращать вниманіе на то, что эти проекты могутъ не соответствовать точному смыслу конституціи, такъ какъ они бу-

дуть представлены на утверждение сейма“. Советъ министровъ, зная общее настроеніе умовъ, отвѣтилъ министру статей-секретарю, что, по его мнѣнію, въ сеймѣ можно будетъ избѣгать оппозиціи только въ томъ случаѣ, если правительство искренно признаетъ свободу печати, гарантированную 16-ю статью конституціи, и неприкосновенность личности... При такихъ обстоятельствахъ Александръ I лично открылъ второй сеймъ Царства Польскаго 1 сентября 1820 г. Въ тринной рѣчи императоръ выразилъ свое довѣріе къ польскому народу, но предупреждалъ его, что „злой духъ силится вновь утвердить свое господство и уже витаетъ надъ частью Европы, неся съ собою преступленія и ужасы“. Поэтому онъ, король, считаетъ своею священною обязанностию „искоренить зло въ зародышѣ“. „Еще нѣсколько шаговъ, направляемыхъ благоразуміемъ и увѣренностью и свидѣтельствующихъ о чести и довѣрїи,—и вы достигнете осуществленія своихъ и моихъ надеждъ“, закончилъ свою рѣчь Александръ, намекая на давно уже обѣщанное имъ присоединеніе къ Царству Польскому Литвы и правобережной Украйны. На слѣдующій день министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ сейму съ воззваніемъ, въ которомъ совѣтовалъ не придавать особеннаго значенія допущеннымъ злоупотребленіямъ, потому что даже основательные упреки оппозиціи могли бы лишь повредить родинѣ, ради которой слѣдуетъ терпѣливо ждать и надѣяться.

Приведенныя рѣчи государя и министра произвели на сеймъ весьма невыгодное впечатаніе и вызвали въ немъ серьезныя опасенія за будущность страны. Возвѣсивъ положеніе вещей, сеймъ рѣшилъ строго держаться конституціи и всѣми силами защищать ее отъ всякихъ посягательствъ и нарушеній. Важнѣйшими правительственными законопроектами, предложенными сейму, были: проектъ новаго устава уголовного судопроизводства и предложеніе, отмѣняющее право палаты депутатовъ привлекать министровъ къ судебной отвѣтственности.

Оба эти проекта были отвергнуты сеймомъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, такъ какъ первый не вводилъ суда присяжныхъ, котораго желалъ народъ, а второй являлся прямымъ нарушеніемъ конституціи. Въ сеймѣ обнаружилась сильная оппозиція, дѣйствовавшая по строго опредѣленному плану и поставившая себѣ цѣлью не допускать проведенія какого бы то ни было закона, противорѣчившаго точному смыслу конституціи. Во главѣ оппозиціи находились братья Немоевскіе, депутаты Калишскаго воеводства, люди энергичные и образованные. Отвѣчая въ сеймѣ министру Мостовскому, указывавшему на необходимость уступокъ и умѣренности, одинъ изъ Немоевскихъ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя слова: „И я знаю, что отъ Капитолія до Тарпейской скалы только одинъ шагъ, но мнѣ ничто не можетъ воспрепятствовать сказать правду. Конституція — это собственность народа, и король не имѣетъ права ни отнять ее у насъ, ни измѣнять по своему желанію. Мы потеряли уже свободу печати; неприкосновенность личности обратилась въ пустой звукъ; право собственности поколеблено; и наконецъ, теперь хотятъ отмѣнить и отвѣтственность министровъ. Что же останется отъ конституціи?! *Stat magni nominis umbra!*“

Закрывъ сеймъ рѣчью, полною упрековъ, Александръ I уѣхалъ изъ Варшавы, крайне раздраженный и недовольный. Онъ хотѣлъ было совѣмъ даже отмѣнить польскую конституцію, но его удержали отъ этого шага министръ иностранныхъ дѣлъ Капо д'Истрія и англійскій посланникъ. Тогда императоръ, исходя изъ факта ежегодныхъ финансовыхъ дефицитовъ въ Польшѣ, приказалъ административному совѣту обсудить, „въ состояніи ли Царство Польское при настоящей своей организаціи существовать на собственные средства или же оно должно получить другое устройство, болѣе соответствующее его ресурсамъ“. Положеніе польскихъ финансовъ было дѣйствительно плачевно. Это явленіе объясняется постоянными войнами, истощившими страну до крайней степени,

и искусствомъ прусскої дипломатіи, представившей Царству Польскому еще на вѣнскомъ конгрессѣ весьма солидный счетъ по разнымъ, болышею частью мнимымъ, обязательствамъ. Въ первые годы существованія Царства Польскаго положеніе его финансовъ еще ухудшилось, такъ какъ фактически управленіе ими находилось въ рукахъ Новосильцева, безконтрольно распоряжавшагося народными деньгами. Упорядоченіе финансовъ Царства Польскаго взялъ на себя вновь назначенный министромъ финансовъ князь Любецкій. Стремясь доказать императору жизнеспособность Царства, онъ не брезгалъ никакими средствами ради этой цѣли... Такъ, напимѣръ, онъ приказалъ взыскать съ населенія всѣ недоимки и недоборы съ временъ короля Станислава-Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Любецкій рѣшилъ твердо ограждать казну отъ всякихъ притязаній и самоуправства великаго князя Константина Павловича. Своею политикою Любецкій, несмотря на всѣ отрицательныя ея стороны, упорядочилъ все-таки финансы Царства Польскаго и устранилъ такимъ образомъ опасность, угрожавшую существованію конституціи.

Реакція между тѣмъ усиливалась съ каждымъ годомъ. Министромъ народнаго просвѣщенія на мѣсто либеральнаго Потоцкаго былъ назначенъ, по представленію Новосильцева, безгласный поклонникъ правительственной системы Грабовскій. Учрежденный въ 1812 году комитетъ по реорганизациіи учебнаго дѣла съ Новосильцевымъ во главѣ сдѣлалъ все возможное для пониженія уровня народнаго образованія. Въ университетѣ былъ введенъ строгій надзоръ, какъ за студентами, такъ и за профессорами (такъ называемая генеральная кураторія).

Въ самомъ обществѣ, въ особенности въ высшихъ его кругахъ, реакція также подняла голову. Самое сильное вліяніе на политическую жизнь страны приобрѣли опять реакціонеры-магнаты, тосковавшіе по старопольскаго Рѣчи Посполитой и относившіеся отрицательно къ той демократической

Польнѣ, которая возникла и стала развиваться въ краткій періодъ существованія Герцогства Варшавскаго.

Въ то же самое время усердные прислужники самодержавія обратили свое вниманіе и на Литву, гдѣ свободная мысль нашла себѣ убѣжище въ знаменитомъ Виленскомъ университетѣ.

Особыя заслуги для развитія этого университета положилъ кн. Адамъ Чарторьскій, назначенный попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Виленскій университетъ состоялъ изъ четырехъ факультетовъ: 1) физико-математическаго, 2) медицинскаго, 3) камеральнаго и 4) историко-филологическаго. Университетъ являлся, кромѣ того, учрежденіемъ, вѣдающимъ все дѣло средняго и высшаго образованія въ 9 западныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, народное образованіе во всей Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобережной Украинѣ находилось подъ его руководствомъ.

Благодаря прекрасному составу профессоровъ, высокому подъему общественныхъ чувствъ и великой любви къ наукѣ, какъ среди нихъ, такъ и среди студенчества, Виленскій университетъ сдѣлался настоящимъ центромъ умственной жизни не только для указанныхъ областей, но и для всѣхъ земель, находившихся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подъ вліяніемъ польской культуры. Самыми знаменитыми профессорами были братья *Янъ и Андрей Снядецкіе*, извѣстные своими учеными трудами по математикѣ и естествознанію. На историко-филологическомъ факультетѣ славились проф. *Леонъ Боровскій*, оказавшій большое вліяніе на умственное развитіе своего геніальнаго ученика Адама Мицкевича, и историкъ *Іоакимъ Лелевель*, редакторъ прогрессивнаго „Виленскаго Ежедневника“ („Tygodnik Wilenski“). При ближайшемъ участіи этихъ ученыхъ лучшіе представители демократической интеллигенціи образовали въ Вильнѣ въ 1817 году просвѣтительный кружокъ, подъ шутливымъ названіемъ: „Общества шубравцевъ“ („Towarzystwo szubrawców“). Кру-

жокъ издавалъ сатирической листокъ: „Уличныя Вѣдомости“, въ которомъ подвергались безпощадной критикѣ любовь къ картамъ, нравственная распущенность, тщеславіе, умственная отсталость и, главнымъ образомъ, нечеловѣческое обращеніе съ крестьянами. Въ томъ же году, когда старшее поколѣніе основало „Общество шубравцевъ“, студенты университета образовали такъ называемый „Союзъ филоматовъ“, т.-е. любящихъ науку. Основателями этого „союза“ были Оома Занъ, Адамъ Мицкевичъ, Янъ Чечотъ, Иосифъ Ежовскій и Онуфрій Петрашкевичъ. Они поставили себѣ цѣлью вліять на учащуюся молодежь, направляя ее къ труду для блага родины и для науки. Филоматы вскорѣ завоевали себѣ симпатіи и приобрѣли огромный авторитетъ среди студенчества. Особенною любовью товарищей пользовался Оома Занъ. „Когда онъ пѣлъ или декламировалъ, изъ его глазъ исходили какъ бы лучи.— говоритъ одинъ изъ его современниковъ.— Онъ покорялъ сердца всѣхъ, кто слышалъ когда-нибудь его рѣчи“. Занъ горячо пропагандировалъ среди молодежи идею образованія студенческихъ кружковъ и обществъ. Вскорѣ возникли „Общество лучистыхъ“ и „Общество филаретовъ“ (въ 1820 г., которыя сыграли вскорѣ серьезную роль въ жизни польской молодежи въ Вильнѣ. Громаднымъ авторитетомъ пользовался въ этихъ кружкахъ молодой профессоръ Іоакимъ Лелевель, убѣжденный республиканецъ и демократъ.

Столь интенсивная умственная жизнь не могла не возростать противъ виленской интеллигенціи всѣхъ реакціонеровъ. Подъ ихъ давленіемъ приказано было закрыть масонскія ложи и „Общество шубравцевъ“ и прекратить изданіе „Уличныхъ Вѣдомостей“. А когда въ 1822 г. кн. Чарторыйскій появился въ Вильнѣ, профессоръ Вырвичъ официально донесъ ему о существованіи тайныхъ кружковъ филаретовъ и филоматовъ. Чарторыйскій поручилъ профессору Боянусу произвести слѣдствіе. Боянусъ оказался умнымъ и либеральнымъ человѣкомъ и, разслѣдовавъ дѣло, не нашелъ въ студенче-

скихъ обществахъ ничего предосудительнаго или противузаконнаго.

Въ маѣ 1823 г. послѣдовалъ новый доносъ, сдѣланный на этотъ разъ учителемъ русскаго языка въ Виленской гимназіи послѣ того, какъ одинъ изъ учениковъ V класса написалъ на доскѣ: „Да здравствуетъ конституція 3-го мая!“ Было снаряжено новое слѣдствіе, и три ученика были приговорены университетскимъ судомъ къ нѣсколькимъ днямъ ареста. Великій князь Константинъ, присвоившій себѣ власть и надъ литовскими губерніями, остался весьма недоволенъ такимъ приговоромъ и, воспользовавшись появленіемъ новой патріотической надписи на стѣнѣ одного изъ виленскихъ костеловъ, послалъ въ Вильно Новосильцева для раскрытія всей зародившейся тамъ „крамолы“. Одновременно съ этимъ, царь уволилъ Чарторьскаго отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа.

Новосильцевъ съ большою энергіею взялся за дѣло. Восемь монастырей наполнились арестованными студентами и профессорами. Слѣдственная комиссія примѣняла при дознаніи пытку. Особенно возмутительно было обращеніе съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній. Игнатій Овацивичъ писалъ объ этомъ великому князю Константину слѣдующее: „Ночью забирали дѣтей изъ родительскаго дома, задерживали ихъ на улицѣ, арестовывали въ училищѣ, въ церквахъ,—а затѣмъ жестоко пытали. Сколько трагическихъ сценъ было при этомъ! Между прочимъ, Маріанъ Пясецкій, выскочившій въ окно со второго этажа, сломалъ ногу; Тераевичъ подрѣзалъ себѣ горло; Глязеръ сошла съ ума отъ горя послѣ ареста сына...“ Слѣдствіе тянулось 6 мѣсяцевъ, и все дѣло было препровождено въ Петербургъ. Здѣсь, указомъ отъ 14 сентября 1824 года, императоръ Александръ лишилъ профессорскаго званія профессоровъ Іоахима Лелевеля, Игнатія Даниловича и др. Занъ, Чечотъ, Адамъ Мицкевичъ, Сузинъ, Малевскій, Ковалевскій, Петрашкевичъ и Будревичъ были высланы въ Россію. Многихъ учениковъ отдали въ солдаты.

Мицкевичъ описаль эти событія въ 3-ей части своей знаменитой поэмы „Дзяды“.

Вскорѣ русское правительство стало угнетать и преслѣдовать поляковъ во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, попавшихъ подъ власть російскаго самодержца. Местъ самодержавія стала особенно жестокою, когда вмѣстѣ съ поляками и русскіе, въ лицѣ декабристовъ, попытались сбросить съ себя ненавистныя цѣпи рабства.

Польскіе патриоты и демократы не могли быть довольны ни постановленіями Вѣнскаго конгресса, въ четвертый разъ растерзавшаго Польшу, ни тѣмъ реакціоннымъ курсомъ, каковой восторжествовалъ во всѣхъ польскихъ провинціяхъ. Большинство людей, извѣстныхъ своими прогрессивными взглядами, группировалось тогда въ масонскихъ ложахъ, которыя поэтому и сдѣлались въ скоромъ времени средоточіемъ для развитія революціонныхъ стремленій.

Масонство, возникшее въ Польшѣ еще при Станиславѣ Августѣ, развилось особенно сильно во времена Герцогства Варшавскаго. Въ самой Варшавѣ находилась „каѳедра благочестія и совершенства“ въ храмѣ Изиды, а министръ народнаго просвѣщенія Станиславъ Потоцкій былъ одно время верховнымъ магистромъ Польскаго Востока. Изъ Польши масонство проникло также въ литовско-русскія области. Руководители масонскихъ ложъ рѣшительно противились вступленію ихъ на путь политики. Поэтому Валеріанъ Лукасинскій образовалъ особый національно-масонскій союзъ, главною цѣлью котораго была независимость Польши. Въ соотвѣтствіи съ этою цѣлью объяснялись и всѣ масонскіе символы: убитый Гирамъ означалъ растерзанную Польшу; три злодѣя, убившіе его, означали державы, подѣлившія между собою Рѣчь Посполитую; дѣти Гирама—это франкъ-масоны, обязанностью которыхъ является борьба съ убійцами и работа ради воскресенія отца. Национальное масонство быстро распространилось въ польской арміи. Въ отдѣльныхъ полкахъ

возникли ложи, къ которымъ присоединялись, кромѣ офицеровъ, также молодые чиновники и помѣщики. По доносу какого-то измѣнника эти ложи были закрыты. Лукасинскій, однако, не унывалъ и, образовавъ тайный союзъ изъ самыхъ надежныхъ людей, продолжалъ свою работу. Независимо отъ національнаго массонства капитанъ Маевскій, полковникъ Лаговскій и военный чиновникъ Заблоцкій организовали въ Вольинской губерніи въ 1820 г. „союзъ темпларіевъ“. Варшавскіе студенты образовали „союзъ свободныхъ поляковъ“, издававшій съ 1821 г. демократическій журналъ „Декаду“.

Ростъ революціоннаго движенія въ Европѣ (съ 1820 г.) отразился и на развитіи освободительныхъ стремленій въ Польшѣ. Число тайныхъ сообществъ увеличивается, революціонныя идеи быстро проникаютъ въ массы, борьба съ реакціей становится все сильнѣе. Вотъ почему національное массонство, проникшее въ то время въ Познань, стало здѣсь сразу на революціонную почву. Массонскій орденъ получилъ названіе „союза косынберовъ“, явно свидѣтельствовавшее о его революціонномъ направленіи. Во главѣ союза находился генералъ Мельжинскій, развившій энергичную дѣятельность. Въ апрѣлѣ 1821 г. генералъ Уминскій и полковникъ Прондзынскій выѣхали въ Варшаву, чтобы войти въ тѣсныя сношенія съ тамошними массонами и побудить ихъ къ болѣе активной дѣятельности. По предложенію Уминскаго въ Варшавѣ былъ образованъ центральный комитетъ, въ составъ котораго вошли Лукасинскій, Прондзынскій, Моравскій и др. Этотъ комитетъ долженъ былъ объединить всѣ существовавшіе тогда политическіе союзы и руководить всѣмъ политическимъ движеніемъ въ польскихъ земляхъ.

По проекту Моравскаго предполагалось организовать новый союзъ слѣдующимъ образомъ: 10 человекъ образовали *гмину*, нѣсколько гминъ — *округъ*, нѣсколько округовъ — *область*. Магистры, т.-е. руководители гминъ, входили съ представленіями къ магистрамъ своихъ округовъ, магистры

этихъ послѣднихъ—съ магистромъ области. Въ непосредственной связи съ центральнымъ комитетомъ находились только магистры областей. Было образовано всего 7 областей: 1) армія, 2) Царство Польское, 3) Герцогство Познанское, 4) Литва, 5) Вольшь, 6) Краковская республика и 7) Галиція. Союзъ получилъ названіе „Національнаго патріотическаго общества“ и въ скоромъ времени развилъ весьма энергичную дѣятельность. Были образованы, между прочимъ, двѣ новыя области: Подольская и Украинская. Въ 1822 году въ литовско-русскихъ губерніяхъ насчитывали уже около 5000 гмишъ.

Въ маѣ того же 1822 года, при содѣйствіи пііоновъ, въ руки правительства попали компрометирующіе общество документы; вслѣдствіе чего были арестованы: Лукасинскій, Махницкій, Циховскій, Доброгойскій, Добржицкій, Кошущкій, Жиць и Дзвонковскій. Двое послѣднихъ въ тюрьмѣ лишили себя жизни. Несмотря на пытки, которымъ были подвергнуты арестованные, великій князь Константиць не добился отъ нихъ никакихъ показаній относительно дѣятельности союза, и вся тяжесть обвиненій обрушилась на національное масонство того періода, когда оно существовало съ вѣдома правительства. Послѣ двухлѣтняго томленія въ тюрьмѣ члены патріотическаго общества предстали предъ военнымъ судомъ, который лишилъ ихъ офицерскаго званія и приговорилъ Лукасинскаго, Доброгойскаго и Добржицкаго къ публичнымъ работамъ, а Циховскаго—къ тюремному заключенію.

Арестъ видныхъ дѣятелей національнаго патріотическаго общества вызвалъ сначала большой переполохъ среди остальныхъ его членовъ, но, видя, что больше никто уже не былъ арестованъ, патріоты развили еще болѣе энергичную дѣятельность. Главную роль въ обществѣ играли теперь Книжановскій, Плихта и Гжимала. Между прочимъ, Книжановскій, узнавъ, что среди русскихъ офицеровъ на Украинѣ существуетъ также тайный союзъ, поѣхалъ въ 1824 г. въ Кіевъ для ближайшаго ознакомленія съ цѣлями и задачами этого

союза и вступленія въ правильныя съ нимъ сношенія. Въ Кіевѣ польскій патріотъ встрѣтилъ дѣйствительно первыхъ русскихъ революціонеровъ, членовъ такъ-называемаго Южнаго общества, Бестужева-Рюмина и Сергѣя Муравьева. Самымъ главнымъ и опаснымъ вопросомъ, относительно котораго можно было ожидать скорѣе всего разногласій между поляками и русскими, являлся, конечно, вопросъ о будущей независимой Польшѣ. О границахъ будущаго польскаго государства Бестужевъ выразился, что „сего рѣшить еще нельзя, что мнѣнія въ русскомъ обществѣ на сей счетъ несогласны, что есть даже члены, требующіе неприкосновенности нынѣшнихъ предѣловъ государства“ *). При переговорахъ о предполагаемой формѣ правленія въ Польшѣ, тотъ же Бестужевъ высказалъ взглядъ, что „Польша, если она знаетъ истинныя пользы свои, должна вмѣстѣ съ Россіею дать себѣ образованіе, подобное Соединеннымъ Областямъ Сѣверной Америки“. Изъ этихъ словъ Бестужева мы видимъ, что уже нѣкоторые декабристы развивали идею федеративнаго союза между Россіею и Польшею.

Между тѣмъ, въ центральномъ комитетѣ патріотическаго общества произошли важныя перемѣны. Въ составъ его вошли: Густавъ Малаховскій, князь Антонъ Яблоновскій, каштелянъ Станиславъ Солтыкъ и ксендзъ Дембекъ. Благодаря Малаховскому, принадлежавшему къ богатой землевладѣльческой шляхтѣ, преобладающимъ вліяніемъ въ патріотическомъ обществѣ стали пользоваться уже не представители арміи, а крупные помѣщики. Такимъ образомъ, въ польскомъ заговорѣ, какъ и въ русскомъ, главную роль играла аристократія. Пе-

---

*) Впоследствии въ бумагахъ Пестеля была найдена карта съ обозначеніемъ границъ будущей Польши. Въ составъ послѣдней, согласно этой карты, должны были войти, кромѣ коренныхъ польскихъ земель, еще и тѣ западныя области, „qui ne sont pas russifiées“ т.-е. Вѣлостокскій округъ, Гродненская губ., части Виленской, Минской и Подольской.

реговоры между польскою и русскою организаціями возобновились въ Кіевѣ въ 1825 году *), но ни къ какому опредѣленному результату не привели. Обѣ стороны ограничились взаимными обѣщаніями помогать другъ другу въ случаѣ возстанія. Поляки обязались не допустить посылки польскихъ войскъ и литовскаго корпуса въ Россію для подавленія въ ней революціоннаго движенія.

1 мая 1825 года въ Варшавѣ былъ созванъ третій сеймъ. Правительство приняло энергичныя мѣры для того, чтобы обезопасить себя отъ оппозиціи. Великій князь Константинъ арестовалъ даже и не пустилъ въ Варшаву вождя оппозиціи Викентія Немоевскаго. Особымъ императорскимъ указомъ была отмѣнена публичность сеймовыхъ засѣданій. Въ залѣ сейма размѣстили русскихъ чиновниковъ, которые должны были составлять протоколы для императора и великаго князя. „Все это, — по словамъ одного современника, — создавало такую тяжелую атмосферу, что послѣдній Гродненскій сеймъ Рѣчи Посполитой невольно приходилъ на память“. Депутаты, сознавая опасность положенія, рѣшили однако воздержаться отъ рѣзкихъ выступленій. Большинство правительственныхъ законопроектовъ было принято сеймомъ и утверждено. Все болѣе или менѣе непріятныя для правительства запросы не были прочитаны, якобы за недостаткомъ времени. Александръ остался доволенъ и, закрывая сеймъ, сказалъ свою послѣднюю рѣчь представителямъ польскаго народа.

Внезапная смерть Александра I, наступившая въ томъ же 1825 году въ Таганрогѣ, и замѣшательство, вызванное недоразумѣніями по вопросу о престолонаслѣдіи, создавали весьма благопріятныя условія для русскихъ революціонеровъ. Къ сожалѣнію, неподготовленность русскаго народа къ новымъ формамъ государственнаго строя и нерѣшительность декабристовъ погубили все дѣло. Избранный диктаторомъ, кн. Тру-

*) Между Пестелемъ и кн. Яблоновскимъ

бецкой оказался человѣкомъ весьма слабаго характера. По мнѣнію польскаго писателя Лимаповскаго, энергичное выступленіе Трубецкого 25-го декабря могло обезпечить за декабристами побѣду. Между тѣмъ, Трубецкой струсилъ и самъ принялъ въ сенатѣ присягу на вѣрность Николаю. Впослѣдствіи, когда вспыхнулъ бунтъ въ арміи, можно было опять захватить власть, по влѣдствію отсутствія общаго руководства всѣмъ движеніемъ благопріятный моментъ былъ упущенъ. На югѣ декабристы дѣйствовали такъ же вяло и неумѣло. Если бы заговорщики не медлили, то, по всей вѣроятности, они завладѣли бы Кіевомъ и имѣли бы въ своемъ распоряженіи 250.000-ную армію. Между, тѣмъ 26-го декабря были арестованы 18 полковниковъ, въ томъ числѣ и Пестель, и множество офицеровъ. Военный мятежъ нѣсколькихъ отрядовъ подъ начальствомъ Сергѣя Муравьева-Апостола не могъ уже спасти дѣло.

Русскія тюрьмы переполнились. Судебное слѣдствіе по дѣлу декабристовъ обнаружило также существованіе Польскаго Патриотическаго Общества, поддерживавшаго сношенія съ русскою „крамолою“. Арестованный Яблоновскій палъ духомъ и выдалъ многихъ заговорщиковъ. Посыпались аресты, при чемъ усердствовавшая администрація какъ бы забыла совсѣмъ о существованіи конституціи. Въ февралѣ 1826 года были арестованы Солтыкъ и члены центрального комитета. Число арестованныхъ было такъ велико, что въ тюрьмахъ не хватало мѣстъ. Вскорѣ былъ арестованъ также генералъ Уминскій, выданный прусскимъ правительствомъ. Слѣдствіе продолжалось весь годъ. Арестованные держали себя весьма находчиво и съ большимъ достоинствомъ. Въ особенности Андрей Плихта отличался искусствомъ запутывать все дѣло. Многія показанія были взяты обратно. Однажды Лукашскій, сбросивъ съ себя платье въ присутствіи членовъ слѣдственной комиссіи, показалъ имъ раны на своемъ тѣлѣ и сказалъ: „Посудите сами, можно ли признавать безусловной истиной то, что я показывалъ въ такихъ мученіяхъ“.

Несмотря на настойчивыя требованія великаго князя Константина и Новосильцева, чтобы передать дѣло военному суду, императоръ Николай, на основаніи точнаго смысла конституціи, созвалъ въ 1827 году сеймовый судъ, который началъ свои дѣйствія 15-го іюня того же года. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ Петръ Билинскій, снискавшій себѣ всеобщее уваженіе своимъ безпристрастіемъ и корректнымъ отношеніемъ къ подсудимымъ. По окончаніи судебного слѣдствія и выслушаніи защиты, судъ призналъ подсудимыхъ виновными не въ государственной измѣнѣ, а лишь въ принадлежности къ запрещенному закономъ сообществу. Обращая, притомъ, вниманіе на то, что „предварительное заключеніе въ тюрьмѣ въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ... значительно превышаетъ опредѣляемое закономъ наказаніе, которому подсудимые могли быть подвергнуты на основаніи уголовного кодекса“, судъ приговорилъ Плихту, Гжималу и ксендза Дембека къ трехмѣсячному, а капитана Маевского къ шестимѣсячному аресту. Одинъ лишь Книжаповскій за сношенія съ русскими „мятежниками“ заплатилъ тремя годами тюрьмы. Остальные были оправданы. Великій князь Константинъ и Новосильцевъ пришли въ ярость. Недовольный приговоромъ, Николай I повелѣлъ Административному Совѣту обсудить, „слѣдуетъ ли приписать приговоръ сеймоваго суда неправильнымъ взглядамъ на природу преступленія, именуемаго государственной измѣною, или стремленіямъ къ поощренію преступнѣйшихъ замысловъ“. Послѣ двухмѣсячныхъ совѣщаній Административный Совѣтъ согласился съ мастерски мотивированнымъ мнѣніемъ кн. Любецкаго и отвѣтилъ Николаю, что приговоръ сеймоваго суда долженъ быть приписанъ не злому умыслу сенаторовъ, но неудачной и неточной редакціи нѣкоторыхъ статей дѣйствующаго уголовного кодекса. Между тѣмъ, вопреки конституціи, не допускавшей высылку преступниковъ за предѣлы Царства Польскаго, Книжаповскій, Плихта, Гжимала, Лаговскій, Маевскій и Заблоцкій были выве-

зены въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость...

Петербургскій сенатъ, судившій декабристовъ, отнесся къ нимъ гораздо суровѣе, чѣмъ варшавскій сеймовый судъ—къ членамъ польскаго Патріотическаго Общества. Онъ вынесъ столько смертныхъ приговоровъ, что Николай могъ выступить въ роли милосерднаго монарха, оставивъ смертную казнь лишь для пяти лицъ: Пестеля, Рылѣва, Сергѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго. Въ Польшѣ императоръ не могъ проявить свое великодушіе. По политическимъ соображеніямъ онъ утвердилъ только въ мартѣ 1829 года приговоръ сеймоваго суда, приказавъ при этомъ объявить сенаторамъ строгій выговоръ. Солтыкъ и Залускій были освобождены изъ тюрьмы. Плихту, Гжималу и Лаговскаго выпустили изъ Петропавловской крѣпости. Книжановскій былъ сосланъ въ Березовъ (въ Сибири).

Гнетъ и преслѣдованія возбуждали среди поляковъ жажду мести. Поэтому, когда Россія объявила въ 1828 году войну Турціи и двинула туда большую часть своихъ войскъ, въ польскихъ военныхъ кругахъ возникла мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и поднять возстаніе противъ деспотической власти русскаго императора въ конституціонной Польшѣ. Подпоручикъ гренадерскаго полка Петръ Высоцкій, горячій патріотъ и человекъ съ сильно развитымъ чувствомъ, рѣшилъ осуществить эту мысль. Онъ былъ инструкторомъ въ школѣ подхорунжихъ, находившейся въ Лазенкахъ подъ Варшавою и насчитывавшей до 300 учащихся. Это была молодежь, горячо преданная родицѣ и наукѣ. Собравшись однажды въ квартирѣ Высоцкаго, подхорунжіе образовали между собою тайное сообщество, имѣвшее цѣлью подготовить національное возстаніе. Вскорѣ новое сообщество имѣло своихъ членовъ во всѣхъ полкахъ. Конспиративная дѣятельность въ арміи вновь закипѣла. Заговорщики старались узнать мнѣніе извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей о своемъ

планѣ. Послѣдніе полагали, что обстоятельства не благопріятствуютъ возстанію, и что необходимо ожидать болѣе удобнаго момента. Многіе изъ молодежи однако утверждали, что самымъ подходящимъ моментомъ является день коронаціи Николая, назначенной на 24 мая 1829 года. Заговорщики намѣревались во время военного смотра на Саксонской площади (21-го мая) убить царя и его семью и начать возстаніе. Подхорунжіе держали уже оружіе наготовѣ и ожидали лишь условленнаго знака, который должны были сдѣлать вожаки. Этотъ знакъ не былъ данъ, и революція была отложена.

Коронація была отпразднована весьма торжественно. Въ старинномъ кафедральномъ соборѣ св. Яна императоръ Николай присягнулъ на вѣрность конституціи и возложилъ на свою голову корону польскаго короля. Немедленно послѣ коронаціи царь назначилъ новыхъ сенаторовъ, совершенно не считаясь съ условіями, какія требовались для сенаторскаго званія согласно конституціи. Поданная государю нѣкоторыми депутатами сейма петиція объ отмѣнѣ „дополнительной статьи“ конституціи была оставлена безъ всякаго отвѣта.

Оппозиціонное настроеніе въ обществѣ росло съ каждымъ днемъ. Брошковскій, Циховскій и Маврикій Мохнацкій начали издавать съ 1 декабря 1829 года „Курьеръ Польскій“, отличавшійся прогрессивнымъ, демократическимъ направлениемъ. Среди интеллигенціи пробуждается усиленный интересъ къ народу и его жизни. Поэзія начинаетъ обрабатывать народныя пѣсни. Казимиръ Бродзинскій, Адамъ Мицкевичъ, Богданъ Залѣскій и др. поэты заимствуютъ изъ нихъ темы для своихъ произведеній. Адамъ Чарноцкій и Казимиръ Войццицкій занимаются фольклоромъ. Крестьянскій вопросъ снова всплываетъ наружу. Янъ ̄. Людовикъ Жуковскій въ своей брошюрѣ „О барщинахъ“ горячо доказываетъ вредное вліяніе послѣдней на положеніе крестьянъ и на развитіе земледѣлія и промышленности.

Между тѣмъ сеймъ, вопреки конституціи, опять не созывался уже болѣе четырехъ лѣтъ. Николай, относившійся вообще отрицательно къ самому принципу народнаго представительства, откладывалъ созывъ сейма на неопредѣленное время, несмотря на представленія административнаго совѣта по этому поводу. Наконецъ, по настоянію Любецкаго, сумѣвшаго успокоить государя насчетъ настроенія предстоявшаго сейма, послѣдній былъ назначенъ на май 1830 года. Сеймъ прошелъ далеко не такъ, какъ бы хотѣлось правительству. Законопроектъ объ окончательной отмѣнѣ гражданскаго брака и на этотъ разъ былъ отвергнутъ. Многочисленныя петиціи по вопросамъ о свободѣ печати, объ отмѣнѣ „дополнительной статьи“, о закрытіи калишскаго воеводскаго совѣта и т. п. возбудили крайнее неудовольствіе царя, который не скрывалъ своихъ чувствъ и далъ имъ исходъ въ произнесенной при закрытіи сейма рѣчи, полной упрековъ, рѣзкихъ замѣчаній и угрозъ.

Было ясно, что Царство Польское не могло ждать ничего хорошаго отъ Николая. Уѣзжая изъ Варшавы, онъ уже рѣшилъ ограничить или даже совсѣмъ отмѣнить конституцію.

Между тѣмъ июльская революція во Франціи веколыхнула всю Европу. Первые извѣстія о ней дошли до Варшавы въ началѣ августа. Офицеры и студенты только о ней думали и говорили. Разсказывали, что въ парижскихъ событіяхъ отличились поляки: Леонардъ Ходзько, котораго генераль Лифайеттъ сдѣлалъ своимъ адъютантомъ, и Михаилъ Подчапинскій. Бельгійская революція наэлектризовала умы еще сильнѣе. „Если бельгійцы однимъ смѣлымъ усиліемъ сумѣли отдѣлаться отъ Голландіи—разсуждали поляки—то отчего бы мы не могли отдѣлаться отъ Россіи?“

Искра революціи, по выраженію одного польскаго историка, пронизала Польшу насквозь. Въ Варшавѣ со дня на день можно было ожидать взрыва. За пятнадцатилѣтній періодъ существованія Царства Польскаго въ человѣческихъ

душахъ накопилось столько горечи и обидъ; постоянныя нарушенія конституціи, вопіющія злоупотребленія, полный произволь жестокости и насилія создали такое настроеніе, что катастрофа стала фатально неизбежною.

Къ тому же въ Варшавѣ распространились неожиданно слухи, что царское правительство готовится къ вооруженному вмѣшательству во французскія дѣла и намѣревается послать для подавленія французской революціи польскую армію. Въ Варшавѣ дѣйствительно получились распоряженія, доказывавшія, что правительство задумало какую-то военную экспедицію. Генераль Крушевскій утверждаетъ, что уже былъ изданъ приказъ о выступленіи, которое должно было начаться 1 февраля 1831 года, и что большинство польскихъ офицеровъ рѣшило обратить въ этотъ день свое оружіе противъ ненавистной русской власти. Если вспомнить долготѣнія симпатіи поляковъ къ революціонной Франціи, въ которой они привыкли видѣть защитницу самыхъ возвышенныхъ и дорогихъ для нихъ идей свободы и братства народовъ, то станетъ вполне понятнымъ то глубокое волненіе, которое охватило польскую армію при мысли, что ей придется выступить противъ священныхъ для нея французскихъ знаменъ—этихъ великихъ символовъ, воодушевлявшихъ цѣлыя поколѣнія поляковъ въ ихъ героической борьбѣ за освобожденіе. Рѣшено было начать возстаніе 20 октября 1830 года; но Высоцкій, сознавая неподготовленность заговорщиковъ, постарался отсрочить его на 10-ое декабря. Между тѣмъ положеніе становилось все болѣе грознымъ. Одного изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ возстанія, Урбанскаго, внезапно арестовали. Великій князь Константинъ получилъ неограниченную власть съ правомъ карать виновныхъ смертною казнью безъ судебного приговора... Дальше медлить было опасно...

29 ноября 1830 года въ Варшавѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе...

ГЛАВА IV.

Возстаніе 1830—1831 года.

Возстаніе было начато небольшою группою молодежи, къ которой вскорѣ присоединилось нѣсколько саперныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ польскихъ войскъ. Сигналомъ для активнаго выступленія долженъ былъ послужить пожаръ пивовареннаго завода на одномъ изъ предмѣстій Варшавы. Въ 6 час. вечера (29/17 ноября 1830 года) заводъ былъ подожженъ, но огонь оказался настолько слабымъ, что въ другихъ кварталахъ города пламени почти не было видно.

Горсть молодежи, въ количествѣ 18 человекъ, собралась у памятника Яна Собѣскаго и, какъ только замѣтила условный знакъ, немедленно двинулась подъ командою двухъ подхорунжихъ къ Вельведерскому дворцу, гдѣ жилъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Разоруживъ придворную стражу, заговорщики ворвались въ спальню великаго князя. Не найдя здѣсь Константина, они стали искать его по всѣмъ комнатамъ, но всѣ ихъ поиски были напрасны: великій князь спрятался въ апартаментахъ своей жены, которую революціонеры застали молящеюся въ кругу придворныхъ дамъ и оставили, конечно, въ покоѣ. „Молодежь тридцатыхъ годовъ уважала женщинъ и религію“ — говоритъ одинъ польскій писатель — „и это спасло великаго князя“. Заговорщики покинули дворецъ.

Въ то же самое время 160 подхорунжихъ подъ предводительствомъ Высоцкаго попытались завладѣть уланскими казармами. Въ сѣверной части города, какъ мы уже замѣтили, сигнала не было видно, и собравшіеся тамъ заговорщики не знали, что означаютъ шумъ и крики, доносившіеся до нихъ.

Тогда Иосифъ Заливскій велѣлъ поджечь деревянный домъ, находившійся возлѣ арсенала, и предложить повстанцамъ добыть оружіе для народа. Арсеналъ былъ взятъ и около 40,000 ружей было тутъ же роздано толпѣ.

Между тѣмъ въ польскихъ полкахъ царило невѣроятное замѣшательство: въ то время, какъ одни спѣшили на помощь революціонерамъ, другіе шли умирять ихъ. Въ эту памятную ночь больше всѣхъ отличился саперный баталіонъ съ полковникомъ Майковскимъ во главѣ и 4-й линейный полкъ.

Въ Старомъ городѣ дѣйствовалъ писатель Маврикій Мохнацкій. Перебѣгая улицы съ саблею въ рукахъ, онъ слабымъ, дрожащимъ отъ волненія, голосомъ чахоточнаго литератора призывалъ народъ къ возстанію. Вскорѣ бѣдвѣйшая часть варшавскаго населенія — рабочіе, ремесленники, мелкіе торговцы — была вооружена и организовалась въ отряды; главное командованіе взялъ на себя Брониковскій. Политическіе преступники были немедленно освобождены изъ тюремъ, а большинство русскихъ генераловъ и офицеровъ было арестовано. Благодаря этому обстоятельству войска, выступившія противъ повстанцевъ, были лишены всякаго верховнаго руководства. Нѣкоторые генералы, а между ними и военный министръ Гауке, были сейчасъ же убиты.

Между тѣмъ великій князь выѣхалъ въ Уздовскую аллею, гдѣ уже собрана была вся русская конница. Вскорѣ сюда же прибылъ подъ начальствомъ генерала Курнатовскаго польскій гвардейскій полкъ конныхъ стрѣлковъ и предложилъ великому князю свои услуги. Константинъ имѣлъ полную возможность подавить возстаніе въ самомъ зародышѣ, но не рѣшился послать войска въ городъ. Русскими полками онъ не желалъ пользоваться для усмиренія революціонеровъ, говоря, что поляки должны сами прекратить начатый ими мятежъ. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, онъ выслалъ только польскихъ стрѣлковъ противъ „мятежниковъ“. Въ исполненіе этого приказа Курнатовскій занялъ нѣсколько примыкавшихъ къ

Уяздовской аллеѣ улицъ, но, встрѣтивъ охранную линію повстанцевъ, простиравшуюся до королевскаго замка на берегу Вислы, воздержался отъ насильственныхъ дѣйствій. Къ утру вооруженная борьба на улицахъ Варшавы прекратилась. Великій князь съ арміею покинулъ городъ и остановился въ Вербнѣ.

Возстаніе, вспыхнувшее 29-го ноября, какъ мы видимъ, вначалѣ не захватило всѣхъ польскихъ войскъ, находившихся въ Варшавѣ, ни всего населенія.

На слѣдующій день состоялось совѣщаніе административнаго совѣта, обновленнаго въ своемъ составѣ нѣсколькими новыми членами. Изъ старыхъ членовъ его на это совѣщаніе явились: князь Адамъ Чарторьскій, Любецкій, Соболевскій и Мостовскій. Совѣтъ занялся составленіемъ воззванія къ народу и рапортовъ на имя государя о событіяхъ минувшей ночи. Весорѣ на углахъ улицъ появились плакаты съ обращеніемъ правительства къ народу. „Народъ, — гласило это обращеніе, — только собственною умѣренностью можетъ спасти себя отъ гибели въ той нучинѣ, надъ которою онъ стоитъ... Вернитесь къ порядку и т. п.“. Въ то же время Владиславъ Замойскій, молодой польскій аристократъ, бывшій адъютантомъ великаго князя, пытался всѣми силами разрѣшить разгорѣвшійся конфликтъ мирнымъ путемъ. По нѣскольку разъ въ день онъ ѣздилъ изъ Варшавы въ Вербно и обратно, пугая повстанцевъ крайнею разъяренностью русскихъ войскъ, а великаго князя — чрезвычайнымъ ростомъ и силою возстанія. Въ результатъ онъ добился того, что двѣ власти — военная въ Вербнѣ и гражданская въ Варшавѣ — рѣшили вступить между собою въ переговоры. Эта интересная конференція состоялась 2-го декабря въ Вербнѣ, въ квартирѣ великаго князя Константина. Въ составъ варшавской делегаціи входили: кн. Чарторьскій, Любецкій, Лелевель и Островскій. Главнымъ предметомъ переговоровъ былъ вопросъ о томъ, долженъ ли великій князь удалиться изъ предѣловъ Царства Польскаго или

остаться въ Варшавѣ. Чарторьскій и Любецкій совѣтовали остаться, Островскій и Лелевель не ручались за послѣдствія такого постановленія. Великій князь разрѣшилъ это разногласіе своимъ твердымъ намѣреніемъ не вмѣшиваться въ польскія дѣла и на слѣдующій день выпустилъ декларацію, въ которой позволялъ польскимъ полкамъ отправиться къ „своимъ“ и выражалъ надежду, что поляки не будутъ препятствовать русской арміи вернуться въ Россію. Такимъ образомъ, революція сразу избавилась отъ непріятели и получила возможность взять въ свои руки командованіе всей польской арміей, насчитывавшей въ началѣ возстанія 28,000 чел. при 106 орудіяхъ. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ былъ избранъ генералъ Іосифъ Хлопицкій. Это былъ старый 60-тилѣтній ветеранъ, участвовавшій во всѣхъ кампаніяхъ польскихъ легіоновъ вмѣстѣ съ Домбровскимъ и Князевичемъ. Въ этихъ войнахъ онъ отличился необыкновенною храбростію и замѣчательнымъ самообладаніемъ. Маршалъ Сюше называлъ его *brave de braves*. Послѣ паденія Наполеона Хлопицкій пріѣхалъ въ Варшаву и поступилъ на службу въ польскую армію въ чинѣ генерала дивизіи. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ подалъ въ отставку и жилъ въ Варшавѣ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Въ глазахъ общества мѣняи это былъ старый герой революціи, предназначенный самою судьбою быть вождемъ національнаго возстанія. На самомъ дѣлѣ Хлопицкій вовсе не вѣрилъ въ успѣхъ революціи. Объявивъ себя 5-го декабря *диктаторомъ*, онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, борьбу съ возраставшею съ каждымъ днемъ анархією, но отноди не войну съ Россією. На посту диктатора Хлопицкій избѣгалъ всего, что могло бы быть истолковано, какъ оскорбленіе русскаго императора, и сдѣлать невозможнымъ всякое съ нимъ соглашеніе, такъ, напр., онъ позволилъ русскимъ войскамъ спокойно уйти въ Россію. Столь враждебное возстанію настроеніе главнаго вождя революціонной арміи находилось въ рѣзкомъ противо-

рѣчи со всеобщимъ воодушевленіемъ, овладѣвшимъ въ скоромъ времени всею странюю. Возвращавшіеся въ Варшаву польскіе полки были встрѣчены съ энтузіазмомъ. Когда гренадеры и стрѣлки, оставивъ великаго князя, прибыли въ столицу, ихъ привѣтствовали криками: „Добро пожаловать! Мы вамъ прощаемъ!“ Зато начальники тѣхъ частей польской арміи, которыя въ началѣ выступили противъ возставшихъ, генералы Красинскій и Курнаговскій, чуть было не заплатились жизнью за свою готовность пролить братскую кровь по приказу великаго князя. Крестьяне, узнавъ о варшавскихъ событіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также вступали въ ряды повстанцевъ. Всѣ воеводства поставляли добровольно рекрутъ и жертвовали значительныя суммы на вооруженіе.

Осторожность и нерѣшительность Хлопицкаго возбуждали недовольство болѣе горячихъ элементовъ. Для того, чтобы воздѣйствовать на него и на все временное правительство, оказавшееся также крайне умѣреннымъ, въ Варшавѣ былъ образованъ революціонный клубъ, въ которомъ главную роль играли Мелевель, Мохнацкій и Брошковскій. Постепенно все населеніе увлекается въ борьбу. Моментадно зарождается грандіозный планъ наступательныхъ дѣйствій и перенесенія войны за предѣлы Царства Польскаго. Въ концѣ декабря 1830 года польская армія насчитываетъ уже до 41 тысячи солдатъ при 120 пушкахъ. Кромѣ того, мобилизовались еще пѣхотные полки въ количествѣ 40,000 чел. и кавалерійскіе— въ количествѣ 10,000 чел. По мнѣнію Пузыревскаго, поляки могли уже тогда вывести въ поле до 55,000 солдатъ. Въ то же самое время, съ русской стороны, баронъ Розень могъ собрать въ двухъ пунктахъ, на разстояніи 120 верстъ (въ Брестъ-Литовскѣ и Вѣлостокѣ), всего около 46,000. Хлопицкому были предложены два плана военныхъ дѣйствій, составленные ген. Хжановскимъ и Пронцзынскимъ. Планъ генерала Хжановскаго состоялъ въ слѣдующемъ: сосредоточивъ армію между Бугомъ и Наревомъ, двинуться на Вѣлостокъ, разбить

корпусъ Розена, состоящій въ значительной части изъ сочувствующихъ полякамъ литовцевъ, затѣмъ атаковать Вильно и, пользуясь естественнымъ расположеніемъ родственнаго польско-литовскаго населенія края, наносить послѣдовательно пораженія отдѣльнымъ русскимъ отрядамъ, стягиваемымъ съ отдаленныхъ мѣстъ (изъ Пскова, Твери, Смоленска и т. д.). Этотъ планъ, необыкновенно смѣлый и рѣшительный, требовалъ быстрого и энергичнаго выполненія, чтобы не дать русскимъ времени для сконцентрированія своихъ силъ. Диктаторъ отвергъ планъ Хжановскаго, не желая предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Этою нерѣшительностью Хлопицкаго нѣкоторые польскіе историки (напр., Лимаповскій) склонны объяснять даже неудачный исходъ всего возстанія. „Къ несчастью, — пишетъ одинъ изъ нихъ, — въ этого воина вселился дипломатъ и лишилъ его всей отваги, предприимчивости, энергіи и подвижности полководца. Онъ не только отказался отъ похода въ Литву, но, стремясь не допустить партизанской экспедиціи въ этотъ край, пригрозилъ смертной казнию всякому, кто осмѣлился бы вторгнуться въ предѣлы имперіи съ оружіемъ въ рукахъ. Дипломатамъ хотѣлось не войны, а примиренія“. По ихъ настоянію, въ Петербургъ были посланы князь Любецкій и Езерскій для переговоровъ о восстановленіи въ первоначальномъ видѣ конституціи 1815 года и — если царь найдетъ это возможнымъ — объ обѣщанномъ еще при императорѣ Александрѣ I присоединеніи къ Царству Польскому Литвы и правобережной Украйны. При этомъ Хлопицкій написалъ царю письмо съ изъявленіями покорности, въ которомъ объяснилъ свою диктатуру желаніемъ поддержать порядокъ въ странѣ. Любопытно, что онъ даже удостоился за это Высочайшей благодарности.

Между тѣмъ, 18 декабря 1830 года собрался сеймъ и единогласно объявилъ возстаніе всенароднымъ. Узнавъ объ этомъ, Хлопицкій заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя диктаторство. Тогда сеймъ, опасаясь, что армія въ столь критиче-

скій моментъ можетъ остаться безъ опытнаго вождя, отсрочилъ свои засѣданія на неопредѣленное время и призналъ Хлопицкаго диктаторомъ, обладающимъ неограниченною властью.

Вскорѣ начали ходить слухи, что Николай I не хочетъ о какихъ бы то ни было переговорахъ съ „мятежниками“. Въ виду этого революціонная партія еще энергичнѣе выступила противъ всякихъ попытокъ къ соглашенію. „Необходимо, наконецъ, понять, — утверждали революціонеры — что во всей Европѣ идетъ борьба между революціею и самодержавіемъ, и поэтому не можетъ быть и рѣчи о переговорахъ; остается лишь идти смѣло впередъ по пути революціи“. 7-го января пришло изъ Петербурга извѣстіе, что русскія войска идутъ на Польшу. Большинство военныхъ, а равно и делегация сейма полагали, что необходимо начать военныя дѣйствія и двинуться навстрѣчу непріятелю въ Литву. Оскорбленный Хлопицкій вновь отказался отъ диктатуры. „Мы надѣемся, — сказалъ ему на это Чарторыскій, — что, переставая быть диктаторомъ, вы все-таки останетесь главнокомандующимъ нашей арміею?“ — „Я былъ бы подлецомъ, — воскликнулъ Хлопицкій — если бы согласился на это!“ — „Но вы, какъ полякъ, обязаны служить отечеству, — возразилъ ему Ледоховскій, — и мы имѣемъ право приказать вамъ это“. — „Да, я буду служить, но какъ простой солдатъ!“, отвѣтилъ диктаторъ.

Послѣ отреченія Хлопицкаго былъ созванъ сеймъ (19 января 1831 г.) подъ предѣдательствомъ Островскаго. Важнѣйшимъ предметомъ совѣщаній былъ вопросъ о назначеніи главнокомандующаго. Послѣ долгихъ преній Хлопицкій предложилъ назначить князя Михаила Радзивилла, которому онъ обѣщалъ служить своимъ совѣтомъ и опытомъ. Предложеніе Хлопицкаго было принято сеймомъ.

Рѣзкій отказъ, которымъ Николай отвѣтилъ на всѣ попытки поляковъ вступитъ съ нимъ въ переговоры, возбудилъ

сильное негодование сейма. Предсѣдатель его въ пламенной рѣчи предложилъ вотировать детронизацію Николая.

„Насталъ рѣшительный часъ!—воскликнулъ Островскій.— Московскій царь уже послалъ свои полчища противъ Польши, чтобы разорванныя цѣпи снова наложить на шею свободнаго народа... Но неужели мы поддадимся страху или подъ влияниемъ стараго навыка будемъ и впредь признавать Николая нашимъ законнымъ государемъ? Поистинѣ, этого не будетъ, ибо онъ первый нарушилъ присягу, которую *мы* вынуждены были принять, подчиняясь силѣ оружія, а потому та свободная присяга, которую мы свято сдержали Пястамъ, Ягеллонамъ и всѣмъ свободно избираемымъ нами монархамъ, для насъ въ данномъ случаѣ не существуетъ и обязательной быть не можетъ!“ При громкихъ крикахъ: „Долой Николая!“ сеймъ принялъ резолюцію слѣдующаго содержанія:

„Самый торжественный священный договоръ является обязательнымъ лишь постольку, поскольку онъ свято соблюдается обѣими сторонами. Наши страданія извѣстны всему міру. Неоднократное нарушеніе всѣхъ гарантій свободы, скрѣпленныхъ присягою двухъ монарховъ, освобождаетъ и польскій народъ отъ долга присяги на вѣрность нынѣ царствующему государю... Въ виду этого народъ, представителемъ котораго является настоящій сеймъ, заявляетъ, что онъ отнынѣ считаетъ себя народомъ свободнымъ и имѣетъ право отдать польскую корону тому, кого признаетъ достойнымъ ея и способнымъ сдерживать присягу и уважать всѣ торжественно возвышенныя свободы народа“. Послѣ этого сеймъ занялся организаціею высшаго правительства. Въ засѣданіи 29-го января было постановлено облечь верховною властью коллегіальное учрежденіе, состоящее изъ 5 лицъ. Въ составъ этого революціоннаго правительства вошли: кн. Чарторьскій, Бажицковскій, Немоевскій, Моравскій и Лелевель.

Въ началѣ февраля 1831 г. русская армія подъ начальствомъ Дыбича-Забалканскаго вступила въ предѣлы Царства

Польскаго. Численность ея достигала 114,000 чел. при 336 пушкахъ. Польское войско насчитывало въ своихъ рядахъ около 63,000 солдатъ при 142 пушкахъ. Оно дѣлилось на 4 пѣшихъ дивизіи—Круковецкаго, Жимирскаго, Свиницкаго и Шембека—и 3 конныхъ—двѣ подъ начальствомъ Янковскаго и Сухожеевскаго и одна резервная.

Русская армія перешла границу въ одиннадцати пунктахъ между Ковномъ и Устилугомъ: ковенскимъ трактомъ шель съ гренадерскимъ корпусомъ кн. Шаховской, отъ Устилуга по направленію къ Люблину—Крейць; главныя силы, состоявшія изъ корпусовъ Палена, Розена и Витта (всего 89 тыс. чел.), двигались на Сѣдлецъ.

Первое сраженіе произошло *подъ Стожкомъ* 14 февраля 1831 г. (между Сѣдлцомъ и р. Вислою). Польскій генераль Дверницкій напалъ на отрядъ Гейсмара и, несмотря на численное превосходство послѣдняго, разбилъ его. 11 пушекъ попали въ руки поляковъ. Впечатлѣніе, произведенное этой незначительной побѣдою, было огромное. Польское войско, воодушевленное своимъ первымъ успѣхомъ, рвалось въ бой, но, упустивъ время, должно было держаться оборонительной тактики согласно плану, составленному генераломъ Прондзынскимъ.

Недалеко отъ Варшавы, *подъ Ваверомъ*, Дыбичъ (съ корпусами Палена и Розена) встрѣтился 19-го февраля съ дивизіями Шембека и Жимирскаго и послѣ ожесточеннаго сраженія принудилъ поляковъ отступить на разстояніе около 2-хъ верстъ. На слѣдующій день битва возобновилась, но на этотъ разъ поляки оказали упорное сопротивление и не подались ни на шагъ. Дыбичъ, встрѣтивъ отпоръ, какового не ожидалъ, рѣшилъ дожидаться Шаховскаго. Тогда Хлопицкій, который фактически продолжалъ руководить военными дѣйствіями, опасаясь, чтобы Шаховской не обошелъ польской арміи, послалъ Янковскаго и Малаховскаго ему навстрѣчу. 24-го февраля Шаховской наткнулся на врага и подъ его натискомъ сталъ

искать спасенія въ соединеніи съ главною арміею. Внезапно, утромъ 25-го февраля на него ударили Круковецкій. Дыбичъ, слыша пальбу изъ пушекъ, въ тревогѣ за участь Шаховскаго рѣшилъ дать полякамъ генеральную битву. Онъ располагалъ 72,000 солдатъ при 252 орудіяхъ, тогда какъ поляки имѣли едва 48,000 регулярнаго войска при 136 орудіяхъ и около 8,000 косыльберовъ, т.-е. крестьянъ, вооруженныхъ косами. Это кровопролитное сраженіе, извѣстное подъ названіемъ *битвы подъ Гроховомъ*, продолжалось весь день.

Около 10 часовъ утра Розень повелъ атаку противъ весьма сильной позиціи, какую представлялъ собою небольшою лѣсокъ, извѣстный въ исторіи возстанія подъ названіемъ Ольшины. Усилія обѣихъ сражающихся сторонъ были направлены на обладаніе этою позиціею. Трижды русскіе овладѣвали Ольшиною и трижды были выброшены оттуда поляками. Наконецъ, свѣжіе русскіе отряды вытѣсниютъ непріятели и занимаютъ лѣсокъ. Между тѣмъ, Хлопицкій не теряетъ еще надежды на успѣхъ: онъ приказываетъ Круковецкому при поддержкѣ Лубенскаго вновь броситься на Ольшину. Послѣдній, однако, изъ-за пустой формальности не исполняетъ этого приказанія, требуя подтвержденія его главнокомандующимъ княземъ Радзивилломъ. Тогда Хлопицкій епѣшитъ къ Радзивиллу съ просьбою заставить Лубенскаго повиноваться. На обратномъ пути, раненый осколкомъ гранаты, онъ все еще не теряетъ мужества и самообладанія, поддерживая духъ солдатъ и отдавая приказанія Прондзынскому. Съ этого момента Хлопицкій сходитъ съ арены. Его удаленіе съ поля битвы имѣло роковыя послѣдствія для поляковъ. Въ ихъ лагерьѣ началось замѣшательство. Радзивиллъ совершенно потерялъ голову и молился; Уминскій сеорился съ Круковецкимъ, и одинъ лишь Скининецкій своимъ мужествомъ и присутствіемъ духа спасъ польскую армію отъ пораженія и сумѣлъ переправить ее на ту сторону Вислы и довести до Варшавы. Въ битвѣ подъ Гроховомъ поляки потеряли около 12,000 чел.

и 3 орудія, русскіе—около $9\frac{1}{2}$ тысячъ. Дыбичъ не использовалъ своей побѣды и лишилъ ее поэтому того значенія, какое она могла бы имѣть при болѣе энергичномъ образѣ дѣйствій русскаго полководца во время отступленія поляковъ. По мнѣнію русскаго стратега Пузыревскаго, Гроховская битва измѣнила положеніе далеко не въ пользу царскихъ войскъ. Передъ битвою польская армія имѣла позади себя рѣку, къ которой могла быть прижата, что, конечно, угрожало бы ей полнымъ уничтоженіемъ; послѣ битвы она отошла за рѣку, которая служила ей теперь естественнымъ прикрытіемъ. Между тѣмъ, ледъ на рѣкѣ началъ таять, и русская армія должна была ждать, пока не очистится рѣка. Положеніе русскихъ особенно осложнилось вслѣдствіе крайняго недостатка въ провіантѣ.

Послѣ гроховской битвы главнокомандующимъ польскихъ войскъ былъ избранъ, вмѣсто бездарнаго Радзивилла, генераль Янъ Скшинецкій, участвовавшій когда-то въ войнахъ Наполеона. По своему образованію онъ былъ не столько военнымъ, сколько дипломатомъ. Пузыревскій называетъ его въ высшей степени храбрымъ офицеромъ, но плохимъ стратегомъ.

Съ наступленіемъ весенней распутицы военныя дѣйствія прекратились, и поляки получили возможность воспользоваться этимъ временемъ для увеличенія своей арміи и усовершенствованія ея организаціи.

Одинъ изъ депутатовъ сейма Шанецкій, уже разъ тщетно пытавшійся обратить вниманіе народныхъ представителей на на огромное значеніе, какое имѣеть для дѣла революціи правильное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, полагалъ что сеймъ окажется подъ вліяніемъ гроховской неудачи болѣе податливымъ, и 28-го февраля опять внесъ предложеніе, согласно которому крестьяне должны были получить земельныя надѣлы, а евреи—сравнены во всѣхъ правахъ съ остальными гражданами. Предложеніе Шанецкаго не встрѣтило сочувствія

ни въ сеймѣ, ни у правительства. Необходимо было однако хотя что-нибудь сдѣлать для крестьянъ: этого требовала демократическая пресса; объ этомъ говорили въ патриотическомъ обществѣ, которое явилось продолженіемъ революціоннаго клуба; на этомъ настаивали демократическіе депутаты. Наконецъ, 28-го марта министръ финансовъ Бернадскій внесъ законопроектъ, который признавалъ за крестьянами, сидѣвшими на государственной землѣ въ такъ называемыхъ національныхъ владѣніяхъ, право собственности на землю, отмѣнялъ въ принципѣ все крестьянскія повинности и назначалъ десятилѣтній срокъ для замѣны ихъ чиншемъ. Все эти мѣропріятія не представляли собою ничего новаго, и правительство имѣло полную возможность, не выходя изъ границъ существующихъ законовъ, осуществить свой проектъ административнымъ путемъ безъ разсмотрѣнія его въ сеймѣ, но Бернадскій хотѣлъ заинтересовать имъ общество и произвести хорошее впечатлѣніе на крестьянъ публичнымъ признаніемъ вреда всякихъ повинностей, обременяющихъ трудового земледѣльца.

Шляхта оказалась однако и на этотъ разъ недостаточно дальновидною и слишкомъ проникнутою классовымъ эгоизмомъ. Тщетно Шанецкій въ горячей рѣчи, произнесенной 29-го марта въ засѣданіи сейма, обращался къ патриотизму депутатовъ, стараясь подѣйствовать на ихъ челоуѣколюбіе. „Послѣдуемъ примѣру знаменитаго четырехлѣтняго сейма,— восклицалъ онъ,—и ознаменуемъ нашъ сеймъ резолюціею столь же славною и благородною, резолюціею, уничтожающею разъ навсегда послѣднее послѣдіе феодализма—барщину... Эта реформа поставитъ Польшу на уровнѣ общеевропейской культуры и выведетъ ее на путь истинной свободы и благоденствія. Мы поднимемъ миліонъ рукъ на защиту нашей страны, въ которой мы создадимъ миліонъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Миліономъ свободныхъ гражданъ мы укрѣпимъ народное правительство, потому что миліонъ свободныхъ

гражданъ мы даруемъ политическія права. Вся будущность страны и достоинство польскаго народа зависятъ отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса... Если бы даже народъ нашъ вынужденъ былъ подчиниться насилію, то и тогда эта реформа имѣла бы благотворное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. И врагъ долженъ былъ бы признать ее, потому что даже татарскій ханъ не посмѣлъ бы коснуться ея. Она бы осталась вѣчнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о великомъ прогрессѣ цивилизаціи польскаго народа“. Эта рѣчь не произвела желательнаго дѣйствія. Сеймъ, избранный еще въ періодъ николаевской реакціи, въ значительномъ большинствѣ своего состава не способенъ былъ подняться до пониманія всего огромнаго значенія крестьянскаго вопроса.

Сеймовые дебаты о крестьянской реформѣ произвели удручающее впечатлѣніе на крестьянъ. Это особенно ярко сказалось при всенародномъ ополченіи для дальнѣйшей войны съ Россіею.

Между тѣмъ явилась возможность возобновить военныя дѣйствія. Польская армія насчитывала уже до 100,000 чел., кромѣ партизанскихъ отрядовъ, организуемыхъ добровольцами. Дыбичъ, видя, что бездѣйствіе угрожаетъ ему тяжелыми послѣдствіями, рѣшилъ переправиться со всею арміею черезъ Вислу и обойти поляковъ. Для того, чтобы скрыть отъ непріятели это движеніе, онъ оставилъ между Заверомъ и Калужиномъ корпусъ Розена. Какъ только поляки узнали, что Дыбичъ намѣревается переправиться черезъ Вислу, Прондзынскій совѣтовалъ главнокомандующему польскихъ войскъ ген. Сквинецкому отрѣзать Розена отъ русской коммуникаціонной базы и броситься съ главными силами на Шаховского, совершавшаго обходъ. Сквинецкій, послѣ долгихъ колебаній, согласился съ этимъ планомъ, но по своей нерѣшительности не сумѣлъ его выполнить надлежащимъ образомъ, такъ какъ оставилъ слишкомъ много войска для охраны Варшавы. Въ ночь съ 30-го на 31-е марта поляки въ количествѣ 20,000

чел. переняли изъ Варшавы по устанному соломомо мосту на предмѣстье Прагу и, обойди русекихъ съ тыла, ударили съ такою силою на отрядъ Гейемара, что уже послѣ двухъ часовъ боя русекіе выпуждены были отступити. Розень собралъ тогда какъ можно больше войска подъ Великимъ Дембомъ и приготовилея къ встрѣчѣ враговъ. Сквиинецкій дѣйствительно не заставилъ себя ждать и, благодаря численному превосходству своей арміи, безъ труда разбилъ русекихъ, взявъ значительное ихъ число въ плѣнъ.

Польскій полководецъ располагалъ въ этотъ моментъ арміею въ 50 тысячъ человекъ. Прондзынскій убѣждалъ его немедленно двинуться въ Сѣдлецъ и захватить тамъ русекіе магазины съ провіантомъ и фуражемъ или ударить на Дыбича, отказавшагося уже отъ переправы черезъ Вислу. Сквиинецкій колебался и только 9-го апрѣля разрѣшилъ Прондзынскому идти въ качествѣ авангарда на Сѣдлецъ. Прондзынскій, одержавъ на слѣдующій день подъ Иганиями побѣду надъ Розеномъ, остановился въ 3 верстахъ отъ Сѣдлца и сталъ съ нетерпѣніемъ ждать прибытія Сквиинецкаго, но послѣдній по обыкновенію своему медлилъ, давъ этимъ возможность Дыбичу соединиться съ Розеномъ и достигнуть Сѣдлца раньше поляковъ. Вслѣдствіе оплошности и нерѣшительности Сквиинецкаго окончилась также неудачею экспедиція генер. Дверницкаго въ Вольшь. Лишенный всякой поддержки со стороны главнокомандующаго, Дверницкій долженъ былъ отступить передъ превосходящими силами непріятели и искать спасенія въ Галиціи. Неудача вольшьской экспедиціи сдѣлала невозможнымъ всякое болѣе или менѣе серьезное движеніе въ правобережной Украинѣ и парализовала дѣйствія такихъ замѣчательныхъ вождей партизанскихъ отрядовъ, какъ Колыско и Карлъ Ружицкій. Гораздо болѣе значительные размѣры приняло возстаніе въ Литвѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что оно было пачато жмудскими крестьянами, желавшими избѣжать рекрутскаго набора. Крѣпостные бѣжали отъ помещи-

ковъ, отнимая у нихъ охотничьи ружья и лошадей. Возстание быстро охватило Россіевскій, Тельшевскій и Шавельскій уѣзды Ковенской губерніи. 4-го апрѣля оно вспыхнуло въ Опмиаѣ (Виленской губерніи). Одинъ изъ современниковъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ событіи, что „тогда была дарована свобода всѣмъ крестьянамъ“. Въ Трокскомъ, Ковенскомъ и Вилькомирскомъ уѣздахъ образовались партизанскіе отряды. Молодая дѣвушка Эмилія Плятеръ сформировала отрядъ изъ крестьянъ и лично принимала участіе въ сраженіяхъ. Въ скоромъ времени въ Литвѣ насчитывали уже болѣе 10,000 повстанцевъ.

Видя столь быстрые успѣхи литовскаго возстанія, Прондзынскій представилъ Сквинецкому чрезвычайно смѣло задуманный планъ, состоявшій въ томъ, чтобы направить главныя силы польской арміи на правое крыло русскихъ и, разбивъ его, перенести главный театръ военныхъ дѣйствій въ Литву. Послѣ долгихъ дебатовъ и колебаній Сквинецкій, наконецъ, рѣшилъ послѣдовать совѣту Прондзынскаго и 13-го мая двинулся съ болышею частью своей арміи навстрѣчу русскимъ гвардейскимъ полкамъ, стоявшимъ между Наревомъ и Бугомъ. Побѣда казалась вѣрною: необходимо лишь было дѣйствовать быстро и рѣшительно. Между тѣмъ Сквинецкій такъ медлитъ, что выпустилъ изъ своихъ рукъ великаго князя Михаила, который въ окрестностяхъ Снядова попалъ межъ двухъ огней, имѣя впереди себя самого Сквинецкаго, а позади—Дембинскаго и Геллуда. Великій князь, замѣтивъ грозившую ему опасность, началъ отступать къ Тыкоцину. Прондзынскій умолялъ Сквинецкаго начать сраженіе, но тотъ колебался и далъ время Михаилу уйти. Между тѣмъ Дыбичъ, соединившись съ гвардейскими частями, перешелъ въ наступленіе и слѣдовалъ за отступавшею польскою арміею до Остроленки. Утромъ 26-го мая въ окрестностяхъ этого города началась битва. Сквинецкій безумною храбростію пытался теперь исправить то, что самъ испортилъ своею не-

рѣшимостью и бездарностью. Но и тутъ онъ выказалъ полное отсутствіе стратегическаго таланта. Если бы не Прондзынскій и Бемъ, польская армія потеряла бы полное пораженіе. Потери ея и такъ были громадны: 200 офицеровъ и болѣе 8,000 солдатъ выбыли изъ строя.

Остроленская битва поколебала въ полякахъ довѣріе къ своимъ вождямъ. Поведеніе Скининецкаго подверглось суровой критикѣ. Сеймъ рѣшилъ даже начать разслѣдованіе, насколько справедливы упреки, которыми осыпали главнокомандующаго, но впоследствии онъ отмѣнилъ свое постановленіе подъ влияніемъ кн. Чарторыскаго, удивительнаго депутатовъ, что затягиваніе войны можетъ вызвать дипломатическое вмѣшательство въ пользу польскаго національнаго дѣла.

Упорное сопротивленіе поляковъ ставило дѣйствительно русскую армію въ тяжелое положеніе. Cholera, свирѣпствовавшая въ рядахъ царскихъ войскъ, уносила ежедневно сотни жертвъ, а недостатокъ провіанта съ каждымъ днемъ дѣлался все ощутительнѣе.

10-го іюня отъ холеры умираетъ самъ Дыбичъ, а вскорѣ послѣ него и великій князь Константинъ Павловичъ. Въ это время польскій генералъ Хжановскій задумалъ уничтожить корпусъ Ридигера, стоявшій на берегу р. Вепра, и, благодаря удобному расположенію польскихъ войскъ, имѣлъ все шансы успѣшно выполнить этотъ планъ. Бездарность польскихъ генераловъ Янковскаго и Буковскаго позволила однако Ридигеру избѣжать опасности и переправиться черезъ Вепръ. Общественное мнѣніе всей Польши было страшно возмущено и требовало военнаго суда надъ виновными въ неудачѣ полководцами. Возмущеніе еще усилилось вслѣдствіе появившихся слуховъ о готовящейся измѣнѣ. Янковскій и Буковскій были арестованы, хотя все обвиненія противъ нихъ оказались впоследствии неосновательными.

Новымъ главнокомандующимъ русскою арміею былъ назначенъ генералъ Паскевичъ, прославившійся въ войнѣ съ

Персією. Согласно полученному имъ изъ Петербурга приказу онъ рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ Вислы. Нѣсколько разъ русскіе попадали въ очень опасное положеніе, но Скинненскій не умѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и 19-го іюля Паскевичъ находился уже за Вислою. — Литовское возстаніе приняло также весьма неблагопріятный для поляковъ оборотъ. Походъ генерала Гелгуда на Вильно окончился полною неудачею. Польское войско отступило къ Пруссіи и 12-го іюля перешло черезъ границу. На слѣдующій день одинъ изъ офицеровъ, Казимиръ Скульскій, подъѣхалъ верхомъ къ Гелгуду, котораго армія считала главнымъ виновникомъ своихъ неудачъ, и выстрѣломъ изъ револьвера убилъ его. Въ Литвѣ остался лишь одинъ Генрихъ Дембинскій съ отрядомъ въ 4,000 чел. Преодоливъ массу препятствій и опасностей, онъ прорвался черезъ окружающіе его ряды непріятели и 3-го августа прибылъ въ Варшаву. Народъ встрѣтилъ Дембинскаго съ энтузіазмомъ. Его отчаянная храбрость снискала ему славу героя. Зато Скинненскій потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ арміи и народа. Онъ не предпринялъ ничего, чтобы остановить движеніе Паскевича къ Варшавѣ, чѣмъ окончательно возстановилъ всѣхъ противъ себя. Наконецъ, сеймъ лишилъ его званія главнокомандующаго, поручивъ начальство надъ армією Дембинскому. Революціонно настроенная часть общества, понимавшая, что возстаніе могло бы увѣчатся успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно перешло въ социальную революцію, ожидала отъ Дембинскаго рѣшительныхъ дѣйствій въ этомъ направленіи. Векоръ однако оказалось, что это былъ не революціонеръ, а просто воинственный шляхтичъ, чуждый какихъ-либо радикальныхъ и демократическихъ стремленій. Какъ стратегъ, онъ точно также не представлялъ собою ничего выдающагося. 14 августа 1831 года онъ отступилъ къ Варшавѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки задержать Паскевича, слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ.

Извѣстіе объ этомъ сильно обезпокоило Варшаву. 15-го августа, въ 5 часовъ пополудни, состоялось многочисленное собраніе Патріотическаго Общества, которое послало депутацію къ министрамъ. Около б. королевскаго замка собралась многотысячная толпа съ криками: „смерть измѣнникамъ!“ Ночью народъ ворвался въ тюрьму, гдѣ находились подозрѣваемые въ измѣнѣ генералы Янковскій, Буковскій и Гуртичъ, вытащилъ ихъ на улицу и повѣсилъ на фонарныхъ столбахъ. Затѣмъ бросились искать шпионовъ. Въ эту памятную ночь ихъ погибло около 30 человекъ, въ томъ числѣ знаменитый Макротъ, любимецъ великаго князя Константина, Шлей, Бирибаумъ и др. Правительство потеряло голову. Аристократія опасалась взрыва социальной революціи. Тогда выступилъ на сцену бывший когда-то губернаторомъ Варшавы и пользовавшійся симпатіями ея населенія генералъ Круковецкій и своимъ тактичнымъ поведеніемъ сумѣлъ успокоить взволнованное населеніе. Благодаря этому обстоятельству онъ сдѣлался въ глазахъ сейма настоящимъ спасителемъ страны, избавившимъ ее отъ всѣхъ ужасовъ анархіи. Между тѣмъ пятичленное правительство, учрежденное 30 января 1831 года, подало въ отставку. Его мѣсто занялъ, согласно постановленію сейма, президентъ, назначающій своею властью главнокомандующаго и министровъ. Президентомъ былъ избранъ Круковецкій. На новое правительство возлагали большія надежды. Маврикій Мохнацкій, извѣстный публицистъ радикальнаго лагеря, раненый въ битвѣ подъ Остроленкою, въ горячо написанной статьѣ доказывалъ, что новый правительственный курсъ долженъ быть революціоннымъ, такъ какъ отъ этого зависитъ вся будущность Польши.

Онъ особенно рѣшительно выступалъ противъ всякихъ упованій на европейскую дипломатію.

„Не кабинеты, — писалъ онъ, — а народы являются нашими союзниками. Не умирающій режимъ сочувствуетъ въ Европѣ нашему воскресенію, а новый, плѣняющій насъ своимъ

блескомъ, революціонный строй, страшный, какъ все, чего еще нѣтъ, но чего страстно ждуть все народы, своею силою и мощью далеко превосходящіе королей и министровъ, господство которыхъ они терпятъ теперь развѣ только ради ихъ прежнихъ заслугъ. Мы начали преклоняться передъ старцемъ, стоящимъ на краю могилы, вмѣсто того, чтобы отдать должное истинной мощи, жизненности и силѣ. Насъ не спасетъ наполовину гнилая и истлѣвшая Европа, но та молодая Европа, мощь и бодрость которой съ каждымъ днемъ растутъ и увеличиваются“.

Демократы жестоко ошибались, полагая, что графъ Круковецкій раздѣляетъ ихъ революціонныя убѣжденія. Они скоро замѣтили свою ошибку. Самъ президентъ новаго правительства увидѣлъ, что онъ не надолго удержитъ за собою то вліяніе, которымъ когда-то пользовался среди варшавскаго населенія.

Въ тотъ моментъ, когда Круковецкій занималъ постъ президента, въ Варшавѣ было сосредоточено 50,000 польскаго войска при 205 орудіяхъ. Паскевичъ, соединившись съ Крейцемъ, имѣлъ 80,000 при 400 орудіяхъ.

19 августа Круковецкій созвалъ военный совѣтъ. Самъ онъ высказался за генеральную битву. „Я не надѣюсь— замѣтилъ онъ— на побѣду, но полагаю, что эта битва будетъ благородною кончиною нашего дѣла“. Большинство генераловъ совѣтовали однако защищать Варшаву. Особенно настаивалъ на этомъ генераль Прондзынскій, предлагая оставить для защиты столицы 40,000 солдатъ, а прочія силы употребить для освобожденія отъ русскихъ Плоцкаго, Подляскаго и Люблинскаго воеводствъ. „Я надѣюсь, — закончилъ свою рѣчь Прондзынскій, — что если мы только удержимся до зимы, — намъ нетрудно будетъ уничтожить русскую армію подъ Варшавою“. Польскіе историки революціоннаго направленія доказываютъ, что возстаніе дѣйствительно могло бы увѣнчаться успѣхомъ: надлежало лишь объявить отмѣну барщины, при-

знать за крестьянствомъ право собственности на землю и, затѣмъ, организовать всенародное ополченіе въ защиту родины. Для осуществленія столь широкихъ и смѣлыхъ плановъ не нашлось людей.

Шляхта не могла отрѣшиться отъ своего узкаго классоваго эгоизма, а отдѣльными личностямъ, поставленнымъ ею во главѣ національнаго движенія, великая задача освобожденія страны отъ чужеземнаго ига оказалась не по силамъ. Круковецкій заботился болѣе о подавленіи революціонныхъ затѣй демократическаго лагеря, чѣмъ о войнѣ съ Россією. Назначенный имъ варшавскимъ губернаторомъ Хжановскій запрещалъ населенію вооружаться, опасаясь, очевидно, взрыва соціальной революціи.

На правый берегъ Вислы былъ посланъ генералъ Раморино съ 20,000-ною армією при 40 орудіяхъ. При немъ находились, между прочимъ, кн. Чарторьскій и графъ Замойскій. Раморино, упустивъ удобный случай, чтобы разбить Розена, въ самую важную минуту очутился вдали отъ Варшавы, дни которой были уже сочтены.

Паскевичъ, узнавъ объ экспедиціи поляковъ на правый берегъ Вислы, встревожился не на шутку, такъ какъ легко могъ быть отрѣзанъ отъ сообщенія съ Россією. Поэтому онъ рѣшилъ начать съ поляками переговоры. Польскіе „дипломаты“ охотно пошли навстрѣчу этому рѣшенію. Партія конституціоналистовъ или такъ называемые калишане, во главѣ которой стояли бывшіе лидеры оппозиціи, калишскіе депутаты Немоѣвскіе, также не имѣли ничего противъ переговоровъ. Круковецкій только о нихъ и думалъ.

Усыпивъ, такимъ образомъ, бдительность поляковъ, Паскевичъ приступилъ 6 сентября 1831 г. къ штурму Варшавы.

Круковецкій, занятый дипломатическими соображеніями, не назначилъ даже главнокомандующаго. Благодаря отсутствію хотя бы какого-нибудь общаго планомѣрнаго руководства, предметъ Воля и два укрѣпленія были вскорѣ взяты рус-

скими войсками. Воли, комендантомъ которой былъ Иосифъ Совинскій, защищалась до послѣдней капли крови: самъ Совинскій погибъ и бѣольшая часть команды была перебита. Занятіе Воли значительно ослабило поляковъ, но они могли бы еще долго держаться за второю линію укрѣпленій. Между тѣмъ Круковецкій, Хжановскій и Прондзынскій, желая убѣдить сеймъ въ необходимости начать переговоры, представили положеніе въ крайне мрачныхъ краскахъ. Сеймъ колебался...

Тогда Паскевичъ 7-го сентября, въ 1 часъ дня, повелъ генеральную атаку и съ 380 орудій открылъ огонь по направленію къ Іерусалимской заставѣ. Польское правительство потеряло голову. Войско, лишенное руководства, таяло подъ градомъ русскихъ снарядовъ, тщетно пытаясь сдержать натискъ непріятеля. Наконецъ, Паскевичъ потребовалъ сдачи Варшавы безъ всякихъ условій. На слѣдующій день (8-го сентября) русская армія вступила въ Варшаву. Сеймъ, правительственныя власти, войско и значительное число гражданъ удалились въ Модлинъ, а оттуда въ Закрочимъ и Плоцкъ. Раморно отправился въ Галицію. Остальная часть польской арміи, съ Рыбинскимъ во главѣ, 5-го октября перешла прусскую границу и сложила оружіе подъ Бродницею. Модлинъ сдался 8-го октября, а двѣ недѣли спустя сдалось и Замостье.

Возстаніе было подавлено. Вмѣстѣ съ нимъ была надолго подавлена торжествующимъ самодержавіемъ свобода Польши и всѣхъ вообще народовъ, населяющихъ Россійскую Имперію...

ГЛАВА V.

Періодъ демократической пропаганды.

(1832—1846).

Польская революція 1831 года имѣетъ огромное значеніе въ исторіи польскаго народа. Нѣмецкій историкъ Карлъ Гагенъ называетъ ее даже самой важной изъ всѣхъ европейскихъ революцій того времени. „Свободная Польша—говорить оны—явилась бы могучею стѣною, защищающей свободную Европу отъ царскаго самодержавія; она бы сдерживала его вліяніе, упрочила бы политическую свободу въ странахъ, которыя подняли уже знамя мятежа; придала бы бодрости всѣмъ угнетеннымъ народамъ и вызвала бы революціонное движеніе даже тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ царило спокойствіе. Въ Польшѣ должно было разрѣшиться дѣло свободы“.

„Освобожденіе Польши—говорилъ впоследствии Михаилъ Бакунинъ—было бы нашимъ спасеніемъ: ваша свобода освободила бы и насъ; вы не могли бы опрокинуть тронъ польскаго короля, не потрясая въ то же время и престоломъ русскаго императора... И вы понимали это, когда на своихъ знаменахъ начертали слова: „За вашу и нашу вольность“. Эта мысль проникла также въ умы многихъ русскихъ офицеровъ. Послѣ вступленія въ Варшаву они съ жадностью набросились на революціонные журналы и тщательно искали проекта русскої конституціи, рукопись котораго, найденная въ бумагахъ Новосильцева, была во время возстанія отпечатана въ Варшавѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Когда гвардія возвращалась потомъ въ Петербургъ, у многихъ офицеровъ были сдѣланы уже за Брестъ-Литовскомъ обыски, и найденныя книги революціоннаго содержанія были конфискованы.

Самодержавіе жестоко отомстило побѣдамъ за возстаніе. Хотя 1 ноября 1831 года и была дана для виду амнистія, по

множество изъятій такъ ограничивали ее, что она теряла всякое значеніе. Множество лицъ было приговорено къ смертной казни. Сибирь переполнилась поляками. Польскихъ повстанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ на полѣ сраженія или выданныхъ прусскимъ правительствомъ, сослали въ Крошгадтъ, въ Архангельскъ, на Кавказъ, въ сибирскіе полки. Сыновья польскихъ офицеровъ, погибшихъ на войнѣ, насильно отдавались въ русскіе кадетскіе корпуса, гдѣ имъ старались внушить ненависть къ роднымъ отцамъ. Польская армія была уничтожена. Цѣлые поселки мелкой шляхты и крестьянъ-католиковъ были перенесены изъ литовско-русскихъ губерній въ пустынные степи южной Россіи. Имѣнія польскихъ помѣщиковъ конфисковались и даже въ Царствѣ Польскомъ, въ которомъ александровская конституція гарантировала неприкосновенность частной собственности, эта кара постигла 2,625 землевладѣльцевъ.

Конфискованныя имѣнія раздавались русскимъ генераламъ и чиновникамъ. Библіотеки и коллекціи общества друзей науки были вывезены въ Петербургъ. Администрація всячески унижала гражданъ, заставляя ихъ посылать въ рноподданническіе адреса царю и устраивать оваціи побѣдителямъ. Въ апрѣлѣ 1832 года по приказу Паскевича въ Петербургъ отправлена была даже особая депутація къ царю, принесшая повинную и покорно просившая прощенія „за возстаніе, вызванное кучкою крамольниковъ“. Князь Радзивиллъ прочелъ эту позорную декларацію, „которую—нищеть польскій историкъ Скарбекъ—онъ, какъ полякъ и свободный человекъ, не долженъ былъ читать, если ему не были совсѣмъ чужды чувство собственнаго достоинства и сознаніе гражданскаго долга“. Самыя незначительныя проявленія освободительныхъ стремленій подавлялись, конечно, безъ всякаго послабленія; уровень народнаго образованія пытались искусственно понизить; вмѣсто отмигнутой конституціи установили такъ называемый органическій статутъ, оставшійся однако мертвою

буквою. Въ странѣ господствовалъ полный произволъ. вмѣсто польскаго государственнаго совѣта былъ учрежденъ въ Петербургѣ департаментъ польскихъ дѣлъ, все управленіе которыми перешло постепенно къ петербургскимъ министрамъ. Въ Бѣлоруссіи Литовскій статутъ былъ замѣненъ русскимъ Сводомъ законовъ, который уничтожилъ всякіе слѣды гражданской самодѣятельности и сдѣлалъ подданныхъ рабами*). Въ Литвѣ дѣйствовалъ еще Литовскій статутъ, но въ судебныхныя учрежденія былъ введенъ русскій языкъ. Всюду насиліе и произволъ стояли выше закона. Обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами никогда не было такъ жестоко, какъ при Николаѣ I. Всякая общественная инициатива, имѣющая въ виду улучшеніе крестьянскаго быта, была стѣснена и строго преслѣдовалась.

Варшавскій и Виленскій университеты и Кременецкій лицей—единственные на огромной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой разсадники высшего просвѣщенія—были закрыты. Въ Царствѣ Польскомъ изъ одиннадцати гимназій оставили девять, изъ которыхъ семь были ниспаведены на степень низшихъ школъ.

Въ литовско-русскихъ областяхъ было еще хуже. Здѣсь учебныя заведенія существовали не для обученія и воспитанія юношества, а исключительно для обрусенія польскихъ и литовскихъ дѣтей и привитія имъ чувствъ рабской покорности и почтенія къ начальству. Количество школъ было уменьшено и доступъ къ нимъ значительно затрудненъ. Изъ 394 училищъ, существовавшихъ при Чарторыскомъ, остались только 92. Сыновьямъ бѣдной шляхты, мѣщанамъ и крестьянамъ почти неммыслимо было поступить въ школу. Въ Царствѣ Польскомъ плата за право ученія была увеличена втрое. Цензура желѣзными тисками давила всякую живую, свободную

---

*) Рабство было отменено въ Россіи указомъ 26 марта 1842 года.

мысль, а произнесіе именъ Мицкевича и Лелевеля считалось преступленіемъ.

Этотъ гнетъ, который съ тѣхъ поръ тяготѣлъ надъ поляками, тѣмъ именно и ужасенъ, что онъ обрушивается не только на національную самобытность польскаго народа, но главнымъ образомъ на культуру, дѣлая невозможнымъ всякое болѣе или менѣе интенсивное ея развитіе. Можно сказать, что русскіе бюрократы сыграли въ Польшѣ роль вандаловъ, стремившихся къ полному разрушенію и уничтоженію цивилизаціи. И въ этомъ заключается ихъ тяжкое преступленіе не только передъ польскимъ народомъ, но передъ всѣмъ человѣчествомъ...

Измѣнники и ренегаты дѣлали блестящія карьеры. Насильственная русификація доходила до абсурда: измѣняли на русскій ладъ названія мѣръ, денегъ; старались завести русскіе обычаи, даже крестьянъ хотѣли переодѣть въ великорусскія поддевки. Русскіе чиновники, занявшіе высшіе посты, обратили Польшу въ классическую страну пестыханнаго взяточничества, вымогательства и хищеній. Рѣшено было даже приступить къ переселенію въ Польшу великорусскихъ крестьянъ, но эти попытки дали только возможность русскимъ чиновникамъ лишній разъ набить себѣ карманы.

Прусское правительство весьма усердно поддерживало російскую самодержавную бюрократію. Польскія войска, перешедшія прусскую границу, были разоружены и размѣщены по разнымъ крѣпостямъ. Разрѣшивъ офицерамъ выѣхать во Францію, прусская администрація предложила рядовымъ вернуться въ Россію. Въ случаѣ сопротивленія имъ угрожали суровыми карами, били ихъ и изгоняли. 28 января 1832 г. въ Фишау войско стрѣляло въ польскихъ повстанцевъ, при чемъ 9 человекъ было убито, а многіе были тяжело ранены. Генрихъ Гейне заклеилъ эту подлость въ сильныхъ выраженіяхъ. Нежелавшихъ возвращаться на родину погнали въ Данцигъ, гдѣ ихъ заставили дѣлать насыпи при устьѣ рѣки

Вислы. Наконецъ, по ходатайству французскаго и англійскаго правительствъ несчастныя жертвы были отправлены въ Англію и во Францію.

Въ Краковской республикѣ и въ Галиціи собралось также большое количество выходцевъ изъ русской Польши. Австрійское правительство намѣревалось сначала выслать ихъ всѣхъ въ Америку, но впоследствии ограничилось лишь изгнаніемъ самыхъ выдающихся лицъ изъ предѣловъ Австріи. Въ общемъ въ Галиціи осталось все-таки около 12,000 повстанцевъ. Значительное число эмигрантовъ отправилось во Францію, которую поляки продолжали считать призвальною защитницею и союзницею польскаго народа. Эмигранты, не обладавшіе необходимыми для столь далекаго путешествія матеріальными средствами, шли пѣшкомъ по-военному, колоннами. Это было поистинѣ триумфальное шествіе. Мужчины и женщины въ германскихъ городахъ выходили цѣлыми толпами имъ навстрѣчу, усыпали ихъ нуть цвѣтами и приветствовали восторженно, какъ героевъ, борцовъ за свободу. „Тогда впервые— пишетъ Викторъ Гельманъ.—,мы почувствовали, за какое великое, всеобщее дѣло мы боролись“. Французское правительство назначило особый фондъ на содержаніе польскихъ эмигрантовъ.

Европа никогда еще не видѣла столь многочисленной политической эмиграціи, какъ польская эмиграція 1831 года. Большая часть поляковъ находилась во Франціи, но многіе поселились также въ Англій, Швейцаріи и Бельгіи. Эмиграція сосредоточила въ себѣ лучшія силы польскаго народа. На чужбинѣ она создала могучій центръ духовной жизни и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ работала для блага національной культуры. Тамъ писали свои произведенія величайшіе польскіе поэты: Адамъ Мицкевичъ, Юлій Словацкій и Сигизмундъ Красинскій; тамъ работали знаменитый историкъ и горячій патріотъ-демократъ Іоахимъ Лелевель; тамъ блестящій публицистъ Маврикій Мохнацкій своимъ яр-

кимъ перомъ давалъ оцѣнку только-что законченному воз-
станію; тамъ писалъ свои романы Михаилъ Чайковскій, и
развивали свое радикальное общественное *credo* Викторъ
Гельтманъ и Станиславъ Ворцель, одинъ изъ первыхъ апосто-
ловъ утопическаго социализма въ Польшѣ; тамъ создавалъ
свою философскую систему Бропиславъ Трентовскій и обду-
мывалъ свои стратегическія комбинаціи Людвикъ Мерославскій.
Польская журналистика, не стѣсняемая цензурою, также раз-
вилась, главнымъ образомъ, за границею, и подъ влияніемъ
передовыхъ идей Запада она сдѣлалась тамъ могущественной
носителемъ прогрессивныхъ и демократическихъ идеаловъ
польской интеллигенціи. Между эмигрантами были прекрасные
инженеры (Павель Лелевель и Стрыенскій), математики
(Невенгловскій), врачи и естествоиспытатели (Шокальскій и
Радиборскій), а также значительное число мастеровъ-ремес-
ленниковъ, пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность, какъ, напр.,
жневскій часовщикъ Патекъ, владѣлецъ фабрики роялей
въ Бельгій Ястржембскій и т. д. Здѣсь были представители
всѣхъ слоевъ народа, не исключая крестьянъ (объединившихся
въ Англіи въ социалистическое сообщество подъ названіемъ:
„Польскій народъ“) и евреевъ. Это была наиболѣе сознатель-
ная часть польскаго народа, и поэтому вполне понятно, что
въ теченіе пятнадцати лѣтъ въ ней сосредоточивалась духов-
ная жизнь націи. Главными центрами польской эмиграціи были:
Парижъ, Пуатье, Страсбургъ, Лондонъ, Портсмутъ, Бернъ
и Брюссель.

Пріѣзжавшимъ во Францію эмигрантамъ правительство
назначило 8 мѣстностей для постоянного жительства: Авинь-
онъ, Безансонъ, Буржъ, Шатору, Саленъ, Лионель, Ле-Нью
и Лонъ-де-Сольсье. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ предѣдательствомъ
генерала Ляфайетта образовался особый комитетъ для вспомо-
жества польскимъ эмигрантамъ. Членами этого коми-
тета были, между прочимъ, такіе люди, какъ Викторъ Гюго,

Бераанже, Арманъ Каррель, Одилопъ-Барро, Гарнье-Паже, Дюпонтъ-де-л'Эрть и др.

Въ Англии тоже существовало Общество друзей Польши, председателемъ котораго былъ Томасъ Кампбелль, а впоследствии Дудль-Стюартъ.

Находившіеся въ Парижѣ польскіе эмигранты образовали въ концѣ 1831 года временный Польскій Комитетъ подъ председательствомъ послѣдняго главы Народоваго Жюнда Бонавентурія Немоёвскаго. Этотъ Комитетъ пересталъ въ скоромъ времени существовать вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между его членами по поводу предполагаемаго празднованія первой годовщины возстанія. Когда генераль Ляфайеттъ первый выступилъ съ этимъ предложеніемъ, Немоёвскій отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что поляки, прибѣгающіе къ гостепримству Франціи, не должны преслѣдовать какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей. Когда эмигранты узнали объ этомъ отвѣтѣ, они были глубоко возмущены и потребовали закрытія временнаго Комитета. Въмѣсто него былъ избранъ постоянный Комитетъ, въ составъ котораго вошли Іоакимъ Лелевель, въ качествѣ председателя, Зверковскій, Леонардъ Ходзько, Романъ Солтыкъ и др. Все эти лица отличались своими демократическими взглядами и вошли въ близкія сношенія съ ген. Ляфайеттомъ и Французско-Польскимъ Комитетомъ. Новый Комитетъ, прозванный лелевелевскимъ, развилъ большую дѣятельность, выпуская множество прокламацій и воззваній. Онъ стоялъ на строго-демократической почвѣ. Въ то время громаднымъ вліяніемъ пользовался въ немъ Лелевель. Его республиканскій демократизмъ, въ основѣ котораго лежала идея братства народовъ, поставилъ его во главѣ польскаго прогрессивнаго лагеря. По убѣжденію Лелевеля, демократическій республиканизмъ является некою національною особенностью славянскаго характера *) и основ-

---

*) Что сказали бы на это русскіе славянофилы!...

ною тенденцію польской исторіи. „Польша была когда-то шляхетскою демократіею,—писалъ Лелевель,—и она должна, послѣ возстановленія своей независимости, сдѣлаться всеобщей народною демократіей“. Аграрный коммунизмъ, существовавшій при общинномъ строѣ у славянскихъ народовъ, былъ его завѣтной мечтою, которую умственный прогрессъ человѣчества долженъ былъ, по его мнѣнію, осуществить въ борьбѣ или менѣе близкомъ будущемъ. Съ Лелевелемъ имѣли много общаго Мицкевичъ и Мохнацкій, но ихъ личное вліяніе не было такъ значительно.

Мицкевичъ, возвышаясь силою своего генія надъ понятіями современниковъ, съ большей смѣлостью высказывалъ мысль о неизбежности коренной соціальной реформы. Свои поэтическія мечтанія, проникнутыя насквозь соціалистическимъ духомъ, онъ излагалъ въ выходившемъ въ Парижѣ съ ноября 1832 г. „Польскомъ Пилигримѣ“. Статьи Мохнацкаго, печатавшіяся въ парижской „Лѣтописи Эмиграціи“ (*Pamiętnik emigracji*), и блестящимъ языкомъ написанная „Исторія возстанія 1830—31 г.“ пользовались большимъ успѣхомъ, хотя подчасъ вызывали и суровую критику. Сдерживая демократическіе порывы, онъ проповѣдывалъ дисциплину и доказывалъ необходимость твердой власти, въ которой видѣлъ единственное спасеніе будущей революціи. Польскіе аристократы, привыкшіе возлагать всѣ надежды на европейскую дипломатію и личныя свои связи, съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на ростъ радикальныхъ демократическихъ идей между эмигрантами. Ихъ недовольство еще увеличилось послѣ избранія Лелевеля предсѣдателемъ Польскаго Комитета. Главою аристократическаго лагеря былъ князь Адамъ Чарторыйскій, прямой антиподъ Лелевеля. Подъ его руководствомъ было учреждено въ апрѣлѣ 1832 года въ Парижѣ „Историко-Литературное Общество“, а въ декабрь того же года „Общество вспоможенія учащимся“, которое выдавало стипендіи молодымъ эмигрантамъ, поступающимъ въ высшія учебныя заведенія. Кромѣ аристократовъ,

составом Польскаго Комитета не были довольны также бывшіе офицеры польской арміи, такъ какъ между членами его не было ни одного военнаго. Крайніе революціонеры также упрекали Комитетъ въ томъ, что онъ въ угоду большинству эмигрантовъ не ведетъ открытой революціонно-демократической агитаціи. По ихъ мнѣнію, Комитетъ совершенно напрасно поставилъ себѣ двѣ задачи, которыя слѣдовало бы строго разграничить: помощь эмигрантамъ могла бы, по ихъ мнѣнію, объединить всѣхъ эмигрантовъ безъ различія политическихъ убѣждений, но политическая дѣятельность является плодотворной лишь тогда, когда ради нея соединяются между собою люди, придерживающіеся одного политическаго символа вѣры. Въ результатъ двадцать два члена эмиграціоннаго союза образовали въ мартѣ 1832 г. отдѣльное „Демократическое Общество“. Между тѣмъ, составъ Польскаго Комитета опять измѣнился. Туда вошли люди умѣреннаго образа мыслей, во главѣ съ генераломъ Дверницкимъ. Чарторыскому была поручена дипломатическая часть. Многіе эмигранты полагали однако, что единственнымъ авторитетнымъ органомъ эмиграціи могъ быть только сеймъ, состоящій изъ болѣе или менѣе значительнаго количества сенаторовъ и депутатовъ, а такъ какъ въ Парижѣ и тѣхъ и другихъ собралось довольно много, то сенаторъ Антонъ Островскій созвалъ ихъ на первое засѣданіе 3 января 1833 г. Явились три сенатора и тридцать депутатовъ. Они собирались еще 4 и 5 января, но умѣренная партія, испугавшись революціоннаго настроенія большинства членовъ сейма, заявила протестъ противъ его законности и необходимости.

Борьба между аристократами и демократами, т.-е. между дипломатами и революціонерами, раздѣлила эмигрантовъ во всѣхъ городахъ, гдѣ они пребывали, на два враждебныхъ лагеря.

На очереди стоялъ весьма важный вопросъ о подготовлявшихся въ то время революціонныхъ экспедиціяхъ. Дипломаты,

узнавъ, что революціонеры задумываютъ что-то серьезное, изо всѣхъ силъ старались задержать всякое движеніе. Они не остановились даже передъ доносомъ и, когда часть польскихъ демократовъ прибыла изъ Авишюна въ Лионъ, аристократы предупредили администрацію о задуманной поляками со-вмѣстно съ французскими республиканцами революціи въ этомъ городѣ. Въ результатъ многіе эмигранты были арестованы.

Одновременно съ этимъ генераль Вемъ сдѣлалъ неудачную попытку организовать польскую легію въ Португаліи.

Подготавливаемые польскими эмигрантами революціонныя экспедиціи нашли сильную поддержку въ карбонарскихъ со-юзахъ, существовавшихъ во Франціи, Швейцаріи, Германіи и Италіи. Верховное руководство этими союзами сосредоточива-лось въ Парижѣ. Когда польскіе эмигранты появились во Франціи, карбонарии всячески пытались привлечь ихъ въ свой союзъ, такъ что въ началѣ 1833 года число карбонаріевъ-поляковъ достигло весьма внушительной цифры. Въ томъ же году они образовали уже свой особый отдѣлъ, въ составъ котораго вошли Іосифъ Заливскій, Артуръ Завиша, Генрихъ Дмоховскій, Лелевель, Ворцелль и др. Польскіе карбонарии оказывали огромное вліяніе на остальныхъ эмигрантовъ и развивали въ ихъ средѣ ярко революціонное настроеніе.

Осенью 1832 года между тайными союзами начались вы-рабатываться соглашенія, имѣвшія цѣлью вызвать общеевро-пейскую революцію. Ожидали взрыва ея во Франціи, Италіи, Германіи и Польшѣ. Во всѣхъ этихъ планахъ не было, однако, никакого единства, а на практикѣ его оказалось еще меньше.

Польская экспедиція началаеъ успѣшнѣе другихъ, но на-дежды на обѣщанную помощь всюду обманули поляковъ.

Преодолевъ множество препятствій, нѣсколько десятковъ молодыхъ самоотверженныхъ польскихъ офицеровъ достигли Царства Польскаго и Литвы и здѣсь приступили немедленно къ организаціи возстанія. Начальникомъ его былъ выбранъ Іосифъ Заливскій. На основаніи особой инструкціи, соста-

вленной еще во Франціи, верховная власть во время возстанія принадлежала Народной Мести: подъ этимъ названіемъ долженъ былъ скрываться диктаторъ, извѣстный только окружнымъ начальникамъ и ихъ замѣстителямъ. Повстанцы должны были группироваться въ отряды по 50 человекъ и держаться, по возможности, въ лѣсахъ, горныхъ ущельяхъ и вообще мѣстахъ малодоступныхъ; ихъ тактика заключалась во внезапныхъ ночныхъ нападеніяхъ на непріятеля, уничтоженіи его транспортовъ съ провіантомъ и амуницией, конфискаціи казенныхъ суммъ, убійствѣ чиновниковъ и т. п. Все повстанскіе отряды должны были итти къ Варшавѣ, чтобы окружить ее со всехъ сторонъ. Черезъ прусскую границу вошли въ Царство Польское Артуръ Завиша, Божевскій, Винницкій, Бугайскій и друг. Они собрали нѣкоторое количество деревенскихъ парней, ѡбъжавшихъ отъ военной службы, и держались съ ними до іюня мѣсяца. Большинство этихъ энтузіастовъ погибло: Бугайскій былъ казненъ въ 1834 г., Винницкій былъ разстрѣлянъ въ Калишѣ. Особенною популярностью пользовался Артуръ Завиша. Прибывъ въ мартѣ 1833 г. въ окрестности г. Плоцка, этотъ молодой 25-лѣтній герой собралъ вокругъ себя 25 крестьянъ и нѣсколько мѣсяцевъ тревожилъ русскіе отряды. Окруженный въ маѣ мѣсяцѣ тремя баталіонами русскихъ войскъ, онъ послѣ шестичасового сраженія попалъ въ плѣнъ, потерявъ почти всехъ своихъ товарищей. Несмотря на жестокія пытки, которымъ его подвергли въ цитадели, онъ не выдалъ никого изъ своихъ сообщниковъ, отвѣчая на все вопросы: „Моими сообщниками былъ весь польскій народъ, и я счастливъ, что могу умереть за его свободу: его мстители будутъ мстителями за меня и моихъ товарищей“. Завиша погибъ на висѣлицѣ 27 ноября 1833 года.

Со стороны Галиціи вступили отряды подъ предводительствомъ Дзевницкаго, Бялковскаго, Дубенскаго и Дмоховскаго. Въсѣтъ съ этимъ послѣднимъ прибылъ и Іосифъ Заливскій.

Отрядъ Дзевницкаго двинулся къ Поланцу, но тотчасъ же былъ окруженъ казаками. Самъ Дзевницкій, взятый въ плѣнъ, попросилъ воды и, всыпавъ въ стаканъ ядъ, отравился. Лубенскій дошелъ до Янова, разбилъ казацкій постъ и держался въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. Дмоховскій съ Заливскимъ пытались добраться до Люблина, но послѣ везоможныхъ мытарствъ принуждены были вернуться въ Галицію. Въ Литвѣ отличился Михаилъ Волловичъ, организовавшій крестьянъ для партизанской борьбы. Онъ былъ повѣшенъ въ Гроднѣ.

Вскорѣ русскія и австрійскія тюрьмы переполнились польскими революціонерами. Патриотовъ разстрѣливали и вѣшали. Многихъ ссылали на каторгу, прогоняли сквозь строй, отдавали въ солдаты въ кавказскіе и сибирскіе полки. Женщины, скрывавшія революціонеровъ, наказывались розгами. Елена Новаковская была подвергнута въ казармахъ въ Люблинѣ 200 ударамъ розгами. Орловская, приговоренная къ 500 ударамъ, лишила себя жизни.

Особенно усердствовалъ гродненскій губернаторъ Михаилъ Муравьевъ, прославленный вносѣдствіи палачъ Литвы. Множество мѣщанъ и крестьянъ были прогнаны сквозь строй. Помѣщики наказывались конфискаціей имѣній, ссылались въ Сибирь и отдаленныя русскія губерніи. Въ Гродненской губерніи и Бѣлостокекомъ округѣ были конфискованы участки 50 крестьянъ. Многіе изъ нихъ были сосланы въ Забайкальскую область. Агатонъ Гилдеръ, участникъ возстанія 1863 г., встрѣтилъ тамъ слѣдующихъ крестьянъ, высланныхъ за дѣло Волловича: Сайчука, Фиретку, Хансюка, Садовскаго, Курека и Марцикевича.

Австрія также стала преслѣдовать участниковъ экспедиціи Заливскаго и заключать ихъ въ тюрьму. Слѣдствіе тянулось 3 года. Разбитый въ тюрьмѣ параличемъ, Заливскій былъ приговоренъ къ смертной казни, но вносѣдствіи помилованъ и заключенъ на 20 лѣтъ въ крѣпость Куфштейнъ въ

Тироль. Куфштейнская тюрьма сдѣлалась могилою многихъ польскихъ революціонеровъ.

Попытки вызвать революцію въ Германіи не привели ни къ чему. Во Франкфуртѣ на Майнѣ студенты завладѣли гауптвахтой, но были разсѣяны подослѣвшимъ австрійскимъ отрядомъ. Между тѣмъ, польскіе эмигранты изъ Безансона, Дижона и другихъ городовъ, въ количествѣ 500 человекъ, прибыли въ Швейцарію, чтобы оттуда отправиться въ Германію. Узнавъ, что германское движеніе подавлено, они приняли участіе въ затѣянной Мадзини савойской экспедиціи (въ февралѣ 1834 г.), окончившейся, какъ извѣстно, полною неудачею.

Въ то же время и французское правительство, убѣдившись въ томъ, что демократическая фракція польской эмиграціи поддерживаетъ сношенія съ революціонными французскими организаціями, ввело строгій надзоръ за поляками, учредивъ даже особую полицію для наблюденія за ними (такъ называемый *Comité central polonais* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). Между прочимъ, около 10 эмигрантовъ, извѣстныхъ своими крайними взглядами, какъ-то Ходзько, Ворцелль, Лелевель и др., были удалены изъ предѣловъ Франціи.

Печальный исходъ экспедиціи Заливскаго послужилъ для самоотверженныхъ романтиковъ революціи назидательнымъ урокомъ, убѣдившимъ ихъ, что народному возстанію должна предшествовать продолжительная идейная пропаганда.

Для того, чтобы демократическіе идеалы могли привести въ движеніе многомилліонную массу народа, они должны проникнуть глубоко въ народное сознаніе и сдѣлаться національнымъ символомъ вѣры. Въ то время среди карбонаріевъ начался серьезный разладъ по поводу дѣятельности центрального комитета карбонарскихъ союзовъ. Его упрекали въ централистическихъ стремленіяхъ и формализмъ, противорѣчащихъ духу демократизма и свободы. Тогда Иосифъ Мадзини задумалъ основать новую международную организацію, обеспечи-

вающую всѣмъ націямъ равенство и полную независимость. Его предложеніе было принято многими карбонаріями, и, такимъ образомъ, въ апрѣлѣ 1834 года возникло сообщество подъ названіемъ: „Молодая Европа“, въ составъ котораго вошли независимые союзы: „Молодая Италія“, „Молодая Германія“, „Молодая Польша“ и „Молодая Швейцарія“.

„Молодая Польша“ выбрала въ Бергѣ комитетъ для верховнаго руководства ея дѣлами и выработала подробную программу, согласно которой главною цѣлью новаго общества являлось „освобожденіе Польши, понимаемой, какъ единый народъ, состоящій изъ равныхъ и свободныхъ людей“.

Основою будущаго политическаго строя Молодая Польша признавала всевластіе народа. „Единымъ самодержціемъ, — читаемъ мы въ ея программѣ, — является народъ; единымъ правителемъ — законъ; единымъ законодателемъ — воля народа“. Правленіе должно быть народнымъ, основаннымъ на всеобщемъ голосованіи. Организациія Молодой Польши обнимала собою: 1) центральный комитетъ, находившійся за границею, 2) земскіе комитеты, 3) организаторовъ и 4) товарищей. За границею, гдѣ не было особенной надобности скрываться, товарищи, пребывавшіе въ одной мѣстности, образовали общину, которая избирала организатора.

Вскорѣ члены Молодой Польши разѣхались по разнымъ странамъ для пропаганды своихъ идей: Штольцманъ отправился въ Бельгію, Симеонъ Конарскій—во Францію, Кабицкій—въ Краковъ. Во Франціи Молодая Польша встрѣтила сильнаго соперника въ Демократическомъ Обществѣ.

Въ 1835 году ея комитетъ переѣхалъ въ Брюссель. Симонъ Конарскій, поселившись въ Парижѣ, началъ издавать вмѣстѣ съ Яномъ Чинскимъ журналъ: „Сѣверъ“, въ которомъ доказывалъ необходимость соединенія великой борьбы за національную независимость съ коренной соціальной реформой въ духѣ всеобщаго равенства и братства. Они полагали, что въ этой священной борьбѣ, требующей огром-

ныхъ жертвъ и полнаго единенія силъ. „исчезнуть все социальныя неравенства, имущества частныхъ лицъ сдѣлаются достояніемъ всего общества, а весь народъ превратится въ братьевъ-воиновъ“. Соціалистическія тенденціи, проглядывающія въ этихъ словахъ, еще яснѣе выступаютъ въ многихъ другихъ произведеніяхъ молодыхъ польскихъ публицистовъ того времени. Это не были, конечно, научныя теоріи, аналогичныя современному марксизму, но въ тридцатыхъ годахъ социализмъ былъ вообще во всей Европѣ скорѣе утопіею, нежели научной доктриной. Одинъ изъ первыхъ представителей польскаго утопическаго социализма, Михайлъ Ходзько, писалъ еще въ 1833 году: „Право частной собственности на землю является краеугольнымъ камнемъ рабства, гнета, униженія и бѣдности народной, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, залогомъ эгоизма и несправедливости. И до тѣхъ поръ, пока земля будетъ принадлежать лишь извѣстной группѣ привилегированныхъ лицъ, все старанія и жертвы, имѣющія цѣлью облегченіе участи трудящихся массъ, будутъ безплодны“.

Величайшій польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ утверждалъ, что „тяготѣніе къ социализму — это порывъ нашего духа къ болѣе совершенному бытію“. Въ политикѣ тотъ же гениальный другъ Пушкина придерживался не менѣе радикальныхъ убѣжденій. Такъ, напр., въ своемъ журналѣ Мицкевичъ писалъ отъ имени редакціи, что она „ожидаетъ вѣтра, противнаго всему европейскимъ монархіямъ и всему безъ исключенія существующимъ правительствамъ, и совѣтуетъ слѣдовать въ политикѣ въ этомъ именно направленіи“.

Въ скоромъ времени Конарскому приказано было выѣхать изъ Франціи. Онъ отправился сначала въ Англію, а оттуда — въ Краковъ. Выучившись часовому ремеслу, Конарскій путешествовалъ по континенту пѣшкомъ въ качествѣ странствующаго часовщика.

Самымъ свободнымъ уголкомъ въ польскихъ земляхъ былъ въ то время вольный городъ Краковъ, который и сдѣ-

лался главнымъ центромъ, гдѣ польскіе народники развивали свою дѣятельность.

Жабинскій, Конарскій и Леонъ Залескій старались соединить существующій въ Краковѣ союзъ карбонаріевъ съ Молодой Польшею. Большинство однако полагало, что принимая въ принципѣ программу этого послѣдняго сообщества, слѣдовало бы удѣлнить въ ней больше вниманія крестьянскому вопросу и организоваться примѣнительно къ существующимъ въ Польнѣ условіямъ. Такимъ образомъ, возникло „Общество польскаго народа“, сыгравшее важную роль въ исторіи польскаго демократическаго движенія. „Общество польскаго народа“ дѣлилось на земли, области, округа и общины. Каждая земля имѣла свой „земскій соборъ“, а делегаты земскихъ соборовъ составляли главный или верховный соборъ, мѣстопребываніе котораго было въ Краковѣ. Общество польскаго народа нашло дѣятельныхъ членовъ среди университетской молодежи. Студенты Эренбергъ, Венжикъ, Подлевскій и Савичевскій отправились въ цѣляхъ пропаганды въ Варшаву; Конарскій уѣхалъ въ Волынскую губернію, Гоципскій—въ Галицію. Пропаганда проникла также въ Познань и въ Силезію. Деславъ Лукашевичъ вопелъ въ сношенія съ австрійскими славянами черезъ посредство депутата чешскихъ демократовъ Кампелика. Вскорѣ Общество польскаго народа имѣло уже свои отдѣлы не только въ Варшавѣ, но также въ Ломжѣ и Кѣльцахъ. Вліяніе его на интеллигентную молодежь было громадно. Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, Игнатій Кульчицскій, въ Волынской—знакомый уже читателямъ Конарскій. Красавецъ, съ мечтательными голубыми глазами и роскошными бѣлокурыми кудрями, энтузіастъ и поэтъ, онъ привлекалъ къ себѣ сердца молодежи и воодушевлялъ ихъ своими пламенными рѣчами. Вскорѣ вліяніе польскихъ народниковъ достигло Кіева и Одессы. Особенно отличались своимъ рвеніемъ Машковскій, Боровскій, Бопре и Ловицкій. Студенты

Кіевскаго университета образовали отдѣльную организацію. Даже гимназисты участвовали въ конспиративной дѣятельности. Изъ Вольнской губерніи Конарскій переѣзжаетъ въ Минскую, а затѣмъ въ Гродненскую губернію. Въ Литвѣ онъ уже засталъ довольно сильное народническое движеніе, во главѣ котораго находились Новицкій, Еленскій, Булгакъ, Орда, Терлецкій, Трынковский и другіе. Одновременно съ ростомъ оппозиціоннаго настроенія въ обществѣ, усиливались и правительственныя репрессіи. Императоръ Николай, проѣзжая въ 1835 году черезъ Варшаву, отвѣтилъ привѣтствовавшей его депутаціи рѣчью, разсѣивавшею всякія иллюзіи насчетъ какихъ-либо переменъ къ лучшему. „Я являюсь здѣсь — сказалъ царь — уже не какъ польскій король, а какъ русскій императоръ... Вы уступаете только силѣ. Я и держусь ея. По отношенію къ вамъ можно дѣйствовать только силою. Это для васъ и на ваши же средства я приказалъ построить цитадель. Да, она предназначена для васъ. Если только будетъ нужно, я велю сжечь этотъ городъ въ двадцать четыре часа. Да, — я повторяю вамъ это — я велю его сжечь... и будьте увѣрены, что ужъ я его отстраивать не стану!“

Общество Польскаго Народа пріобрѣтало, между тѣмъ, все больше сторонниковъ не только въ Литвѣ, Украинѣ и Царствѣ Польскомъ, но и въ Галиціи. Здѣсь мы встрѣчаемъ въ числѣ его членовъ такихъ выдающихся писателей и общественныхъ дѣятелей, какъ Викентій Поль, Августъ Бѣлевскій, историкъ Карлъ Шайноха, Смолька и друг. Многіе члены Общества шли въ народъ. Леонъ Залескій, Станиславъ Малиновскій и Стефанъ Малковскій организовали кружки между карпатскими торцами.

Убіеніе пліона Парловскаго въ Краковѣ взволновало краковскихъ правителей и вызвало изгнаніе изъ предѣловъ республики около 400 эмигрантовъ. Это обстоятельство принудило народниковъ перевести центральный комитетъ своего общества въ Львовъ (Лембергъ). Самымъ большимъ автори-

тетомъ въ этомъ комитетѣ пользовался въ то время поэтъ Гоцинскій, человекъ желѣзной воли и неутомимой энергіи. Преслѣдуемый постоянно шпионами и полиціею, онъ долженъ былъ каждую ночь проводить въ другомъ мѣстѣ и, наконецъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Львова въ Карпатскія горы.

Русская полиція также дѣйствовала. Въ маѣ 1838 года въ окрестностяхъ Вильны былъ арестованъ Конарскій. Самые ужасныя пытки, которымъ его подвергали по приказу председателя слѣдственной комиссіи князя Трубецкаго, не могли вырвать у него какихъ-либо серьезныхъ показаній. Напрасно изощрялись палачи—рѣзали тѣло несчастнаго мученика и заливали расплавленнымъ сургучомъ его раны, вколачивали подъ ногти гвозди, били палками и морили голодомъ: Конарскій на все вопросы имѣлъ одинъ отвѣтъ: „Я ничего не знаю и никого не выдамъ“.

„Это желѣзный человекъ!“ говоритъ Трубецкой.

Слухи о мученіяхъ Конарскаго взволновали, наконецъ, даже русскихъ офицеровъ. Они рѣшили устроить ему побѣгъ. Этимъ дѣломъ занялся офицеръ Короваевъ. Заговоръ былъ однако обнаруженъ вслѣдствіе доноса одного изъ арестованныхъ вмѣстѣ съ Конарскимъ. Начались массовые аресты. Однѣхъ женщинъ было арестовано около ста. Обращеніе съ заключенными отличалось крайней жестокостью. Трышковскій сошелъ съ ума.

Князь Трубецкой при допросѣ каждаго вновь арестованнаго бросался на него и билъ его палкою или кулакомъ по лицу. Гимназистъ Владиславъ Дмоховскій, встрѣченный такимъ же образомъ, отвѣтилъ князю пощечиною. Въ Варшавѣ члены слѣдственной комиссіи, дѣйствовавшіе подъ руководствомъ князя Голицына, не уступали въ жестокости своимъ виленскимъ коллегамъ.

27-го февраля 1839 г. Симеонъ Конарскій былъ разстрѣлянъ. Онъ умеръ, какъ герой, встрѣтивъ смерть съ полнымъ

самообладаніемъ и замѣчательнымъ спокойствіемъ. Новицкій, Брынкъ, Родзевичъ и Короваевъ были сосланы въ каторжныя работы.

Въ Кіевѣ были приговорены къ повѣшенію: Машковскій, Бопре, Боровскій и Михальскій. На крѣпостномъ дворѣ были уже воздвигнуты четыре висѣлицы, но когда палачъ напунуль осужденнымъ петли на шею, пришла вѣсть, что смертная казнь замѣнена пожизненною ссылкой въ каторжныя работы въ Перчинскъ. Къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь было приговорено еще болѣе ста человекъ. Въ Варшавѣ 15 человекъ были также сосланы на каторгу (Эренбергъ, Венжикъ, Подлевскій, Савичевскій, Ольшевскій, Краевскій, Жміевскій, Валенкій и др.). Когда Эренберга отправляли на всю жизнь въ перчинскіе рудники, онъ утѣшалъ своихъ родныхъ и товарищей слѣдующими словами: „Куда бы ни загналъ насъ царскій приговоръ, мы всюду понесемъ съ собою сознаніе правъ человѣка и всепроникающую заразу свободы!“

И мученичество этихъ апостоловъ свободы не было безплодно: оно зажгло огонь протеста въ душѣ великаго бунтовщика Бакунина; оно убѣдило Герцена въ необходимости создать за границею очагъ русской свободной мысли; оно укрѣпило въ Щедринѣ ненависть къ самодержавію; оно возмутило до глубины души Чернышевскаго и въ сердцахъ многихъ лучшихъ русскихъ людей посеяло любовь къ свободѣ...

Все ужасы виленскихъ и варшавскихъ пытокъ блѣднѣютъ, однако, передъ тѣмъ, что пришлось вынести многострада и сильнымъ сынамъ Польши въ дикихъ, суровыхъ степяхъ Сибири. Послѣ подавленія возстанія 1831 года въ Сибирь было сослано огромное множество поляковъ. Одни изъ нихъ работали на каторгѣ; другіе служили въ сибирскихъ полкахъ солдатами; третьи, наконецъ, въ качествѣ поселенцевъ, добывали себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ. Векоръ польскіе поселенцы спискали себѣ всеобщую любовь и уваженіе сибиряковъ. Пользуясь этимъ и убѣдившись, что въ Сибири доволь-

но сильно развито стремленіе къ сепаратизму, одинъ изъ ссыль-ныхъ поляковъ, ксендзь Янъ Сѣроцинскій, задумалъ въ 1836 году составить заговоръ съ цѣлью отдѣленія Сибири отъ Россіи. Его ближайшими соучастниками въ этомъ дѣлѣ были Владиславъ Дружиловскій и докторъ Кеаверій Шокальскій. Вскорѣ заговоръ распространился на самыя отдаленныя мѣстности Сибири, гдѣ были поляки. Возстаніе должно было начаться въ Омскѣ и охватить весь край отъ Иртыша до Киргизскихъ степей. Въ Омскѣ и другихъ гарнизонахъ этого края число польскихъ солдатъ и поселенцевъ доходило до 2,400. Многіе офицеры и чиновники также принимали участіе въ заговорѣ. Когда уже назначенъ былъ точно срокъ возстанія, три заговорщика донесли обо всемъ по начальству. Комендантъ омской крѣпости успѣшилъ арестовать всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся поляковъ въ Омскѣ. Много лицъ было арестовано и въ другихъ мѣстностяхъ.

Насталъ часъ расправы. Заговорщиковъ присудили къ нѣсколькимъ тысячамъ ударовъ палками. Гиллеръ, которому очевидцы рассказывали объ этой ужаснѣйшей экзекуціи (7 марта 1837 г.), описываетъ ее слѣдующими словами:

„За городомъ (Омскомъ), на площади, очищенной отъ снѣга, выстроились длинными двумя шеренгами три баталіона. Солдатамъ, произведеннымъ въ палачи, были розданы толстыя вишневыя палки, цѣлыя кучи которыхъ лежали близъ мѣста казни. Стоялъ сильный морозъ. Изъ тюрьмы вывели на площадь закованныхъ въ кандалы поляковъ. Имъ были прочитаны приговоры. Они были обнажены съ головы до ногъ. Каждому изъ нихъ привязали обѣ руки къ ружейному стволу, и два унтеръ-офицера ввели, одного за другимъ, 12 мучениковъ въ улицу, образованную двумя рядами солдатъ, стоявшихъ по обѣ стороны съ палками въ рукахъ. Ударили въ барабаны. Подъ тактъ музыки посыпались удары на спины, груди, головы, животы и ноги несчастныхъ. Мясо отваливалось подъ палками. Ключья его летали въ воздухъ или

окровавленные тянулись по землѣ за тащимымъ впередъ подобіемъ человѣка, пока не обнажились ребра. Били человѣческіе скелеты, облитые кровью. Видны были сердца, и истерзанныя внутренности освѣтились солнцемъ. Пурпурною кровью обгадился путь мучениковъ, умиравшихъ за свободу уже не только европейскихъ, но и азіатскихъ народовъ.

Когда Яблонскій умеръ подъ палками, его трупъ привязали къ тачкѣ и везли его дальше до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ назначенныхъ ему по суду шести тысячъ ударовъ. Отъ него остался одинъ скелетъ, лишенный совсѣмъ тѣла. Ксендзъ Сѣроцинскій во время этой страшной прогулки, болѣе ужасной, чѣмъ средневѣковая пытка, пѣлъ псалмы. Торжественная мелодія пѣсней короля Давида умолкла лишь тогда, когда кровь залила горло мученика, а его тѣло было изрублено. Въ этотъ ужасный день онъ испустилъ духъ. Ангелъ смерти унесъ также Загурскаго, Врублевскаго и Мелодини. Изъ всѣхъ приговоренныхъ къ 6 тысячамъ палокъ уцѣлѣлъ, можно сказать, чудомъ одинъ лишь докторъ Ксаверій Шокальскій. Онъ сохранилъ жизнь благодаря гуманнымъ чувствамъ врача, присутствовавшего при экзекуціи. Его били дважды. Въ первый разъ онъ получилъ 5000, а во второй—1000 ударовъ. Весь израненный онъ былъ отправленъ въ Нерчинскъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ еще благодѣтелемъ и другомъ всѣхъ несчастныхъ въ каторгѣ. Въ 1844 году, когда товарищи не одобрили его плана бѣжать изъ каторги черезъ Амуръ и Великій океанъ, этотъ великой души человѣкъ отъ невыносимой тоски по родинѣ выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.“

То, что произошло въ Омскѣ, повторилось также во многихъ мѣстахъ Сибири, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Заговорщиковъ присуждали къ палочнымъ ударамъ въ количествѣ отъ 500 до 3,000, смотря по степени виновности.

Въ то же самое время польскіе народники подвергались жестокимъ гоненіямъ и въ австрійской Польшѣ, т.-е. въ Га-

лици. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Давидъ, Кульчинскій, Котковскій, въ отчаяніи лишили себя жизни. Одинъ изъ узниковъ, заключенныхъ въ Куфштейнскую крѣпость, такъ описываетъ эти событія: „Не было человѣка, который не сидѣлъ бы хотя бы года два въ такъ называемой Кармелитской тюрьмѣ во Львовѣ, въ ожиданіи жестокаго приговора за то, что осмѣлился любить родину и сочувствовать ея несчастіямъ; немного найдется такихъ, которымъ не было бы извѣстно, что наказываніе палками несчастныхъ жертвъ тираніи, замариваніе ихъ голодомъ, сбѣченіе розгами и наложеніе кандаловъ даже на несовершеннолѣтнюю молодежь были лишь преддверіемъ той могилы, которая открывалась передъ каждымъ изъ насъ“ въ Куфштейнской крѣпости. 5 декабря 1840 г. былъ вынесенъ приговоръ. Ценглевицъ былъ приговоренъ къ 20 годамъ заключенія въ Куфштейнѣ, Стадницкій и Мулковскій—къ 15-ти, Марыновскій—къ 12-ти, Кемпнскій, Кропивницкій и Герша—къ 10-ти и Горошкевичъ къ 6-ти. Въ Шпильбергъ было отправлено 150 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились такіе заслуженные впоследствии дѣятели, какъ Францъ Смолька, Земляковскій и др.

Неудачныя революціонныя попытки еще болѣе углубили ту пропасть, какая лежала между демократами и аристократическимъ лагеремъ, ожидавшимъ спасенія отъ европейской дипломатіи. Аристократія, группировавшаяся вокругъ князя Чарторыскаго, съ каждымъ годомъ утрачивала свое значеніе. Зато демократическая партія приобретала все больше сторонниковъ. Между демократами существовали однако весьма серьезныя различія: здѣсь можно было встрѣтить и либеральныхъ шляхтичей и убѣжденныхъ социалистовъ. Самою могущею демократическою организаціею было такъ называемое „Демократическое Общество“, которое поставило себѣ задачею „соединить неразрывно интересы Польши съ интересами всего человѣчества“ и желало видѣть „въ будущей Польшѣ миллионы свободныхъ, счастливыхъ, пользующихся

всѣми благами природы жителей—безъ различія происхожденія или вѣроисповѣданія“ (Программа Демократическаго Общества 1832 г.). Символь вѣры Демократическаго Общества заключался въ короткомъ девизѣ: „Все для народа и черезъ народъ“. Къ этому обществу примкнули, между прочимъ, тѣ самые ветераны возстанія, которые, перетергивъ преслѣдованія прусскихъ властей, эмигрировали въ Англію. Вскорѣ однако коммунистическіе взгляды этихъ большею частью протестныхъ солдатъ встрѣтились съ рѣзкою критикою другихъ членовъ Демократическаго Общества, вслѣдствіе чего они вышли изъ его состава и образовали въ Портсмутѣ особое сообщество подъ названіемъ: „Польскій народъ“ (въ 1835 г.). Самыми дѣятельными членами новой организациі были Дзевинскій, Кремповецкій, Ворцелль, Гронковскій, Свентославскій и др. Они являются первыми польскими социалистами. Станиславъ Ворцелль въ своей статьѣ „О собственности“ говоритъ, что собственность, какъ и все вообще, подчиняется закону развитія. Свобода и равенство, по его мнѣнію, могутъ осуществиться лишь тогда, когда эгоистическая частная собственность будетъ замѣнена собственностью общественною. Эти социалистическія теоріи членовъ Польскаго народа представляютъ особый интересъ, потому что онѣ не были созданы отдѣльными мыслителями, а являются плодомъ бесѣдъ и совѣщаній цѣлой группы людей, главнымъ образомъ, бывшихъ барскихъ крестьянъ.

Въ февралѣ 1836 года вновь возникаетъ мысль объ объединеніи всѣхъ демократическихъ элементовъ между эмигрантами. Съ этою цѣлью въ Парижѣ была образована такъ называемая „Конфедерациа“ съ чисто демократическою, республиканскою программою. По требованію русскаго посланника, французское правительство изгнало изъ Франціи всѣхъ подписавшихъ актъ объ образованіи Конфедерациі. Три главныхъ представителя послѣдней, генераль Дверницкій, Ледоховскій и Стемповскій переѣхали на жительство въ Лондонъ.

Тогда комитетъ „Молодой Польши“, члены которой стали выходить изъ этого общества и присоединяться къ Польскому народу, развязался и въ значительной своей части вошелъ въ составъ Конфедераціи, сочувствуя ей, главнымъ образомъ, потому, что она впервые открыто и публично поставила свою первую задачу добиваться надѣленія крестьянъ землею. Конфедерація, встрѣтившая много разнаго рода препятствій на своемъ пути, вскорѣ нѣсколько измѣнила свою организацію и приняла названіе „Объединеніе“ (см. стр. 7). Въ программѣ этого новаго союза значилось слѣдующее: „Освобожденіе польскаго народа можетъ быть достигнуто только путемъ революціи, имѣющей цѣлью: возстановленіе Польши въ ея границахъ до перваго раздѣла, отмѣну всѣхъ сословныхъ привилегій, установленіе общественнаго строя, основаннаго на демократическихъ принципахъ, т. е. на всевластїи народа, братствѣ, равенствѣ и свободѣ. Первымъ примѣненіемъ этихъ принциповъ должны быть: освобожденіе крестьянъ и безусловное надѣленіе ихъ землею, свобода вѣроисповѣданій и всеобщее обученіе на счетъ государства“. Подъ этою программою подписались 29 ноября 1839 г. 1,337 эмигрантовъ.

Аристократическая партія утратила всякое вліяніе не только за границу, но и въ странѣ. Надежды на помощь дипломатїи обманули. Въ 1839 году казалось, что вотъ-вотъ вспыхнетъ международный конфликтъ, который можно будетъ использовать въ интересахъ Польши. Голландскія и бельгійскія войска были уже мобилизованы, а прусскій посланникъ выѣхалъ изъ Брюсселя. Генераль Скипицкій поступилъ на службу въ бельгійскую армію. Поговаривали даже объ образованіи польскаго легіона. Все эти затѣи кончились однако ничѣмъ, такъ какъ война вовсе не была объявлена. Вместе съ тѣмъ въ аристократическомъ лагерѣ произошли значительныя перемѣны: старики уступили свои мѣста молодымъ, которые склонялись уже къ соглашенію съ демократами по двумъ главнымъ вопросамъ, а именно, что Польша можетъ собственными силами

завоевать себѣ свободу и что освобожденіе крестьянъ является дѣломъ самой настоятельной необходимости. Въ декабрѣ 1839 г. сталъ выходить журналъ подъ названіемъ: „Третье Мал“, въ которомъ Олизаръ проводилъ идею демократической монархіи, доказывая, что только король, опирающійся на крестьянскія массы, можетъ обезпечить будущность Польши. „Реформа Чарторыскихъ и Конституція 3 мая, — читаемъ мы въ названномъ журналѣ въ февралѣ 1840 года, — положили начало нововведеніямъ, имѣющимъ въ виду улучшение быта угнетенныхъ крестьянъ; естественный прогрессъ и духъ послѣдующихъ конституцій (1807 и 1815 г.) указываютъ намъ направленіе, въ которомъ должны идти дальнѣйшія реформы. Эмансипація крестьянъ является столь же важнымъ и жизненнымъ для Польши вопросомъ ея внутренней политики, какимъ въ политикѣ внѣшней считается изгнаніе москалей и нѣмцевъ“.

Подобныя уступки со стороны аристократовъ свидѣтельствовали о значительномъ распространеніи и укрѣпленіи демократическихъ идей въ польскомъ обществѣ того времени.

Самую важную роль въ этомъ движеніи сыграло неоднократно упоминаемое нами выше Демократическое Общество, которое послѣ упраздненія Молодой Польши развило особенно энергичную дѣятельность. Демократическое Общество дѣлилось на секціи, изъ которыхъ одна, по выбору членовъ общества, получала названіе Централизаціи и пользовалась правомъ общаго руководства ея дѣлами.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ центральною секціею была парижская, но въ 1834 году дѣятельность ея возбудила всеобщее недовольство и централизаціею была избрана секція, пребывавшая въ Пуатье. Члены этой секціи внесли въ общество проектъ, согласно которому личный составъ централизаціи, какъ важнѣйшаго органа Общества, долженъ быть избираемъ изъ достойнѣйшихъ его членовъ. Членамъ централизаціи, не получающимъ жалованья отъ французскаго правительства, предполагалось выдавать изъ кассы общества

суммы, необходимыя для жизни, чтобы они могли всецѣло отдаться его дѣламъ. Общество согласилось съ этою точкою зрѣнія, и первая централизація, организованная на новыхъ основаніяхъ, была избрана въ 1836 году. Она состояла сначала изъ девяти членовъ (Яиновскій, Малиновскій, Мольсдорфъ, Гельтманъ, Якубовскій, Хмѣлевскій, Зачинскій, Хрыстовскій и Цыпрысинскій), но уже въ слѣдующемъ году число ихъ было уменьшено до пяти. Въ апрѣлѣ 1836 года централизація задумала издать манифестъ, въ которомъ была бы изложена общая программа Общества. Этотъ вопросъ вызвалъ во всѣхъ секціяхъ весьма оживленные дебаты и пренія. Проектъ манифеста, составленный централизаціею, подвергся строгой критикѣ. Труднѣе всего было прийти въ какому-либо соглашенію по вопросу о крестьянской реформѣ и надѣленіи крестьянъ землею. Большинство держалось въ этомъ вопросѣ гораздо болѣе радикальныхъ взглядовъ, нежели централизація, а нѣкоторые высказались даже прямо за общее владѣніе землею. Желая примирить всѣ эти разнорѣчивыя мнѣнія, централизація поставила въ манифестѣ лишь общій принципъ, согласно которому „право владѣнія землею и всякой иной собственностью можетъ быть признано только за трудомъ“.

„Польша,—гласилъ этотъ знаменитый манифестъ,—еще разъ была поражена на смерть не просто насиліемъ пришлыхъ ордъ, но эгоизмомъ привилегированныхъ классовъ... Мы глубоко убѣждены, что общественный строй, основанный на эксплуатаціи, при которомъ одни пользуются всеми социальными благами, а другіе принуждены нести на себѣ всѣ тяготы жизни, является единственною причиною всѣхъ несчастій какъ нашей родины, такъ и всего человѣчества. Пока не перестанетъ существовать этотъ порядокъ, противорѣчащій естественной справедливости, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться внутренняя борьба между угнетаемыми и угнетателями,—между массою, обреченною на тьму, нищету и рабство, и незначительною группою тѣхъ, которые всѣ блага

соціальной жизни захватили исключительно для себя... Общество, сознающее свои обязанности, обеспечиваетъ всемъ своимъ членамъ равныя выгоды и каждому въ равной мѣрѣ содѣйствуетъ въ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей: физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ; право владѣнія землею и всякой иной собственностью оно признаетъ только за трудомъ; посредствомъ введенія публичнаго, однообразнаго и общедоступнаго обученія и неограниченной свободы слова оно развиваетъ способности своихъ членовъ; свободы совѣсти оно не стѣсняетъ гоненіями и нетерпимостью... и ведетъ по пути постояннаго прогресса и совершенствованія не отдѣльныя части народа, но всю его массу... Не одна лишь часть общества, но весь народъ долженъ быть законодателемъ, такъ какъ въ совѣсти народной заключается самая вѣрная гарантія, что законы будутъ дѣйствительнымъ выраженіемъ вѣчной, безусловной справедливости. ...Все для народа черезъ народъ *)—вотъ самый общій принципъ демократіи, обнимающій и цѣль, и форму. Все—для народа—это цѣль; все—черезъ народъ—это форма“.

Манифестъ польскаго Демократическаго Общества, переведенный на иностранныя языки, произвелъ огромное впечатлѣніе во всей Европѣ. Можно даже сказать, что онъ сдѣлался отчасти причиннымъ, а во всякомъ случаѣ вліятельнымъ факторомъ въ общественномъ демократическомъ движеніи того времени. Такое мнѣніе высказывали открыто Робертъ Оуэнъ, о'Бріенъ, Маркъсъ, Герценъ и друг. „Они видѣли, что это воззваніе не было только горячо написанною статьею, составленною нѣсколькими отдѣльными мечтателями, которымъ казалось, что Европа сбрасываетъ уже съ себя послѣдніе остатки проникнутаго эгоизмомъ умирающаго прошлаго, но являлось отблескомъ огромнаго костра,

*) Этотъ лозунгъ польскаго демократическаго общества употребляется въ наше время русскою народно-соціалистическою партіею.

который зажгли и вокруг которого согрѣвали свои сердца польскіе эмигранты, объединенные въ Демократическомъ Обществѣ“ *).

Польскій манифестъ пытался связать дѣло національнаго освобожденія съ дѣломъ всеобщей свободы и коренной соціальной реформы. Общая историческая эволюція, по мнѣнію польскихъ демократовъ, неизбежно ведетъ къ торжеству демократическихъ принциповъ. Полнота власти будетъ со временемъ принадлежать народу. И Польша должна идти тѣмъ же путемъ. Для нея демократическій принципъ представляетъ даже особое значеніе, такъ какъ, только опираясь на народныя массы, она можетъ возстановить свою независимость. Эти воззрѣнія доказываютъ, что польскіе эмигранты хорошо поняли ту роковую ошибку, которую совершили революціонеры 1831 года, не сумѣвшие отрѣшиться отъ шляхетской точки зрѣнія и сплотить весь народъ безъ различія сословій во имя національной идеи. вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ манифестомъ Демократическое Общество воздвигло себѣ памятникъ, свидѣтельствующій о высокомъ подъемѣ среди его членовъ демократическихъ чувствъ и о значительномъ распространеніи между ними ультрарадикальныхъ для того времени соціально-политическихъ убѣжденій. Вообще дѣятельность Демократическаго Общества составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи польскаго народа въ XIX вѣкѣ и даетъ право современнымъ польскимъ демократамъ съ полнымъ основаніемъ говорить о славномъ прошломъ родной демократіи и о богатомъ наслѣдіи, завѣщанномъ ею грядущимъ поколѣніямъ.

Опубликованіемъ вышеупомянутаго манифеста Демократическое Общество завоевало себѣ огромную популярность среди эмигрантовъ. Въ концѣ 1836 года оно насчитывало уже 1618 членовъ. Издательская дѣятельность его значительно

*) А. Свентоховскій въ статьѣ, посвященной годовщинѣ основанія демократическаго общества („Ludzkość“, декабрь 1906 г.).

увеличилась: въ томъ же году начали выходить журналы: „Польскій Демократъ“, посвященный текущимъ событіямъ, „Вѣстникъ Демократическаго Общества“, предназначенный для болѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ статей, и „Обозрѣніе Польской Исторіи“, поставившее себѣ задачею изслѣдованіе тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ ярче всего проявилась демократическая идея.

Централизація была не только исполнительнымъ органомъ Общества, но и уполномоченнымъ представителемъ его во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ тайны, какъ, напр., при командированіи агентовъ для пропаганды, въ сношеніяхъ съ революціонными организаціями и проч. Эта, въ нѣкоторомъ смыслѣ, диктатура въ значительной мѣрѣ способствовала развитію общества, но, съ другой стороны, возбуждала недовольство многихъ его членовъ. Къ тому же централизація, даже вопреки мнѣнію большинства, категорически отказывалась заключить союзъ съ другою эмигрантскою организаціею „Объединеніе“, о которой мы уже упоминали выше (см. стр. 124). Это общество было организовано на республиканскихъ началахъ и поэтому не могло заниматься конспиративной революціонной дѣятельностью, немислимою безъ строгой партійной дисциплины. „Объединеніе“ съ его бурными совѣщаніями, — говорили члены централизаціи, — развиваетъ элементы, свойственные анархической шляхтѣ, но ненавидимые истинной демократіи“.

Для того, чтобы разбудить въ членахъ общества интересъ къ общественно-политическимъ дѣламъ, централизація предложила имъ цѣлый рядъ вопросовъ. Секціи и отдѣльные члены разбирали сообща и порознь каждый поставленный вопросъ и представляли свои отвѣты централизаціи, которая печатала ихъ въ своихъ протоколахъ вмѣстѣ со своими примѣчаніями. Затѣмъ, послѣ надлежащей обработки, эти отвѣты печатались въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Съ 1838 по 1841 г. было такимъ образомъ продебатировано и разобрано 8 во-

просовъ. Въ общемъ, все мнѣнія сходились въ одномъ: что первымъ шагомъ вооруженнаго возстанія должны быть *отмена барщины и надѣленіе крестьянъ землею безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ.*

Въ 1840 г. централизація была перенесена изъ Пуатъе въ Версаль.

Въ томъ же году въ Пруссіи произошли важныя перемены, благодаря которымъ Познанская область очутилась въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ другими частями бывшей Рѣчи Посполитой и сдѣлалась центромъ умственного и національно-политическаго движенія для всей Польши.

Послѣ возстанія 1831 года Герцогство Познанское сдѣлалось ареною усиленной германизации и безпощадной борьбы съ малѣйшими проявленіями польской національной идеи. Поведеніе прусскаго правительства никогда однако не выходило настолько изъ рамокъ законности, какъ это было въ Галиціи и въ русской Польшѣ. Благодаря этому въ Познани была до нѣкоторой степени возможной легальная дѣятельность, имѣющая цѣлью развитіе польской культуры. На этомъ поприщѣ положили огромныя заслуги докторъ Карлъ Марциковский, основавшій „Общество вспоможенія учащимся“ и такъ называемый „Базаръ“, учрежденіе, поставившее себѣ задачею содѣйствіе отечественной торговли и промышленности.

Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма III либеральная партія приобрѣла замѣтное вліяніе на направленіе внутренней политики. Это вліяніе еще усилилось послѣ смерти Фридриха-Вильгельма (1840 г.) и вступленія на престолъ Вильгельма IV. Цензура сдѣлалась гораздо мягче и осторожнѣе, произволъ администраціи уменьшился, населеніе всѣхъ прусскихъ провинцій почувствовало облегченіе послѣ тяжелыхъ дней полицейской опеки. Польскіе народники, преслѣдуемые въ Царствѣ Польскомъ, цѣлыми массами бѣжали въ Познань и вообще въ Германію. Въ Берлинскомъ университетѣ было въ то время около 200 поляковъ. Между ними находились

ярые демократы, прославившіе потомъ свои имена въ послѣдующихъ событіяхъ. Въ 1843 году сюда прибылъ Эдуардъ Дембовскій, весьма талантливый молодой философъ и писатель, вдохновенный „апостоль свободы, преисполненный любви и готовности къ самопожертвованію“. Между студентами-поляками въ Берлинѣ существовалъ кружокъ, поддерживавшій сношенія съ такъ называемыми „бѣглецами“ и съ демократическомъ обществомъ и энергично распространявшій революціонныя изданія послѣдняго. Главнымъ центромъ народнической пропаганды сдѣлался г. Милославъ въ Герцогствѣ Познанскомъ. Въ скоромъ времени демократы насчитывали въ своихъ рядахъ очень многихъ сторонниковъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Верховное руководство всеми работами по организаціи сознательныхъ демократическихъ элементовъ въ Герцогствѣ Познанскомъ было поручено Демократическимъ Обществомъ одному изъ своихъ членовъ, Малиновскому.

Городъ Познань сдѣлался духовною столицей Польши. Здѣсь стали выходить весьма солидные журналы (напр., „Годъ“ съ 1843 г.), печатались серьезные научныя сочиненія, возникъ даже своего рода вольный университетъ, въ которомъ читали свои знаменитыя лекціи философъ Карлъ Либельтъ и историкъ Андрей Морачевскій. Демократическія изданія эмигрантовъ распространялись въ огромномъ количествѣ по всему Герцогству Познанскому.

Заговоръ, организуемый Малиновскимъ, опирался, главнымъ образомъ, на шляхту. Кромѣ него въ Познани образовался такъ называемый „Союзъ плебеевъ“, во главѣ котораго стояли книжный торговецъ Стефанскій, слесарь Лишинскій и мельникъ Эсманъ. Самымъ дѣятельнымъ копекспираторомъ былъ Эдуардъ Дембовскій. Будучи сыномъ богатыхъ родителей, онъ все свои деньги жертвовалъ въ пользу организаціи, такъ что нередко терпѣлъ самую крайнюю нужду. На ряду съ Дембовскимъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся

агитаторовъ былъ Іосифъ Валецкій, зажиточный шляхтичъ, сознательно опростившійся и поселившійся въ деревнѣ.

Число тайныхъ организацій настолько увеличилось, что уже въ 1843 году явилась потребность въ образованіи въ Познани общаго центрального комитета. Изъ Познани командировались агенты въ Галицію и въ Царство Польское, чтобы войти въ болѣе близкія сношенія съ тамошними тайными союзами и обществами. Эта задача была далеко не изъ легкихъ въ виду строгихъ репрессій, практикуемыхъ австрійскимъ и русскимъ правительствами по отношенію къ польскимъ патріотамъ и демократамъ. Въ августѣ 1843 г. русской полиціи особенно посчастливилось: ей удалось арестовать тогда очень многихъ выдающихся дѣятелей, по преимуществу адвокатовъ и чиновниковъ судебного вѣдомства. Большинство изъ нихъ (Гзовскій, Венцковскій, Давидъ Левицкій, Гроссъ, Бѣлишскій и др.) были сосланы въ каторжные работы въ Нерчинскъ.

Самымъ замѣчательнымъ дѣломъ того времени является, однако, заговоръ ксендза Петра Сцегеннаго, открытый полиціею въ южной части Царства Польскаго, въ окрестностяхъ г. Кѣльць. Сцегенный (род. въ 1800 г., умеръ въ 1890 г.) происходилъ изъ крестьянской семьи и послѣ окончанія курса въ гимназіи сдѣлался священникомъ. Подъ вліяніемъ демократическихъ сочиненій, изъ которыхъ особенно сильное впечатлѣніе произвели на него произведенія Ламениэ, онъ создалъ себѣ собственную соціальную теорію, приближающуюся къ символу вѣры портемутской организаціи „Польскій народъ“. Онъ велъ сначала лично пропаганду среди крестьянъ, а впоследствии при участіи своихъ братьевъ началъ организовать между ними заговоръ съ цѣлью вызвать крестьянское возстаніе. Идеаломъ Сцегеннаго была пародно-соціалистическая республика. Преслѣдуемый полиціею, Сцегенный долгое время скрывался около Кѣльць въ бернардинскомъ монастырѣ, не прекращая своей агитаціи, пока, наконецъ, не попалъ въ

руки государственнаго правосудія. Судъ приговорилъ Сцегеннаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но уже на эшафотѣ ему было объявлено помилованіе: онъ былъ сосланъ пожизненно въ каторжныя работы въ Нерчинскъ. Его братьевъ—Карла и Доминика—постигла та же участь. Крестьяне Суело и Стойковскій получили по 1000 палокъ и были сосланы въ Нерчинскъ вмѣстѣ съ Левицкимъ, Родкевичемъ, Вархоцкимъ и др. Многихъ крестьянъ—мужчинъ и женщинъ—подвергли наказанію розгами. Крестьяне Адамчикъ, Вжоза, Чубекъ и Бакалажъ были высланы въ Омскъ.

Центральный Комитетъ Демократическаго Общества, видя быстрый ростъ тайныхъ обществъ и заговоровъ во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, направилъ всю свою энергію на подготовленіе вооруженнаго возстанія. Лицамъ, желавшимъ изучать военныя науки, онъ назначалъ пособія и посылалъ ихъ въ Парижскую школу генеральнаго штаба и въ артиллерійское и инженерное училища въ Метцъ. По порученію централизаціи были также составлены для будущихъ польскихъ офицеровъ курсы военныхъ наукъ и военные регламенты.

Революціонеры, дѣйствовавшіе въ самой Польшѣ, настаивали, чтобы централизація назначила срокъ возстанія. По этому вопросу въ Демократическомъ Обществѣ происходили оживленные дебаты, пока не было рѣшено командировать въ Польшу для окончательнаго выясненія положенія Виктора Гельмана и Теофила Висъніовскаго (1844 г.). Послѣ возвращенія этихъ делегатовъ въ Парижъ споры и разногласія возобновились. Малиновскій полагалъ, что удобный для возстанія моментъ еще не наступилъ. Мѣрославскій, наоборотъ, высказывался за немедленное возстаніе. Наконецъ, Мѣрославскому было поручено отправиться въ Познань и составить планъ будущей революціи. Мѣрославскій посѣтилъ весною 1845 года Герцогство Познанское и послѣ переговоровъ съ Центральнымъ Комитетомъ и бѣглецами изъ русской и ав-

стрийской Польши назначили срокъ возстанія на будущій 1846 годъ...

Такимъ образомъ, послѣ пятнадцатилѣтней усиленной пропаганды демократическихъ и революціонныхъ идей, подтверждаемой цѣлымъ рядомъ самоотверженныхъ попытокъ однимъ героическимъ усиломъ порвать ненавистныя цѣпи рабства, настала часъ реализаціи той главной цѣли, къ которой все стремились,—часъ всенароднаго вооруженнаго возстанія во имя великой идеи національнаго и соціального освобожденія.

Польскій революціонный демократизмъ еще разъ съ безумною отвагою и горячею вѣрою юношескаго романтизма вступилъ въ неравную борьбу съ могущественными силами стараго міра...

ГЛАВА VI.

Революціонныя движенія 1846—1849 г.

Задуманное Демократическимъ Обществомъ возстаніе должно было организоваться, главнымъ образомъ, въ Познани и Галиціи, но, какъ и прежнія польскія возстанія, оно было направлено противъ Россіи. Революціонеры надѣялись, что вѣнское и берлинское правительства, принявъ въ соображеніе это послѣднее обстоятельство, не будутъ особенно препятствовать осуществленію ихъ плановъ. Многіе со свойственною полякамъ мечтательностью увлекались фантастическими слухами о тайномъ завѣщаніи австрійскаго императора Іосифа, который будто бы совѣтовалъ своимъ преемникамъ образовать для противовѣса растущему могуществу Россіи великую южно-славянскую имперію; что касается Пруссіи, то, по мнѣнію покойнаго императора, она должна будетъ помочь полякамъ въ ихъ борьбѣ съ Россіею, такъ какъ возстановленіе независимой Польши лежитъ будто бы въ интересахъ германскаго племени.

Къ концу 1845 года заговоръ распространялся въ Герцогствѣ Познанскомъ съ такою быстротою, что прусская полиція обратила на него самое серьезное вниманіе. Наиболее энергичные дѣятели были арестованы. Бдительность администраціи сильно обезпокоила Познанскій революціонный комитетъ и заставила его обратиться къ центральнымъ органамъ Демократическаго Общества съ категорическимъ требованіемъ точно назначить день активнаго выступленія и прислать главнокомандующаго революціонными отрядами и офицеровъ.

Вождемъ возстанія былъ избранъ Людвикъ Мѣрославскій. Онъ родился во Франціи въ 1814 году отъ матери француженки. Будучи семилѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ привезенъ въ Польшу и вскорѣ опредѣленъ въ Ломжинское училище; затѣмъ онъ обучался въ Калишскомъ кадетскомъ корпусѣ,

послѣ окончанія котораго поступилъ на военную службу въ польскую армію. Одаренный чрезвычайно богатою фантазією и пламеннымъ краснорѣчіемъ, Мѣрославскій увлекался широкими обобщеніями и любилъ строить грандіозныя планы. Вскорѣ однако онъ занялся всецѣло изслѣдованіемъ стратегической стороны послѣдняго польскаго возстанія. Въ 1837 году онъ опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ большомъ трехтомномъ сочиненіи, написанномъ на французскомъ языкѣ. Эти историко-стратегическіе труды Мѣрославскаго обратили на него вниманіе французскаго правительства, которое предложило ему занять кафедру исторіи въ Политехнической школѣ. Въ 1844 году Мѣрославскій дѣлается членомъ польскаго Демократическаго Общества въ Парижѣ, а вскорѣ и членомъ Центрального Комитета этого Общества. Онъ мечталъ „о возстановленіи цѣлости Общаго Достоянія посредствомъ возвращенія родинѣ многочисленныхъ частныхъ достояній, на которыя ее растерзали совмѣстно съ иноземными грабителями своя же шляхта и гешефтмахеры“. Осуществленіе этихъ мечтаній онъ отложилъ до установленія „органическаго періода въ исторіи будущей свободной Польши“.

Прибывъ въ Познань въ сочельникъ 1845 года, Мѣрославскій немедленно приступилъ къ организаціи возстанія и выбору его начальниковъ. Командованіе революціонными отрядами въ Царствѣ Польскомъ онъ поручилъ Брониславу Домбровскому, сыну знаменитаго творца легионовъ; возстаніемъ въ Литвѣ и Жмуди должны были руководить Рееръ и Магдзинскій; въ западной Пруссіи—Бесекерскій. Для переговоровъ съ делегатами другихъ польскихъ провинцій Мѣрославскій отправился 8 января 1846 года въ Краковъ. Здѣсь въ его присутствіи былъ учрежденъ Жюндъ Народовый (т.-е. Національное Правительство), въ составъ котораго вошли Альціато, Либельтъ, Веселовскій, Гожковскій и Гельтманъ.

Начало возстанія было назначено на 21-ое февраля. Верховное руководство взяли на себя: въ Познани—самъ Мѣро-

славскій, въ Краковѣ—Іосифъ Высоцкій, въ Галиціи — Бобинскій. Вся Польша была раздѣлена на 5 областей, области были раздѣлены на округа, а послѣдніе—на гмины.

Составленные руководителями возстанія инструкции начальникамъ гминъ предписывали собирать народъ по гминамъ и объявлять ему гражданскую свободу и равноправіе, бесплатную отѣну барщины, чинша и всякихъ повинностей; затѣмъ, онѣ признавали за крестьянами право собственности на всю землю, находящуюся въ ихъ пользованіи, а всякому безземельному крестьянину, который присоединится къ возстанію, обѣщали выдѣлить въ собственность 5 моргъ земли.

Мѣрославскій вернулся въ Познань 28 января 1846 года и очень энергично принялся за окончательную подготовку возстанія. Неожиданно 12-го февраля онъ былъ арестованъ. Узнавъ объ этомъ, Высоцкій воздержался отъ выступленія въ Краковѣ. Брониславъ Домбровскій, который 7-го февраля уѣхалъ уже въ Царство Польское, немедленно вернулся въ Познань и самъ отдался въ руки прусской полиціи.

Въ Галиціи австрійскія власти знали прекрасно о готовившемся возстаніи. Фельдмаршалъ баронъ Чоличъ донесъ вѣнскому правительству, что заговоръ принялъ огромные размѣры. Тогда Меттернихъ, не довѣряя стоявшимъ въ Галиціи венгерскимъ полкамъ, прибѣгъ къ излюбленному средству всѣхъ угнетателей народа, т.-е. къ провокаціи: онъ предписалъ мѣстнымъ администраторамъ распространить среди темнаго крестьянства слухъ, будто императоръ желаетъ отменить барщину, но шляхта поднимаетъ мятежъ, чтобы воспрепятствовать этому. Провокація возымѣла свое дѣйствіе. Народъ началъ волноваться. Одновременно съ этимъ австрійское войско заняло вольный городъ Краковъ. Начальники возстанія рѣшили отложить его до болѣе удобнаго времени, о чемъ постановлено было увѣдомить всѣхъ представителей Народоваго Жюнда. Къ 21-му февраля не удалось

однако предупредить ихъ всёхъ, такъ, напр., Теофиль Висьпювскій и Панталеонъ Потоцкій ничего объ этомъ не знали. Между тѣмъ, подстрекаемые австрійскимъ правительствомъ, галиційскіе крестьяне начали нападать на помѣщичьи экономіи и рѣзать шляхту. Въ Краковѣ отерочка-возстанія была встрѣчена протестомъ болѣе горячихъ революціонеровъ. Немедленно были организованы вооруженные отряды, которые начали на свой страхъ и рискъ борьбу съ австрійскими войсками. Повстанцы вытѣснили правительственные гарнизоны изъ Хшанова, Клешовиць и Тшебини, а 21-го февраля подступили къ Кракову, но были отброшены австрійцами. На слѣдующій день силы повстанцевъ возросли настолько, что австрійскій отрядъ рѣшилъ отступить.

Послѣ освобожденія Кракова отъ непріятелей извѣстный революціонный дѣятель Эдуардъ Дембовскій убѣдилъ Гожковского и Тыссовскаго объявить отъ имени Народоваго Жонда манифестъ къ народу о начавшемся возстаніи: „Насъ—двадцать милліоновъ,—гласилъ этотъ манифестъ,—возстанемъ же всѣ, какъ одинъ человекъ, и никакая сила въ мірѣ не одолѣетъ насъ; мы завоюемъ себѣ такую свободу, какой еще не было на свѣтѣ; мы добьемся такого соціального устройства, при которомъ всякій — сообразно своимъ заслугамъ и способностямъ—будетъ пользоваться благами жизни, и никакимъ привилегіямъ не будетъ въ немъ мѣста; при этомъ устройствѣ всякій гражданинъ найдетъ обезпеченіе для себя, своей жены и своихъ дѣтей, а обиженные отъ природы въ умственномъ или физическомъ отношеніи будутъ получать безъ всякаго умаленія своего достоинства помощь отъ всего общества; земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, перейдетъ въ ихъ полную собственность, всѣ барщины и повинности будутъ отмѣнены, а участіе въ освободительной борьбѣ во имя національной идеи будетъ вознаграждено на дѣлами изъ національнаго земельного фонда“.

Краковскій Жондъ Народовый, обнародовавъ вышеприве-

денный манифестъ, не выказалъ болѣе ни энергіи, ни особой предприимчивости. Все, что онъ сдѣлалъ, было заслугою Эдуарда Дембовскаго, который всѣми силами старался вызвать общенародную революцію. Съ этой цѣлью онъ основалъ въ Краковѣ революціонный клубъ. Подъ его вліяніемъ правительство объявило о полной отмѣнѣ барщины, обѣщало надѣлать землею безземельныхъ крестьянъ и основать національныя мастерскія для безработныхъ ремесленниковъ. Евреи были сравнены въ правахъ съ христіанами. Всѣ привилегіи шляхты и титулы были отмѣнены. (См. „Правительственный Дневникъ Краковской Республики“ за 1846 г., № 2).

Извѣстіе о краковскомъ возстаніи вызвало броженіе въ пограничныхъ уѣздахъ Царства Польскаго и среди карпатскихъ горцевъ, находившихся подъ вліяніемъ Северина Гоцинского, Леона Залескаго и другихъ народниковъ. Начальство надъ вооруженными отрядами горцевъ приняли на себя костельный органистъ Янъ Андрусикевичъ и ксендзь Леопольдъ Кметовичъ. Оба они были вскорѣ арестованы, но горцы, несмотря на это, самостоятельно напали на австрійцевъ и вели съ ними ожесточенную борьбу до 10-го марта. Сильное волненіе замѣтно было также среди польскаго населенія прусской Силезіи. Жюндъ Народовый не умѣлъ однако использовать эти народныя движенія въ цѣляхъ революціи: возстаніе темныхъ массъ крестьянства противъ шляхты, спровоцированное австрійскимъ правительствомъ и ознаменованное неимоверными жестокостями, поразило его, какъ громомъ. Этотъ крестьянскій мятежъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ галицкой рѣзни (1846 г.), принялъ особенно широкіе размѣры въ Западной Галиціи, въ окрестностяхъ Тарнова и Бохнів. Во главѣ всего движенія стоялъ крестьянинъ Іаковъ Шеди. Отъ рукъ возставшихъ пало около 2,000 человекъ. Не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Разъяренный народъ жестоко мстилъ шляхтѣ за свое вѣковое угнетеніе: крестьяне вырѣзывали цѣлыя семьи, уби-

вали помещиковъ цепами, сдирали кожу съ живыхъ людей, истребляли весь инвентарь, сельскохозяйственныя орудія и т. д. Въ числѣ жертвъ народной мести были и нѣкоторые защитники крестьянской свободы, поплатившіеся за свою дѣятельность долготѣннымъ заключеніемъ въ Куфштейнской крѣпости, какъ, напр., Слотвинскій и Хшонетовскій. Озвѣрѣвшія пьяныя толпы крестьянъ приближались къ Кракову. Желая подѣйствовать на нихъ словомъ любви и мира, благородный идеалистъ-мечтатель Эдуардъ Дембовскій вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ крестомъ въ рукахъ, окруженный священниками и сочувствующими ему гражданами. Эта мирная процессія натолкнулась на австрійскихъ солдатъ, которые перекололи манифестантовъ штыками. Однимъ изъ первыхъ погибъ самъ Дембовскій...

Это была поистинѣ искупительная жертва за грѣхи отцовъ...

Вмѣстѣ съ австрійцами подступили къ Кракову русскій и прусскій отряды. 4-го марта Краковъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, сдался...

Такимъ образомъ, адекій планъ Меттерниха увѣнчался успѣхомъ; вызванный имъ безсмысленный бунтъ темнаго крестьянства подавилъ въ корнѣ революціонныя поштыки демократической интеллигенціи, мечтавшей объ идеальномъ общественномъ строѣ въ будущей свободной Польшѣ. Между тѣмъ, даже въ самые консервативные слои землевладѣльческой шляхты въ Галиціи стала уже проникать и приобрѣтать себѣ сторонниковъ идея о безусловной необходимости надѣлать крестьянъ землею.

Въ 1844 году Альфредъ Потоцкій вполне опредѣленно требовалъ признанія за крестьянами права собственности на земли, находившіяся въ ихъ пользованіи. Этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ оживленныхъ преній въ шляхетскихъ собраніяхъ и, наконецъ 26 сентября 1846, года большинство помещиковъ согласилось послать въ этомъ смыслѣ петицію

австрійскому императору. Узнавъ о подготовлявшемся возстаніи, даже партія Чарторыскаго высказалась за отміну барщины. „Мы обязаны,—говорилъ въ ноябрѣ 1845 года князь Адамъ Чарторыскій,—примириться съ фактами и проникнуться извѣстными взглядами, принятіе которыхъ необходимо для освобожденія Польши. Прежде всего я имѣю здѣсь въ виду такъ называемое надѣленіе крестьянъ землею. Много разныхъ мнѣній было высказано у насъ по этому вопросу, и я считаю поэтому своею обязанностью не скрывать и моего взгляда на него. Послѣ всесторонняго и добросовѣтнаго размышленія объ этомъ дѣлѣ, я долженъ открыто заявить, что надѣленіе крестьянъ, т.-е. обезпеченіе за ними правъ собственности на тѣ земли, гдѣ они имѣютъ свои усадьбы и которыми они питаются въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, я считаю (не говоря уже о благотворныхъ экономическихъ результатахъ этой реформы) главнымъ и непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ рѣшительную минуту весь народъ, т.-е. миліоны народа, воодушевленные одною идеею, возстали противъ своихъ угнетателей“.

Подавивъ въ самомъ зародышѣ вооруженное возстаніе, три союзника, всегда солидарные, когда рѣчь идетъ о новомъ насиліи надъ Польшею, начали чинить свой судъ и расправу надъ польскими „мятежниками“. Въ Варшавѣ 16 марта 1846 года погибли на висѣлицахъ Коцишевскій и Жарскій, а въ Сѣдлецѣ—Потоцкій. Добрычъ, Мирецкій, Рупрехтъ, Дескуръ, Литвинскій, Гжегожевскій, Кенигъ, Рудницкій и мпожество другихъ были сосланы въ каторжныя работы и на поселеніе въ Сибирь или въ восточную Россію. Литва была объявлена на осадномъ положеніи. Янъ Рееръ былъ приговоренъ къ 1,500 палокъ и ссылкѣ въ каторгу. Подобная же участь постигла въ Вильнѣ Богуславскаго, Ренъе и Гофмейстера.

Въ Галиціи 31 іюля 1847 года были повѣшены Теофилъ Висьніовскій и Іосифъ Калусцинскій. Имѣя уже петли на

шеихъ, они оба громко воскликнули: „Да здравствуетъ Польша!“ Кеѣндзь Кметовичъ, Стрѣжъ и Бялобжескій были заключены въ Куфштейнъ, а Андрусикевичъ съ тремя карпатскими горцами—въ Шпильбергъ. Не меньшія репрессіи начались и въ Познани. Въ такъ называемомъ познанскомъ процессѣ было замѣнено огромное число лицъ. Здѣсь были люди всѣхъ сословій, и, между прочимъ, очень много крестьянъ. Заключенные, обращеніе съ которыми было все-таки гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ русскихъ и австрійскихъ тюрьмахъ, занимались самообразованіемъ. Имъ разрѣшалось читать книги и писать. Ричардъ Бервинскій занялся въ тюрьмѣ сравнительнымъ изученіемъ народныхъ преданій. Судебное разбирательство началось 4 августа 1847 года и продолжалось 4 мѣсяца въ берлинскомъ трибуналѣ. Это былъ въ Пруссіи первый случай публичнаго политическаго процесса, и поэтому онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе всей Германіи и даже всей Европы. Поведеніе подсудимыхъ снискало имъ сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ слоевъ общества, а пламенная рѣчь, произнесенная на судѣ Мѣрославскимъ, возбудила всеобщій восторгъ. Всѣ честные и благородные люди преклонились передъ самоотверженіемъ польскихъ демократовъ, для которыхъ, какъ выразился Мѣрославскій, „единственнымъ романомъ молодости, единственною цѣлью всѣхъ страданій было освобожденіе, просвѣщеніе и возведеніе народа на пьедесталь гражданства“. 2 декабря 1847 г. былъ объявленъ приговоръ. Мѣрославскій, Косинскій, Садовскій, Эльжаповскій, Лободзкій, Цейпова, Клещинскій и Куровскій были приговорены къ отсѣченію головъ топоромъ. Двадцати четыремъ подсудимыхъ назначили пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ...

Въ ноябрѣ 1846 года Россія, Австрія и Пруссія заключили между собою договоръ, по которому Краковская республика была присоединена къ Австрійской имперіи.

Мы уже указывали на то, что польское общественное мнѣніе, какъ за границею, такъ и въ Галиціи, требовало

отмѣны барщины, а краковскій Жондъ Народовый уже отмѣнилъ ее своимъ манифестомъ. Поэтому австрійское и русское правительства вынуждены были заняться крестьянскимъ вопросомъ и хотя нѣсколько облегчить положеніе крѣпостныхъ. Многого, конечно, они дать не желали и не могли, такъ какъ слишкомъ радикальныя реформы въ польскихъ областяхъ заставили бы ихъ разрѣшить кореннымъ образомъ крестьянскій вопросъ и въ ихъ исконныхъ владѣніяхъ. Усмиривъ крестьянскіе бунты, вѣнское правительство уменьшило въ Галиціи барщину на $\frac{1}{3}$ и сдѣлало крестьянъ юридически зависимыми отъ помѣщиковъ. Въ присоединенной къ Австріи Краковской республикѣ новая власть не захотѣла однако признать реформы, введенныя Жондомъ Народовымъ. Русское правительство, опасаясь крестьянскихъ волненій въ Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ, также должно было нѣсколько урегулировать отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Подъемъ революціоннаго настроенія, вызванный среди польскихъ эмигрантовъ краковскимъ возстаніемъ, отразился замѣтно на развитіи Демократическаго Общества. Большинство членовъ союза „*Объединеніе*“ и социалистическаго кружка, извѣстнаго подъ названіемъ *Польской Демократіи XIX вѣка*, рѣшило присоединиться къ Демократическому Обществу. Благодаря этому число членовъ послѣдняго увеличилось вдвое. Вместе съ тѣмъ значительно измѣнился и его характеръ. Уже Краковскій манифестъ, выразившій основныя взгляды Общества, имѣлъ до извѣстной степени социалистическую окраску. Прибывшіе изъ Польши новые члены по большей части раздѣляли воззрѣнія Дембовскаго. Изъ Польской Демократіи XIX вѣка также перешло много сторонниковъ социализма. Соціальные вопросы сдѣлались поэтому предметомъ весьма оживленныхъ споровъ между членами Демократическаго Общества, въ которомъ появились даже нѣкоторые признаки раскола.

Между тѣмъ, новыя важныя событія взволновали вновь всю эмиграцію и всецѣло поглотили ея вниманіе.

Насталь 1848 годъ... Во всѣхъ странахъ Европы началось опять революціонное броженіе. Неутомимый итальянскій заговорщикъ Мадзини удваиваетъ свою энергію. Французская демократія устами Леона Плэ громко заявляетъ свой протестъ противъ присоединенія къ Австріи вольнаго города Кракова, этого послѣдняго уголка свободной Польши. Нѣмцы и бельгійцы призываютъ демократовъ всѣхъ странъ къ дружной борьбѣ за свободу. Въ Брюсселѣ возникаетъ знаменитый союзъ международной социаль-демократіи—Интернаціональ, въ числѣ членовъ-учредителей котораго мы встрѣчаемъ окруженное всеобщимъ почетомъ имя стараго польскаго революціонера и ученаго историка Іоахима Лелевеля.

Въ это время на папскій престолъ вступилъ Пій IX, извѣстный своими прогрессивными стремленіями и либеральными взглядами. Онъ открылъ границы своего государства всѣмъ изгнанникамъ и преслѣдуемымъ итальянскимъ патріотамъ, ограничилъ вліяніе духовенства на общественную и политическую жизнь страны и призвалъ народъ къ участію въ управленіи государствомъ. Поднятая имъ мысль объ образованіи общетальянской конфедераціи возбудила огромный энтузіазмъ въ итальянскомъ народѣ. По всей Италіи раздавались возгласы: „Evviva Pio Nono!“ Это увлеченіе папою передалось и другимъ народамъ. Въ нѣкоторыхъ кругахъ западно-европейскаго общества зарождается идея общеевропейской конфедераціи свободныхъ и равныхъ націй съ папою во главѣ.

Величайшій польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ, впавшій въ своеобразный социаль-политическій мистицизмъ, горячо сочувствовалъ этимъ фантастическимъ мечтаніямъ и лично отправился въ Римъ, чтобы своимъ могучимъ словомъ побудить папу выступить немедленно въ великой роли реформатора. Хитрое духовенство сумѣло однако оградить увле-

кающагося папу отъ вліянія уповающихъ на него демократическихъ мечтателей.

Между тѣмъ, въ Парижѣ вспыхнула революція и 27 февраля 1848 года была провозглашена республика. Это была искра, воспламенившая всю Европу. Уже третьяго марта заволновались мадьяры; въ тотъ же день началось броженіе въ Кельнѣ, а четыре дня спустя въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ армія перешла 13-го марта на сторону революціоннаго народа, и Меттернихъ долженъ былъ тайкомъ бѣжать изъ столицы. 15-го и 18-го марта произошли патріотическія демонстраціи въ Краковѣ и Львовѣ. Въ Миланѣ вспыхнуло возстаніе противъ австрійцевъ, которые принуждены были отступитъ послѣ ожесточенной борьбы на улицахъ города. Наконецъ, 20-го марта народъ освободилъ въ Берлинѣ заключенныхъ поляковъ, участниковъ познанскаго возстанія, и заставилъ короля обнажить передъ ними голову и привѣтствовать ихъ возгласомъ: „Да здравствуетъ Польша!“ Векорѣ были также освобождены польскіе узники въ Куфштейнѣ. Эмигранты цѣлыми массами устремились на родину. И какъ прежде они шли стройными рядами въ далекую Францію, такъ теперь, построившись въ шеренги по-военному, возвращались пѣшкомъ черезъ всю Европу въ свою дорогую Польшу.

Въ Галиціи, по иниціативѣ публициста Яна Добжанскаго, была составлена петиція къ правительству, въ которой граждане просили о полной отмінѣ барщины. Эта петиція была проникнута строго-демократическимъ духомъ: она требовала полнаго гражданскаго и политическаго равноправія, отдѣльной областной администраціи, всеобщей политической амнистіи, представительства въ сеймѣ отъ всѣхъ сословій, отмінны цензуры, введенія городского самоуправления, суда присяжныхъ, польскаго языка въ школахъ, судахъ, администраціи и т. п. Избранная Львовскимъ комитетомъ депутація соединилась съ краковскою и вмѣстѣ съ нею вручила польскую петицію императору на аудіенціи въ Вѣнѣ 6 апрѣля 1848 г. Въ составъ

этой депутаціи входили священники, помѣщики, мѣщане, евреи и два крестьянина изъ Тарновскаго округа: Войцѣхъ Бонбюръ и Станиславъ Мелякъ.

Проектъ крестьянской реформы, предложенный въ петиціи, былъ удачно составленъ, и потому именно, трудно было надѣяться, что онъ будетъ одобренъ вѣнскимъ правительствомъ. Дѣло въ томъ, что послѣднему было бы вовсе не на руку, если бы крестьянскій вопросъ былъ разрѣшенъ польскимъ сеймомъ въ Львовѣ или Краковѣ и, наоборотъ, для него являлось весьма желательнымъ разрѣшить этотъ вопросъ въ Вѣнѣ, чтобы крестьянство считало себя облагодѣтельствованнымъ исключительно короною. Въ виду этого и образованіе въ Галиціи обывательскіе комитеты были вскорѣ закрыты. Наконецъ, 13-го апрѣля послѣдовалъ отъ министра де-Пиллерсдорфа отвѣтъ на поданную петицію. Министръ сообщил полякамъ, что „никто не имѣетъ права даровать кому-либо или уступить вещь, ему не принадлежащую“, а потому и комитеты, не снабженные полномочіями всѣхъ безъ исключенія землевладѣльцевъ, не имѣютъ права предпринимать отмену барщины и надѣленіе крестьянъ землею. Кромѣ того, стараясь по возможности затруднить добровольное надѣленіе крестьянъ, правительство разрѣшило освобождать крестьянъ отъ барщины только тѣмъ помѣщикамъ, имѣнія которыхъ свободны отъ долговъ.

Лучшіе представители польскаго общества рѣшили тогда взять все дѣло въ свои руки и попытаться провести крестьянскую реформу помимо правительства. Образованная ими въ Львовѣ Рада Народовая выпустила манифестъ къ помѣщикамъ, призывая ихъ въ день Воскресенія Христова освободить своихъ крестьянъ отъ барщины. „Пусть день Воскресенія Спасителя — гласилъ манифестъ — будетъ для насъ днемъ національнаго воскресенія и спасенія!“ Пусть этотъ великій день возвѣститъ всему польскому народу, „что вмѣстѣ съ возрожденіемъ Польши и съ него снадутъ его вѣко-

вья цѣпи“. Рада призывала также братьевъ русиновъ къ совмѣстной съ поляками дѣятельности на благо общаго отечества.

Австрійская бюрократія съ гр. Стадіономъ въ главѣ также не дремала. Въ своихъ дѣйствіяхъ она строго держалась излюбленнаго принципа всякой бюрократіи: „divide et impera“.

Назначивъ львовскимъ уніатскимъ епископомъ податливаго Яхимовича, правительство заставило его выпустить къ русинамъ воззваніе, въ которомъ, порицая революціонное движеніе, онъ подчеркивалъ національную самобытность русинскаго народа. На 26-е апрѣля администрація назначила открытіе чрезвычайнаго сейма въ Галиціи, при чемъ составъ его долженъ былъ остаться безъ всякихъ измѣненій. Общественное мнѣніе протестовало противъ такого игнорированія его требованій. Народовая Рада оказала рѣшительное противодѣйствіе правительству, а національная гвардія поддержала ее. Тогда Стадіонъ потребовалъ закрытія Рады и распущенія гвардіи, подкрѣпивъ свой приказъ силою штыковъ. Въ Станиславовѣ была пролита кровь гражданъ. Объявленный сеймъ былъ отмѣненъ. Въ Краковѣ генераль Кастиліонэ предписалъ войскамъ также разоружить національную гвардію. Населеніе возмутилось и бросилось воздвигать баррикады. Началась ожесточенная борьба на улицахъ. Съ польской стороны было убито 29 человекъ, но и Кастиліонэ не могъ удержаться въ городѣ и долженъ былъ отступить къ королевскому замку на горѣ Вавель, откуда началъ бомбардировать древнюю столицу Ягеллоновъ. 27-го апрѣля Краковъ капитулировалъ.

Это пораженіе имѣло однако ничтожное значеніе въ сравненіи съ неудачею, постигнутою польскую передовую интеллигенцію въ ея попыткѣ разрѣшить собственными силами крестьянскій вопросъ. Назначенный Народовою Радою срокъ добровольнаго освобожденія крестьянъ прошелъ, но лишь небольшая часть землевладѣльцевъ повиновалась голосу общественнаго

мнѣнія. Случилось то, что должно было случиться: привилегированный классъ добровольно не отказался отъ своихъ привилегій и уступилъ лишь передъ принудительною силою правительственнаго указа, отмѣнивашаго 15 мая 1848 года „всякаго рода барщину и всё вытекающія изъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній повинности крестьянъ за вознагражденіе, которое будетъ уплачено за счетъ правительства“.

Итакъ, несмотря на страданія цѣлаго ряда самоотверженныхъ борцовъ за свободу народа, крестьянскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ австрійской Польшѣ (т.-е. въ Галиціи) ненавистною ей вѣнской бюрократіею. Это былъ сильный нравственный ударъ, нанесенный польскому демократическому движенію...

Несмотря на это, центральная Народовая Рада продолжала свою дѣятельность, — и вліяніе ея при посредствѣ мѣстныхъ окружныхъ Радъ распространилось и въ провинціи. Чтобы противодѣйствовать этому вліянію, Стаціонъ основалъ Русинскую Раду, въ составъ которой входили, главнымъ образомъ, уніатскіе священники. Эта Рада поддерживала правительство въ его борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ и издавала ради этой цѣли субсидированную казною „Зорю Гальцькую“. Немаловажную поддержку нашло правительство также въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые образовали Союзъ землевладѣльцевъ и начали издавать подъ редакціей Мецишевскаго и Валевскаго журналъ „Польша“, проводившій столь ультрареакціонные взгляды, что львовскіе наборщики начали его бойкотировать.

Несмотря на всё эти происки и интриги правительства, демократическая партія пріобрѣтала все болѣе сторонниковъ, а ея органъ, Рада Народова, сдѣлался настоящимъ нравственнымъ правительствомъ, руководившимъ жизнью страны. Издаваемая ею „Газета Народова“ пользовалась огромнымъ успѣхомъ и имѣла сильное вліяніе на исходъ выборовъ въ Учредительное Собраніе, созванное въ Вѣну императорскимъ декретомъ отъ 16 мая 1848 года.

Борьба между прогрессивнымъ и реакціоннымъ лагерями особенно обострилась, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ началось венгерское возстаніе. Польскіе демократы открыто выражали свои симпатіи мадырамъ. Усилившаяся во всей Австріи реакція приготавливалась нанести рѣшительный ударъ революціи. Виндшигренецъ, отправляясь въ походъ противъ мятежной Венгріи, по пути взялъ штурмомъ непокорную Вѣну (31-го октября). Львовскій комендантъ Гаммерштейнъ задумалъ послѣдовать его примѣру и 3-го ноября, послѣ удачной провокаціи населенія, бомбардировалъ Львовъ. Во время бомбардировки было убито 64 человѣка, ранено 68, сгорѣли университетъ съ бібліотекою, техническая школа, гимназія и т. д. Совершивъ этотъ подвигъ, Гаммерштейнъ изгналъ изъ города эмигрантовъ, закрылъ Городской Совѣтъ, Народовую Ряду и все прочія патриотическія организаціи и приказалъ распусить національную гвардію. Во всей Галиціи воцарился, по выраженію одного современнаго публициста, „всеобщій разбой“. „De jure не была отнята ни одна изъ конституціонныхъ свободъ, но de facto все онѣ попираются нагло ногами“.

Молодежь, между тѣмъ, стремилась въ огромномъ количествѣ въ Венгрію, понимая, что эта страна сдѣлалась „форпостомъ европейской революціи“. Объ участіи поляковъ въ венгерскомъ возстаніи мы скажемъ нѣсколько словъ ниже; теперь же остановимся вкратцѣ на важнѣйшихъ событіяхъ въ самой Австріи. 22-го іюня въ Вѣнѣ открылось Учредительное Собраніе. Въ числѣ депутатовъ отъ Галиціи были, между прочимъ, Францъ Смолька, Флоріанъ Земляковскій, Адамъ Потоцкій и др. Самымъ важнымъ дѣломъ этого собранія слѣдуетъ признать отмѣну барщины во всехъ австрійскихъ земляхъ. 7-го октября императоръ, опасаясь военнаго бунта, бѣжалъ изъ Вѣны, которая лишь 31 октября была взята Виндшигренцомъ.

Въ оборонѣ столицы видное участіе принимали поляки Бемъ и Еловицкій. Бемъ, переодѣвшись рабочимъ, бѣжалъ въ Вен-

грію, гдѣ сыгралъ важную роль въ возстаніи. Еловицкій былъ разстрѣлянъ. Учредительное Собраніе, предѣдателемъ котораго послѣ бѣгства императора былъ Франць Смолька, было перенесено въ Моравію, а 7 марта 1849 года распущено.

Реакціонная часть польскаго общества въ Галиціи послала въ декабрѣ 1848 г. вѣрноподданической адресъ императору. Шляхта отрекалась отъ революціи. Тогда демократы занялись всецѣло агитаціею въ народѣ. Освобожденные изъ Шильбергской тюрьмы Лукасевичъ и Госляръ образовали тайное общество между ремесленниками и рабочими въ Львовѣ, Краковѣ и другихъ мѣстностяхъ Западной Галиціи. Существованіе этого общества было обнаружено администраціею въ 1851 г. Госляръ былъ арестованъ и въ 1852 г. повѣшенъ въ Вѣнѣ. Лукасевичъ умеръ въ крѣпости. Многіе польскіе демократы, какъ было сказано выше, приняли также горячее участіе въ національномъ возстаніи мадьяръ. Они образовали нѣсколько польскихъ легионовъ, изъ которыхъ особенно отличился легионъ Іосифа Высоцкаго, участвовавшій съ декабря 1848 года въ осадѣ Арада. Полякъ Бемъ былъ назначенъ командующимъ въ южной части Венгріи. Въ январѣ 1849 г. даже начальство надъ всею венгерскою арміею было вручено польскому генералу Генриху Дембицкому. Подъ его командою венгерскія войска маневрировали два мѣсяца, пока не были отброшены за рѣку Тиссу. Венгровъ выручила однако знаменитая диверсія Бема въ Трансильваніи, сдѣлавшая его въ Венгріи легендарнымъ героемъ. Прославился также своимъ мужествомъ польскій легионъ князя Мечислава Воронецкаго. Венгерская революція собиралась праздновать побѣду. Сеймъ, увлеченный Кошутомъ, провозгласилъ уже Венгерскую республику, но тутъ выступила на сцену Россія: по приказу Николая I Паскевичъ съ 80,000-ою арміею перешелъ Карпаты и принудилъ венгровъ подъ Вилагошомъ къ капитуляціи (13 августа 1849 года). Абсолютизмъ восторжествовалъ...

1848-ой годъ былъ не менѣе чреватъ послѣдствіями и для

Пруссіи, а слѣдовательно, и для познанскихъ поляковъ. Вещь нувшая въ Берлинѣ революція вызвала сильное броженіе въ Герцогствѣ Познанскомъ. 20 марта 1848 г. въ Познани былъ образованъ Національный Комитетъ, въ составъ котораго вошли Кротовскій, Морачевскій, Либельтъ, Стефанскій, Эссманъ и друг. Кадры національной арміи, организованные еще въ 1846 году, были немедленно мобилизованы. Главнокомандующимъ былъ избранъ генералъ Крушевскій, а его помощникомъ—освобожденный изъ тюрьмы Мѣрославскій. Подготовляя возстаніе, поляки имѣли въ виду, главнымъ образомъ, войну съ Россіею. Эта война казалась въ то время неизбежною, такъ какъ нѣмецкая демократія видѣла въ царскомъ самодержавіи сильнѣйшій оплотъ всемірнаго абсолютизма и одною изъ своихъ задачъ считала рѣшительную борьбу съ этимъ исконнымъ врагомъ свободы. Но уже въ апрѣлѣ въ Герцогство Познанское было послано 30,000 войска, которое начало преслѣдовать польскіе отряды. Желая умиротворить безпокойную провинцію, берлинское правительство командировало въ Познань генерала Виллисена для переговоровъ съ польскимъ Національнымъ Комитетомъ, которому было предложено распустить повстанскіе отряды съ оставленіемъ лишь четырехъ полковъ для образованія въ будущемъ польской дивизіи. 12-го апрѣля между Виллисеномъ и поляками была заключена въ Ярославцѣ конвенція, согласно которой вся польская армія должна была состоять изъ 4 баталіоновъ пѣхоты и 4 эскадроновъ кавалеріи. Прусскіе генералы были возмущены такою уступчивостью правительства и вовсе не думали о соблюденіи ярославецкой конвенціи. Уже 19-го апрѣля въ Гостынѣ между нѣмцами и поляками произошло кровавое столкновеніе, а въ Козьминѣ и Одоляновѣ прусское войско стрѣляло въ народъ. Эти факты вызвали страшное негодованіе среди поляковъ, и они рѣшили на военномъ совѣтѣ въ Милославѣ начать вооруженное возстаніе. Послѣ ярославецкаго соглашенія въ распоряженіи поляковъ оставались едва 720 солдатъ. Само

собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ возможна была лишь партизанская борьба, но Мѣрославскій высказался рѣшительно противъ нея. На слѣдующій день послѣ милославскаго совѣщанія пруссаки разбили повстанцевъ подъ Кеѣнжемъ и произвели жестокою расправу надъ безоружными жителями этого городка. 30-го апрѣля подъ Милославомъ полякамъ удалось однако одержать побѣду въ стычкѣ съ генераломъ Блюменомъ. Самое большое сраженіе произошло 2-го мая около Вжесни. Наконецъ, 9 мая горсть польскихъ революціонеровъ принуждена была сложить оружіе. Въ Познанскомъ возстаніи принимали участіе, главнымъ образомъ, крестьяне. Оно было настоящимъ боевымъ крещеніемъ народной Польши...

22-го мая въ Берлинѣ открылось законодательное собраніе, которое должно было составить конституцію. Въ немъ застѣдали также польскіе делегаты изъ Познани и Западной Пруссіи. 23-го октября упомянутымъ собраніемъ была вынесена резолюція, согласно которой „населеніе Великаго Герцогства Познанскаго получало гарантію неприкосновенности всѣхъ правъ, признанныхъ за нимъ при соединеніи названнаго Герцогства съ Пруссіею“.

Съ этого времени въ Познани началась такъ называемая легальная дѣятельность, органомъ которой была *Польская Лига*. Эта организація служила средоточіемъ всѣхъ польскихъ силъ въ Пруссіи и будила польское національное самосознаніе даже въ Восточной Пруссіи и Силезіи *).

*) *Восточная Пруссія* (гл. гор. Кенигсбергъ) имѣетъ смѣшанное пѣмецко-литовско-польское населеніе. Поляки составляютъ около 16%, они принадлежатъ къ Мазурской вѣтви польскаго народа и исповѣдуютъ лютеранскую религію. Въ *Силезіи*, бывшей некогда польскимъ удѣльнымъ княжествомъ и оиѣмченной еще въ XIII вѣкѣ, польскій элементъ сохранился лишь въ южной части (гор. Катовиць, Бейтентъ) исключительно въ низшихъ слояхъ населенія. Въ наше время въ Силезіи возрождающаяся польщизна дѣлаетъ поразительно быстрые успѣхи: на выборахъ въ 1907 году Верхняя Силезія дала уже 4 депутатовъ поляковъ. Здѣсь выходитъ цѣлый рядъ польскихъ

Понимая однако хорошо огромное значеніе, какое имѣеть для польскаго національнаго дѣла каждая побѣда духа свободы и равенства въ Европѣ, польскіе патріоты всюду, гдѣ только народъ возставалъ противъ своихъ угнетателей, вступали въ ряды революціонеровъ. Мы уже говорили объ участіи поляковъ въ венгерскомъ возстаніи. Столь же дѣятельное участіе они принимали и во всѣхъ европейскихъ революціяхъ того времени. Какъ только въ 1848 году вспыхнула вооруженная борьба съ австрійскими войсками въ Ломбардіи, великій польскій поэтъ Мицкевичъ, въ благородномъ стремленіи осуществить на дѣлѣ свои мечтанія, собираетъ вокругъ себя небольшую группу молодежи и идетъ съ нею въ Миланъ, чтобы образовать тамъ польскій легіонъ, который долженъ былъ послужить зародышемъ будущихъ общеславянскихъ легіоновъ. Этотъ планъ находился въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что австрійская армія въ Италіи состояла по преимуществу изъ славянъ: хорватовъ, далматинцевъ, чеховъ и словаковъ. Польскихъ легіонистовъ встрѣчали вездѣ съ энтузіазмомъ. Мицкевичъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ производилъ сильное впечатлѣніе на итальянцевъ. Когда его легіонъ прибылъ 1-го мая въ Миланъ, весь городъ вышелъ ему навстрѣчу. Президентъ временнаго правительства Кузати развернулъ передъ народомъ польское національное знамя и привѣтствовалъ горячо возрождающуюся Польшу. Командованіе легіономъ принялъ на себя Николаѣ Каменскій, отличившійся во время отступленія генерала Дурандо. Когда сардинскій король Карлъ-Альбертъ, помогавшій ломбардскимъ повстанцамъ, возобновилъ 20 марта 1849 года войну съ Австріею, главнокомандующимъ его арміею былъ назначенъ полякъ Войцѣхъ Хжановскій. Онъ былъ разбитъ австрійскимъ генераломъ Радецкимъ подъ Наварою: главнымъ виновникомъ этого пораженія былъ генераль

газетъ для народа. Польское населеніе въ Верхней Силезіи превышаетъ 1 милл. чел. и составляетъ около 60% общаго количества жителей.

Раморино, разстрѣлянный за это въ Туринѣ. Въ апрѣлѣ польскій отрядъ въ количествѣ 250 чел. присоединился къ арміи знаменитаго Джузеппе Гарибальди, зашицавшаго Римъ отъ французовъ.

Мѣрославскій, вторично освобожденный благодаря заступничеству Франціи изъ берлинской тюрьмы, спѣшитъ въ Палермо и становится во главѣ сицилійцевъ, возставшихъ противъ неаполитанскаго короля. Побѣжденный 6 апрѣля 1849 года подъ Катаніей, онъ отправился въ Баденъ, гдѣ былъ назначенъ временнымъ правительствомъ главнокомандующимъ баденскою арміею. Гельтманъ, Кшижановскій и Полэмбювскій принимали участіе въ оборонѣ Дрездена отъ прусскихъ войскъ.

Во всей Европѣ слово „полякъ“ стало синонимомъ революціонера, ибо „какъ только гдѣ-либо разгоралась борьба за свободу, какъ только народы во имя идеаловъ правды и справедливости объявляли войну существующему строю,—на глазахъ современниковъ поднималась надгробная плита, и изъ забытой могилы показывался страдальческій ликъ Польши... Этотъ трупъ всегда воскресалъ въ такія минуты и, коль скоро начиналась борьба за свободу, громкимъ голосомъ провозглашалъ: „Я здѣсь!“ . . . . .

Февральская революція, пробудившая столько надеждъ во всей Европѣ, вездѣ была подавлена реакціей, дѣйствовавшею солидарно и весьма искусно использовавшею національный эгоизмъ и племенную рознь народовъ. Польскіе демократы сваливали всю вину на Францію, не выполнившую до конца своей миссіи великой освободительницы народовъ. Если бы французское правительство, говорили поляки, подумало серьезно объ осуществленіи того, что постановило единогласно національное собраніе 24 марта 1848 года, оно бы избѣжало и внутренней междоусобицы, и долготѣтяго господства реакціи. Въ этотъ памятный день были приняты

три рѣшенія: 1) братскій союзъ съ Германією, 2) освобожденіе Италіи и 3) возстановленіе свободной и независимой Польши.

Поляки всячески старались содѣйствовать развитію чувства солидарности между демократіями всѣхъ странъ Европы. Съ этою цѣлью польскіе эмигранты стали издавать въ Парижѣ журналъ „La tribune des peuples“. Главнымъ редакторомъ этого журнала былъ Мицкевичъ.

„Исторія революціи и имперіи—писалъ онъ—научила европейскихъ деспотовъ, какъ опасно раздражать революціонный духъ націи открытыми репрессіями. Послѣ іюльской революціи они перемѣнили свою тактику. Ихъ планъ состоитъ въ томъ, чтобы изолировать Францію и ждать, пока ея силы не истощатся во внутреннихъ раздорахъ. Тѣмъ временемъ ихъ арміи распоряжаются Европою отъ Нѣмана до Альпъ и Рейна, всюду выгравляя духъ свободы и независимости и насильно завладѣвая матеріальными благами“.

Международной солидарности громко требовалъ также манифестъ Славянскаго конгресса, обращенный ко всѣмъ народамъ Европы. Этотъ конгрессъ собрался въ іюнѣ 1848 года въ чешской столицѣ Прагѣ. Въ немъ принимали участіе знаменитый русскій революціонеръ Бакунинъ и польскій философъ Либельтъ. Славянскій манифестъ доказывалъ необходимость общеевропейскаго конгресса, „прежде чѣмъ реакціонная политика правительства вызоветъ всеобщую борьбу народовъ, раздѣдаемыхъ завистью и ненавистью“. Въ глазахъ всѣхъ главною опорой реакціи являлась Россія. „Всюду—народъ,—писалъ краковскій „Политическій Дневникъ“ въ іюлѣ 1848 г.,—въ Россіи—престоль; всюду—свобода, въ Россіи—рабство; всюду—равенство, въ Россіи—крѣпостное право; всюду—воля народа, въ Россіи—указы; всюду—день и свѣтъ, въ Россіи—ночь и мракъ; всюду—радостные клики, въ Россіи—стонъ и страданіе...“

И дѣйствительно, въ этотъ періодъ свѣтлыхъ надеждъ,

озарившихъ народы Западной Европы, Россія изнывала подъ гнетомъ самой безпросвѣтной реакціи. Съ особенною силою она обрушилась на Польшу. Послѣ подавленія возстанія въ Герцогствѣ Познанскомъ репрессіи въ Царствѣ Польскомъ еще усилились. Тюрмы переполнились патріотами. Въ Модлинѣ были прогнаны сквозъ строй Карасинскій, Покашевскій, Коженіовскій и Акордъ; въ Варшавѣ—Маршандъ, Калиновскій, Базыльскій и Фіалковскій. По всей Польшѣ стали возникать тайныя сообщества и заговоры, изъ которыхъ нѣкоторые были обнаружены въ 1850 г. Слѣдствіе тянулось цѣлыхъ 4 года. Множество лицъ было сослано въ Сибирь. Въ Вильнѣ и Минскѣ жандармы сбѣкли учениковъ розгами на площадяхъ. Публицистовъ, будившихъ умственную жизнь въ Литвѣ и доказывавшихъ необходимость крестьянской реформы, высылали въ центральную Россію. Такая участь постигла Ромуальда Подберескаго, Эдуарда Желиговскаго и Софію Климанскую.

Реакція восторжествовала, наконецъ, и на Западѣ. Парижъ пересталъ быть очагомъ свободной мысли. Въ 1849 году центральный комитетъ Польскаго Демократическаго Общества былъ изгнанъ изъ предѣловъ Франціи и переселился въ Лондонъ. Между эмигрантами, какъ и въ самой Польшѣ, воцарилось всеобщее уныніе. Національное возстаніе начинало казаться чѣмъ-то несбыточнымъ.

Г Л А В А VII.

Возстаніе 1863 года.

Во время Крымской войны польскіе эмигранты дѣлали все возможное, чтобы опять поставить на очереди польскій вопросъ. Турецкое правительство разрѣшило уже въ ноябрѣ 1854 г. поляку Михаилу Чайковскому, принявшему магометанство и извѣстному подъ именемъ Садыкъ-паши, организовать отрядъ султанскихъ казаковъ, а въ 1855 году Англія вошла въ соглашеніе съ гр. Владиславомъ Замойскимъ относительно сформированія 15-тысячной польской дивизіи; но остальные европейскія державы не желали поднимать польскій вопросъ, опасаясь, что Австрія и Пруссія перейдутъ тогда на сторону Россіи.

Мицкевичъ, несмотря на свои 55 лѣтъ, прибылъ также въ Константинополь организовать совмѣстно съ Армандомъ Леви еврейско-польскій легіонъ. За эту работу его застигла смерть 26 ноября 1855 года. Прахъ геніальнаго поэта и великаго патріота былъ перевезенъ сначала въ Парижъ, а въ 1890 году въ Краковъ, гдѣ онъ покоится и теперь въ подземельяхъ польскаго національнаго пантеона *) вмѣстѣ съ Косцюшко и княземъ Юсифомъ Понятовскимъ. Въ 1855 г.,

---

*) Т.-е. стариннаго кафедральнаго собора на горѣ Вавель.

сраженный военными неудачами, умеръ царь Николай. Смерть его оживила надежды поляковъ на измѣненіе режима въ Царствѣ Польскомъ. На русскій престолъ вступилъ Александръ II, одушевленный либеральными стремленіями и увѣрившій защитника польскихъ интересовъ Наполеона III въ томъ, что русскимъ правительствомъ будутъ удовлетворены національныя требованія поляковъ. Вскорѣ однако сдѣлалось яснымъ, что николаевская система будетъ сохранена въ Польшѣ и при Александрѣ II. Всякія сомнѣнія на этотъ счетъ были разсѣяны словами самого императора, сказанными имъ въ 1856 г. въ Варшавѣ во время приѣма польской депутаціи: „Point de rêveries, messieurs“ **).

И дѣйствительно, правительственная политика по отношенію къ полякамъ осталась прежнею, несмотря на отдѣльныя льготы и незначительныя уступки. Кое-кому изъ эмигрантовъ и сосланныхъ въ Сибирь было позволено вернуться. Въ Варшавѣ была открыта медико-хирургическая академія. Цензура сняла запретъ съ нѣкоторыхъ сочиненій Мицкевича. Великою милостью считалось разрѣшеніе на образованіе въ Царствѣ Польскомъ земледѣльческаго общества. Это общество сыграло, впрочемъ, весьма важную роль въ польской общественной жизни той эпохи. Его засѣданія, на которыхъ обсуждались вопросы, связанные съ предстоящей крестьянской реформой, привлекали къ себѣ вниманіе всей Польши.

По мѣрѣ того, какъ вѣра въ либерализмъ царя стала ослабѣвать, наполеоновская политика пріобрѣтала все больше и больше приверженцевъ. Особенно сильно привлекали поляковъ два принципа, на которые ссылался Наполеонъ III: національность и выраженная посредствомъ референдума воля народа. Огромное впечатлѣніе произвела на Польшу итальянская война 1859 года. Франція оказала помощь итальянцамъ, и Ломбардія освободилась отъ австрійскаго ига. Польскіе

**) „Никакихъ мечтаній, господа!“

патріоты начинали уже надѣяться, что французскій императоръ пойдетъ по стопамъ своего великаго дяди и захочетъ взять на себя благородную роль освободителя Польши.

Пораженіе, понесенное Австріею въ Ломбардіи, отразилось на внутренней ея политикѣ значительнымъ ослабленіемъ репрессій. Главный представитель реакціоннаго курса Бахъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Агенору Голуховскому. 26 февраля 1861 года была объявлена новая конституція, которая начала либеральную эру въ исторіи Австріи. Сдѣлалась возможной болѣе или менѣе легальная борьба за лучшее будущее, и политическая жизнь значительно оживилась, между прочимъ, и въ Галиціи. Только въ русской Польшѣ нельзя было ожидать какихъ-либо переменъ къ лучшему. Съ каждымъ днемъ росло недовольство существующимъ режимомъ, и всеобщій подъемъ патріотическаго настроенія искалъ себѣ исхода въ цѣломъ рядѣ грандіозныхъ манифестацій. 11 іюня 1860 года на похоронахъ Екатерины Совинской, вдовы погибшаго въ 1831 году предводителя повстанцевъ, была демонстративно почтена память героевъ, павшихъ при защитѣ Варшавы на окопахъ Воли. Въ годовщину возстанія (29 ноября 1860 г.) въ одномъ изъ костеловъ толпа начала пѣть религіозно-патріотическій гимнъ: „Boze eos Polske...“ Возбужденіе охватывало все болѣе широкія массы. „Какое-то экстатическое желаніе мученическихъ подвиговъ и жертвъ—говорить польскій писатель Плохоцкій—овладѣвало обществомъ“.

Демократическая интеллигенція была также недовольна тою медлительностью, какую проявляло правительство въ проведеніи крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Молодежь, воспитанная на демократической литературѣ эмигрантовъ, рѣшила громко заявить о своемъ недовольствѣ. Пользуясь тѣмъ, что въ концѣ февраля 1861 года должно было состояться общее собраніе членовъ Земледѣльческаго Общества, демократы вызвали въ Варшаву польскихъ студентовъ, об-

учавшихся въ русскихъ университетахъ, для устройства грандіозной манифестаціи въ годовщину Гроховской битвы. Полиція не допустила этого и своимъ безтактнымъ поведеніемъ вызвала сильное негодованіе среди варшавянъ. 27-го февраля была все-таки устроена мирная демонстрація, во время которой войска дали залпъ по безоружной толгѣ, пѣвшей религиозныя гимны. Пять человѣкъ было убито. Варшава заволновалась. Къ намѣстнику кн. Горчакову была отправлена депутація, потребовавшая удовлетворенія за совершенное насиліе. Горчаковъ принялъ представленный ему всеподданѣйшій адресъ къ царю и разрѣшилъ торжественно похоронить жертвы дикой расправы 27-го февраля. За гробами пяти убитыхъ шла стотысячная толпа, сохраняя образцовый порядокъ при полномъ отсутствіи полиціи.

Петербургское правительство, встревоженное этими событіями, рѣшило сдѣлать полякамъ нѣкоторыя уступки. По совѣту Горчакова оно обратилось къ извѣстному стороннику тѣснаго союза съ Россіей маркизу Велепольскому, предложивъ ему постъ директора возстановленной комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, 26 марта 1861 года былъ изданъ указъ объ учрежденіи для Польши государственнаго совѣта изъ видныхъ представителей польскаго общества для разсмотрѣнія нуждъ страны, просьбъ и жалобъ ея населенія. Кромѣ этого центрального учрежденія, были введены органы мѣстнаго самоуправленія: губернскіе, уѣздные и городскіе совѣты. Велепольскій принялъ предложеніе и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей. Александръ Велепольскій (род. въ 1803 г.) получилъ образованіе въ Германіи, гдѣ удостоился ученой степени доктора философіи. Вернувшись на родину, онъ затѣялъ крупный судебный процессъ съ цѣлью расширенія границъ своего родового имѣнія. Этимъ процессомъ онъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе, которое увидѣло въ этомъ стремленіи къ увеличенію унаслѣдованныхъ майоратныхъ вла-

дѣній желаніе обогатить аристократическую семью Велѣпольскихъ за счетъ менѣе зажиточной шляхты. Подъ впечатлѣніемъ галиційской рѣзни 1846 г. Велѣпольскій написалъ брошюру подъ названіемъ: „Письмо польскаго дворянина къ князю Меттерниху“, въ которой изложилъ свою политическую программу. Онъ доказывалъ, что поляки должны возложить свои надежды всецѣло на Россію. Только въ тѣсномъ единеніи съ родственнымъ имъ русскимъ народомъ они-де могутъ отстаить свою національную самобытность. Нѣсколько лѣтъ спустя, Велѣпольскій опять возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе, помѣстивъ богатые коллекціи, завѣщанныя библюфиломъ и археологомъ Свидзинскимъ во всеобщее пользованіе, не въ Варшавѣ или другомъ болѣе или менѣе крупномъ центрѣ умственной жизни, а въ своемъ имѣніи. Непопулярность Велѣпольскаго еще увеличивалась вслѣдствіе несимпатичныхъ чертъ его характера: крайняго честолюбія, самомнѣнія, высокомерія и рѣзкости въ обращеніи. Стремясь къ полной автономіи Царства Польскаго въ рамкахъ указа 26-го марта, Велѣпольскій не нашелъ для себя и своей политики опоры въ обществѣ: его оппортунизмъ и тяготѣніе къ Россіи отталкивали отъ него какъ радикальный демократическій лагерь, такъ и аристократическій, возлагавшій свои надежды на европейскую дипломатію. Распущеніемъ Земледѣльческаго общества, во главѣ котораго стоялъ заслуженный общественный дѣятель графъ Андрей Замоискій, Велѣпольскій создалъ себѣ враговъ даже среди самыхъ умѣренныхъ элементовъ. Въ Варшавѣ была устроена демонстрація, враждебная маркизу. Войска опять стрѣляли по толпѣ, при чемъ болѣе ста человекъ было убито, а нѣсколько сотъ ранено. Съ тѣхъ поръ ко всѣмъ реформамъ Велѣпольскаго, осуществившаго, между прочимъ, полное равноправіе евреевъ и организовавшаго на новыхъ прогрессивныхъ началахъ школьное дѣло, общество относилось съ крайнимъ недовѣріемъ. 4-го мая Велѣпольскій обнародовалъ проектъ крестьянской реформы, согласно кото-

рому барщина замѣнялась постепенно вводимымъ чиншемъ. И этотъ шагъ не встрѣтилъ особеннаго сочувствія, такъ какъ Земледѣльческое общество еще раньше высказалось за надѣленіе крестьянъ землею съ выкупомъ и разработало соотвѣствующій проектъ.

Въ Литвѣ событія, ареною которыхъ было Царство Польское, возбуждали огромный интересъ и вызвали также патріотическія манифестаціи во многихъ городахъ. Особенно торжественно была отпразднована годовщина Люблинской уніи между Литвою и Польшею. Не будучи въ силахъ воспрепятствовать этимъ манифестаціямъ обыкновенными полицейскими средствами, правительство объявило въ г. Вильнѣ осадное положеніе. Послѣдствія этой мѣры не заставили себя ждать: уже на слѣдующій день послѣ введенія осаднаго положенія (18 августа 1861 г.) улицы литовской столицы обогрились кровью народа.

Между тѣмъ, въ Варшаву прибылъ только что назначенный намѣстникомъ Царства Польскаго графъ Карлъ Ламберъ. Онъ пытался завоевать себѣ симпатіи польскаго интеллигентнаго общества и при его содѣйствіи успокоить взволнованное населеніе. Важнѣйшею своею задачею онъ считалъ проведеніе угодныхъ правительству лицъ на выборахъ въ уѣздные и губернскіе совѣты, чтобы найти въ нихъ опору для своихъ дѣйствій въ будущемъ. Быть можетъ, что онъ могъ бы достигнуть даже нѣкотораго успѣха, если бы ему не помѣшалъ въ этомъ варшавскій генераль-губернаторъ Герстенцвейгъ, который видѣлъ въ мягкой и либеральной тактикѣ намѣстника непростительную слабость. Грандіозныя манифестаціи, устроенныя въ октябрѣ въ годовщину первой литовско-польской уніи въ Городлѣ и на похоронахъ епископа Фіалковскаго, вывели изъ терпѣнія русскую бюрократію. Ламберъ былъ вынужденъ объявить Варшаву на осадномъ положеніи, опасаясь, что въ предстоящую годовщину смерти Косцюшки патріотическія манифестаціи примутъ еще большіе размѣры. Несмотря

на это, 15-го октября, въ день кончины національнаго героя, во всѣхъ варшавскихъ костелахъ раздавалось пѣніе религіозно-патріотическихъ гимновъ. Тогда по приказу Герстенцвейга войско окружило кафедральный соборъ и бернардинскій костелъ, продержало ихъ въ осадѣ въ теченіе 18 часовъ, а затѣмъ ворвалось во внутрь храмовъ, устроило погромъ паходившейся тамъ толпы и около 3000 человекъ отвело въ цитадель. На слѣдующій день послѣ этого случая управляющій варшавскою архидіацезіею ксеендзъ Бялобжескій велѣлъ запечатать оскверненные храмы и закрыть всѣ костелы.

Ламберъ, возмущенный поступкомъ Герстенцвейга, назвалъ его подлецомъ. Оскорбленный вызвалъ намѣстника на дуэль. Жребій палъ на Герстенцвейга, который долженъ былъ лишиться себя жизни. Ламберъ подалъ въ отставку и уѣхалъ. Намѣстникомъ былъ назначенъ извѣстный своею строгостію генералъ Людерсъ. Броженіе, начавшееся въ Варшавѣ, убѣдило всѣхъ сторонниковъ вооруженнаго возстанія въ необходимости планомерной организаціи. Уже раньше образовавшійся городской Варшавскій Комитетъ сдѣлался какъ бы центральнымъ органомъ всѣхъ возникающихъ тайныхъ кружковъ. Планъ организаціи былъ очень простъ: каждый десятникъ имѣлъ подъ своимъ руководствомъ десять человекъ, знающихъ только его одного. Десять десятниковъ избирали одного сотника, который одинъ только входилъ въ сношенія со старшими членами союза. Рядомъ съ этою революціонною организаціею возникла такъ называемая *дирекція бѣлыхъ*, выбранная землевладельческою шляхтою и зажиточными мѣщанами для противодѣйствія революціонному движенію. Въ то же время въ Вильнѣ образовался революціонный комитетъ, во главѣ котораго стоялъ капитанъ генеральнаго штаба Людовикъ Звездовскій. Его участіе въ вилненскомъ комитетѣ, а равно и прибытіе въ Варшаву Ярослава Домбровскаго, окончившаго курсъ въ С.-Петербургской военной академіи, въ значительной мѣрѣ помогли заговорщикамъ завязать сношенія съ офицерами рус-

ской арміи. Янъ Аригольдтъ и Петръ Сливацкій организовали особый военный комитетъ, въ составъ котораго входили также русскіе офицеры Потебня, Ивановъ, Балаковъ, Орловъ и др. Заговоръ распространялся въ русской арміи съ такою быстротою, что казалось вполне возможнымъ начать возстаніе въ половинѣ 1862 года. Офицеры обѣщали отдать въ руки повстанцевъ варшавскую цитадель и крѣпость Модлинъ (Ново-георгіевскъ). Потомъ однако рѣшено было отерочить возстаніе еще на годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, напавъ на слѣды военной организаціи, принялось энергично за раскрытіе заговора. Аригольдтъ, Сливацкій и Ростковскій были разстрѣляны. Множество офицеровъ и унтеръ-офицеровъ было сослано въ каторгу или заключено въ тюрьму. Тогда одинъ изъ заговорщиковъ совершилъ покушеніе на генерала Людерса и ранилъ его въ челюсть.

Между тѣмъ Велѣпольскій отправился въ Петербургъ и убѣдилъ царя, что военный терроръ не достигаетъ своей цѣли, и что для успокоенія Польши необходимо измѣнить въ ней всю систему управленія, отдѣлить гражданскую власть отъ военной и удовлетворить національно-культурныя требованія поляковъ. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданского управленія—Велѣпольскій.

„Эта реформа,—пишетъ Пляхоцкій,—при условіи ея проведенія въ жизнь за полгода раньше, по всей вѣроятности, могла бы еще предотвратить возстаніе. Однако петербургское правительство спохватилось слишкомъ поздно, да и личность Велѣпольскаго, занявшаго такой высокій постъ въ краѣ, гдѣ онъ не пользовался ни симпатіею, ни вліяніемъ, могла скорѣе дѣйствовать провоцирующимъ, нежели успокоительнымъ образомъ“.

Великій князь Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Варшаву 2 іюля 1862 года. Несмотря на покушеніе, совершенное на него на слѣдующій день послѣ его пріѣзда, и двухъ

покушеній на Велёпольскаго, новый курсъ приобрѣталъ все больше сторонниковъ и положеніе новаго правительства какъ будто упрочилось. Мстительность и высокоуміе Велёпольскаго испортили все. Общественное мнѣніе надѣялось, что виновники покушеній Ярошинскій, Рыль и Жоньца будутъ помилованы въ виду несовершеннолѣтія и мотивовъ, толкнувшихъ ихъ на преступленіе. Между тѣмъ случилось иначе. Всѣ три террориста были повѣшены. Эти казни лишь увеличили популярность революціонеровъ.

Аристократическая партія „бѣлыхъ“, съ гр. Замоѣскимъ во главѣ, требовала соединенія въ одно автономное иблое всѣхъ польскихъ и литовско-русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ Польши. Но эти требованія встрѣтили рѣшительный отпоръ, какъ въ Петербургѣ, такъ и со стороны Велёпольскаго, стоявшаго на почвѣ конституціи 1815 года.

Всѣ эти обстоятельства еще болѣе подняли авторитетъ центрального національнаго комитета, открыто подготовлявшаго возстаніе. Составъ этого комитета довольно часто мѣнялся, но самымъ большимъ вліяніемъ пользовался въ немъ: Агатонъ Гиллеръ, Брониславъ Шварце и Сигизмундъ Падлевскій. Гиллеръ, возвращенный изъ Сибири, отличался фанатическимъ патріотизмомъ, возлагая при этомъ всѣ надежды на шляхту, которая, по его мнѣнію, готова нести самыя великія жертвы для блага родины. Шварце, воспитанный во Франціи, унаслѣдовалъ отъ своего отца, эмигранта тридцатыхъ годовъ, радикально-демократическія убѣжденія и главную силу революціи видѣлъ въ народѣ. Среднее мѣсто между Гиллеромъ и Шварце занималъ Падлевскій, шляхтичъ по рожденію и привычкамъ, но убѣжденный демократъ. Значеніе центрального комитета быстро возрастало. Установленные имъ налоги поступали исправно, всѣ его распоряженія точно исполнялись. Органомъ комитета былъ журналъ: „Движеніе“, выходившій въ Варшавѣ съ 5-го іюля. На своемъ знамени онъ начерталъ великіе принципы свободы и равенства, стре-

мясь къ тому, чтобы все граждане Польши „образовали одинъ объединенный узлами братства народъ, не раздѣленный на классы и свободный“. „Недостаточно — писать этотъ органъ — отбросить все привилегіи и отказаться отъ преимуществъ; необходимо вмѣсто этихъ узъ поставить нѣчто другое: для того, чтобы общество не распалось, необходимо связать его братскою любовью... Каждый народъ, дѣлая шагъ впередъ по пути къ социальной реформѣ, становится въ Европѣ замѣтною силою...“

Въ ноябрѣ почти одновременно состоялись сѣзды „красныхъ“ и „бѣлыхъ“. Цѣлью созыва обоихъ этихъ сѣздовъ было выясненіе вопроса о подготовившемся возстаніи. Не подлежало сомнѣнію, что оно должно вырваться въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Центральнѣйшій комитетъ хотѣлъ уже назначить день активнаго выступленія. Однако въ виду того, что все приготовленія къ нему не были еще вполне закончены и русскій военный комитетъ совѣтовалъ воздержаться до лѣта, а по крайней мѣрѣ до марта, европейскіе же революціонеры предупреждали, что польскіе повстанцы не могли бы рассчитывать на ихъ поддержку, такъ какъ революціонный духъ на Западѣ только начинаетъ пробуждаться,—рѣшено было отсрочить возстаніе до весны. Необходимо лишь было укрывать будущихъ солдатъ революціонной арміи, потому что правительство собиралось какъ разъ къ тому времени произвести въ Польшѣ усиленный рекрутскій наборъ.

Постановленіе центрального комитета вызвало сильное недовольство между болѣе горячими революціонерами. Арестъ Бронислава Шварца (22 декабря 1862 г.) заставлялъ опасаться, что болѣе умѣренные Гиллеръ и Авейда, вліяніе которыхъ въ комитетѣ все возрастало, отсрочать возстаніе на неопредѣленное время. Этимъ воспользовались сторонники немедленнаго выступленія, уже давно стремившіеся подорвать авторитетъ центрального комитета и замѣнить его собственнымъ революціоннымъ комитетомъ. Въ журналѣ „Братскій

Голосъ“ они убѣждали сейчасъ начать возстаніе, чтобы не допустить рекрутскаго набора. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ того, соизвоитъ ли наборъ или будетъ отмененъ. Его проскрипціонный характеръ (предполагалось брать рекрута не по жребію, а по именнымъ спискамъ) возбудилъ въ Западной Европѣ всеобщее негодованіе. Русскій посланикъ въ Парижѣ Орловъ, вида отношеніе общественнаго мнѣнія къ этой варварской мѣрѣ, пріѣхавъ въ Варшаву и предостерегалъ, что подобная система набора можетъ вызвать взрывъ. Русская бюрократія колебалась, но Велѣпольскій заупрямился и повторялъ: „Революціонный нарывъ созрѣлъ и его необходимо вскрыть“.

Наборъ въ Варшавѣ былъ назначенъ на 17 января 1863 г. Между тѣмъ, уже въ ночь съ 14 на 15 число этого мѣсяца гвардейскіе полки заняли площади и главныя улицы города. Полицейскіе въ сопровожденіи солдатъ ходили по домамъ и отводили въ цитадель молодыхъ людей, занесенныхъ въ рекрутскій списокъ. Несмотря на это, большинство заговорщиковъ не было захвачено, такъ какъ въ ожиданіи набора не почевало дома. Падлевскій сейчасъ же приказалъ повстанцамъ выйти изъ города и обратиться въ Кампиновскихъ и Сероцкихъ лѣсахъ. На слѣдующій день было рѣшено начать возстаніе ночью 22-го января. Центральный комитетъ, въ составъ котораго вошли Сигизмундъ Падлевскій, Стефанъ Бобровскій, Карлъ Микошевскій, Оскаръ Авейдэ, Иванъ Майковскій и Іосифъ Янковскій, объявилъ себя національнымъ правительствомъ („Кондъ Народовый“). 22 января 1863 г. онъ обнародовалъ манифестъ, объявляющій отмену всѣхъ привилегій и надѣленіе крестьянъ землею. Кромѣ того, онъ обѣщалъ надѣлить участками изъ національнаго земельного фонда всѣхъ безземельныхъ, которые присоединятся къ возстанію. Повстанцы, дѣйствуя небольшими отрядами, имѣли обыкновенно успѣхъ въ мелкихъ стычкахъ, но въ болѣе серьезныхъ сраженіяхъ терпѣли пораженія. Въ первыхъ столкновеніяхъ

съ русскими отличились: Маріанъ Лянгевичъ, Левандовскій, Богдановичъ, Рогинскій, Нарбутъ и др. Въ половинѣ февраля прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій избранный диктаторомъ, старый революціонеръ сороковыхъ годовъ Людовикъ Мѣрославскій. Вокругъ него собралось въ Кривосондскомъ лѣсу около 200 человекъ. Мѣлецкій долженъ былъ привести съ собою еще 500 повстанцевъ. Между тѣмъ Шильднеръ-Шульдеръ съ отрядомъ въ 1800 солдатъ напалъ 19-го февраля на Мѣрославскаго и, конечно, разбилъ его наголову. Мѣрославскій отступилъ и подъ Пловцами соединился съ Мѣлецкимъ, но 21-го февраля былъ опять застигнутъ врасплохъ Шильднеромъ. Раненый диктаторъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, уѣхалъ за границу.

Появленіе Мѣрославскаго сильно испугало шляхетскую партію „бѣлыхъ“. Мѣрославскій означалъ для нея ни болѣе, ни менѣе, какъ социальную революцію. Поэтому послѣ его удаленія шляхта настояла на врученіи диктатуры Маріану Лянгевичу, сумѣвшему къ тому времени собрать^{сь} подъ своимъ начальствомъ до 4000 повстанцевъ. Новый диктаторъ, одержавъ побѣду подъ Гроховисками (18-го марта), созвалъ военный совѣтъ въ Велчѣ, на которомъ было рѣшено вести партизанскую борьбу небольшими отрядами. Самъ Лянгевичъ долженъ былъ пробраться черезъ Галицію къ Люблину, но, будучи узнавъ на границѣ, попалъ въ руки австрійцевъ. Возстаніе было бы уже тогда подавлено, если бы не надежды на вмѣшательство Европы въ защиту поляковъ, ожившія благодаря дипломатической нотѣ французскаго правительства по польскому вопросу. Землевладѣльческая шляхта, относившаяся до того времени къ возстанію довольно пассивно, теперь по директивѣ аристократическаго лагеря Чарторыскихъ стремилась взять дѣло національной борьбы за освобожденіе въ свои руки. Ей удалось достигнуть этого безъ особеннаго труда, такъ какъ она располагала значительными матеріальными средствами, недостатокъ которыхъ сильно давалъ себя чув-

ствовать повстанцамъ. Къ тому же революціонная партія, утратившая многихъ изъ самыхъ дѣятельныхъ своихъ членовъ, имѣла своихъ представителей, главнымъ образомъ, въ вооруженныхъ отрядахъ, не обладаая вовсе болѣе или менѣе серьезнымъ авторитетомъ въ центральномъ комитетѣ.

Присоединеніе шляхты придадо возстанію новую силу.

Въ стычкѣ, подъ Бродовомъ (28 апрѣля 1863 г.) повстанцы, между которыми было много добровольцевъ французовъ, окруженные въ четыре раза болѣе многочисленнымъ русскимъ отрядомъ, построились въ каре, первую линію котораго составляли косышеры, и стойко выдерживали атаки непріятелей. Наконецъ, русскіе воздержались отъ дальнѣйшаго боя въ ожиданіи артиллеріи. Большая часть повстанцевъ была перебита; только тяжело раненые попали въ плѣнъ. Здѣсь погибъ, между прочимъ, храбрый французскій офицеръ де-Бланкенгеймъ.

Въ концѣ марта возсталъ Жмудъ. Въ движеніи приняли дѣятельное участіе крестьяне. Особенно отличились въ жмудскомъ возстаніи Сигизмундъ Сераковскій, Болеславъ Длускій, Ксендзь Мацкевичъ и Цитовичъ.

Сераковскій, отставной подполковникъ генеральнаго штаба въ Петербургѣ, былъ человѣкомъ выдающихся способностей и скоро завоевалъ себѣ симпатіи литовскихъ крестьянъ. Какъ военачальникъ, онъ совершилъ ошибку, рискуя безъ артиллеріи и съ отрядомъ неопытныхъ добровольцевъ дать правильное сраженіе гораздо болѣе сильному непріятелю. Исходъ этого сраженія былъ самый печальныйъ для повстанцевъ: они были разбиты на-голову. Самъ Сераковскій, раненый въ грудь, попалъ въ плѣнъ и 9-го іюня по приказу Муравьева былъ повѣшенъ въ Вильнѣ.

Несмотря на эти неудачи поляковъ, возстаніе въ связи съ дипломатическимъ вмѣшательствомъ державъ ставило петербургское правительство въ затруднительное положеніе. Борьба

съ повстанскими отрядами оказалась также нелегкою и сверхъ ожиданія затягивалась на долгое время. Правительство было особенно озабочено поведеніемъ крестьянъ, на которыхъ прокламаціи Народоваго Жюнда о падѣленіи ихъ землею произвели сильное впечатлѣніе. Эти прокламаціи заставили русскую бюрократію серьезно подумать о томъ, чтобы привлечь крестьянскую массу на свою сторону. Съ этою цѣлью былъ изданъ указъ, согласно которому въ губерніяхъ Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской и 4 уѣздахъ Витебской крестьяне освобождались съ 1-го мая отъ барщины и обязывались лишь платить правительству извѣстный выкупъ за землю, полученную отъ помѣщиковъ. Въ то же время правительство обнародовало воззваніе къ полякамъ, въ которомъ обѣщало амністію всѣмъ повстанцамъ, сложившимъ оружіе въ теченіе мѣсяца. Но обѣщаніямъ правительства никто не вѣрилъ.

Казалось совершенно невозможнымъ отказаться отъ борьбы какъ разъ въ то время, когда дипломатическое вмѣшательство грозило закончиться вмѣшательствомъ вооруженнымъ. Поэтому Жюндъ Народовый отвергъ амністію и подтвердилъ еще разъ свои принципы и цѣли: 1) возстановленіе полной независимости Польши, Литвы и Украины; 2) падѣленіе крестьянъ землею въ Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ согласно декрету 22 января 1863 года; 3) равенство передъ закономъ всѣхъ жителей Польши, Литвы и Украины безъ различія сословія и вѣроисповѣданія; 4) обезпеченіе за соединенными съ Польшею народами Литвы и Украины полной свободы развитія ихъ національныхъ культуръ и языковъ; 5) признаніе Литвы и Украины совершенно равноправными съ Польшею единицами, составляющими вмѣстѣ съ нею одно государственное цѣлое; 6) защита національныхъ принциповъ и традицій безъ предрѣшенія той или иной формы правленія въ будущемъ, такъ какъ эта послѣдняя зависитъ отъ воли народа, который послѣ

возстановленія своей независимости имѣть право самъ опредѣлить ее.

Вооруженное возстаніе въ маѣ 1863 г. достигло самыхъ отдаленныхъ границъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Въ Царствѣ Польскомъ продолжали борьбу: Тачановскій, Калъе, Оксинскій, Чаховскій, Мыстковскій, Фрыче, Сузинъ, Янковскій, Езіоранскій, Борелевскій. Въ Литвѣ дѣйствовали: Писарскій, Богдановичъ, ксендзь Мацкевичъ, Вислоухъ, Врублевскій, Траугутъ.

Возстаніе въ Бѣлорусси и Киевской губерніи встрѣтило враждебное отношеніе крестьянъ, которые хватали повстанцевъ и выдавали въ руки властей. Въ окрестностяхъ деревни Соловѣвки около Кіева народъ по наущенію духовенства бросился на молодыхъ польскихъ народниковъ и самымъ жестокимъ образомъ перебилъ ихъ.

Въ Волынской губерніи прославился начальникъ партизанскаго отряда Эдмундъ Ружицкій, сынъ знаменитаго повстанца 1831 года.

Въ іюль дипломатическія отношенія до того осложнились, что война казалась неизбѣжною. Бисмаркъ неоднократно говорилъ впослѣдствіи, что онъ спасъ тогда европейскій миръ.

Сильная надежда на вооруженное вмѣшательство съ одной стороны и все возрастающее вліяніе шляхетской партіи лишили возстаніе революціоннаго характера и превращали его въ демонстрацію.

Между тѣмъ, русское правительство слало въ Польшу войска и возбуждало національный шовинизмъ въ русскомъ обществѣ. Неистовствующая патріотическая пресса съ Катковымъ во главѣ начала самую беспощадную травлю противъ поляковъ. Реакція брала верхъ, заставивъ молчать всѣхъ честныхъ людей въ Россіи.

Въ Литвѣ уже съ іюня 1863 года исполняли свои обязанности палача свирѣпый Муравьевъ-Вѣшатель. Убійства, под-

жогі, грабежъ и истребленіе—вотъ въ чемъ состояли его средства управленія этимъ краемъ. Ежедневно воздвигались висѣлицы, на которыхъ погибали лучшіе сыны народа; цѣлыя имѣнія и деревни сравнивались съ землею; на всѣхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія была наложена контрибуція; шляхта, стоняемая пагайками, должна была подписывать вѣрнопоподанническіе адреса; польскій языкъ, польскія книги, вся польская культура подверглись гоненію; множество школъ было закрыто, а учащіеся въ нихъ разогнаны. Вотъ какими средствами великій Муравьевъ виѣдрялъ въ поляковъ любовь къ Россіи.

И этому палачу, облитому кровью, русскіе дѣятели поставили въ Вильнѣ памятникъ, который „патріотическая пресса“ называла „символомъ примиренія между двумя славянскими народами“...

Надѣясь на вооруженное вмѣшательство Европы, шляхта собрала значительныя средства, чтобы непремѣнно распространить возстаніе на юго западныя губерніи. При этомъ былъ выработанъ весьма сложный и трудно исполнимый планъ. Генераль Высоцкій, при содѣйствіи Городынскаго и Миневскаго, попытался 2-го іюля завладѣть гор. Радзивилловомъ. Городынскій, начавшій атаку въ 4 часа утра, потерпѣлъ поражение и былъ убитъ. Миневскій не прибылъ къ назначенному сроку. Самъ Высоцкій послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отступилъ въ Галицію. Сигизмундъ Милковскій *), организовавъ въ Турціи вооруженный отрядъ, двинулся съ нимъ въ Россію черезъ Румынію, но подъ Ринзенштами былъ разбитъ румынскими войсками.

Въ Царствѣ Польскомъ партизанская борьба не прекращалась. Повстанскіе отряды соединялись между собою, нападали на русскія войска и немедленно разсѣивались опять по всей странѣ. Особенно удачною для поляковъ была стычка

*) Впоследствии известный романистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Теодора Ежа.

подъ Жижиномъ (8-го августа), въ которой Яну Гейденрейху удалось взять въ плѣнъ 150 русскихъ солдатъ и захватить 2 орудія и 200 тысячъ рублей наличными деньгами. Въ партизанской войнѣ прославился также Сигизмундъ Хмелинскій.

Русское правительство, видя, что взаимное недовѣріе западныхъ державъ затормозило дипломатическіе шаги въ защиту поляковъ, рѣшило дѣйствовать болѣе энергично и назначило намѣстникомъ Царства Польскаго гр. Берга, которому предложено было подавить возстаніе силою, по примѣру Муравьева-Вѣстателя... Летучіе отряды русскихъ войскъ наводнили Польшу, всюду преслѣдуя повстанцевъ. Неудачное покушеніе на Берга, произведенное въ Варшавѣ 19-го сентября, вызвало жестокую расправу съ жителями дома гр. Замойскаго, въ которомъ будто бы скрывались террористы. Людей разоряли контрибуціями, ссылали въ арестанскія роты и въ Сибирь; во всѣхъ городахъ сотни патриотовъ гибли на висѣлицахъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ польскихъ писателей и, между прочимъ, Лимановскаго, революціонная партія, взявъ опять въ свои руки руководство возстаніемъ въ половинѣ сентября 1863 года, могла бы вызвать еще всенародное ополченіе, такъ какъ настроеніе крестьянъ начинало склоняться въ пользу возстанія. „Мы имѣемъ весьма убѣдительныя данныя, — пишетъ Лимановскій, — доказывающія, что, если бы Жондъ Народовый дѣйствительно захотѣлъ, то его усилія привели бы къ всенародному ополченію въ буквальномъ смыслѣ этого слова“. Даже такой консерваторъ, какъ Павелъ Попель, признавалъ это возможнымъ. Вездѣ, гдѣ только была сдѣлана попытка организовать крестьянъ, она встрѣчала съ ихъ стороны самое горячее сочувствіе и содѣйствіе. Въ восточныхъ уѣздахъ Царства Польскаго, по свидѣтельству Бронислава Дескура, въ казенныхъ владѣніяхъ, гдѣ крестьяне давно уже были освобождены отъ натуральныхъ повинностей, и въ частновладѣльческихъ чиншевыхъ имѣніяхъ повстанскія организациі имѣли огромный успѣхъ, такъ что заговоръ распространялся на цѣлыя

сельскія общества... и, если бы можно было отсрочить возстаніе до весны 1863 года, весь народъ принялъ бы въ немъ участіе. Деркуръ рассказываетъ еще, что Хондзынекій, задумавшій вызвать народное ополченіе въ окрестностях Плоцка, встрѣтилъ тамъ среди крестьянъ величайшую готовность къ борьбѣ за свободу. „Я былъ свидѣтелемъ, — говоритъ онъ — какъ во всѣхъ деревенскихъ кузницахъ снѣжно перековывали косы, а цѣлыя массы крестьянъ начинали совершенно самостоятельно организоваться въ отряды“. Когда по распоряженію Народоваго Жонда народное ополченіе было отмѣнено и крестьянамъ приказано было возвратиться домой, они искренно возмущались и негодовали. „Вы, говорили они комиссарамъ Жонда, и всегда такъ поступали. Вы напрасно скомпрометировали насъ, потому что русскіе знаютъ вѣдь о нашихъ приготовленияхъ. Придетъ время, и мы сами устроимъ возстаніе, но васъ уже тамъ не будетъ“. По словамъ Каллье, Жондъ Народовый прямо запретилъ Тачановскому организовать народное ополченіе въ Калишской губерніи. Если бы не слѣвая вѣра въ то, что Европа непременно объявитъ войну Россіи, быть-можетъ, шляхта рѣшилась бы поднять крестьянскія массы. Но именно шляхта и европейская дипломатія опасались, чтобы участіе крестьянъ въ возстаніи не привело къ соціальной революціи.

Владиславъ Чарторыйскій, сынъ знаменитаго князя Адама, бывшій представителемъ польскихъ интересовъ за границею, увѣрялъ, что французское правительство поддержитъ поляковъ, и въ половинѣ октября 1863 г. убѣдилъ Ромуальда Траугута объявить себя диктаторомъ. Траугутъ былъ человѣкомъ огромной нравственной силы, самоотверженно преданнымъ дѣлу національнаго освобожденія. Онъ вѣрилъ, что національное знамя, „обогренное кровью и освященное мученичествомъ цѣлаго поколѣнія“, должно стоять выше отдѣльныхъ партій и фракцій. По его мнѣнію, всенародное ополченіе было вполнѣ возможно и даже необходимо, хотя бы для того только, чтобы оставить

будущимъ поколѣніямъ— примѣръ, достойный подражанія. Плохо разбираясь въ дипломатическихъ тонкостяхъ, онъ повѣрилъ Чарторыскому и въ ожиданіи вооруженнаго вмѣшательства державъ сдѣлался незамѣтно для себя орудіемъ въ рукахъ шляхетской партіи.

Впрочемъ, трудно было не надѣяться на помощь Франціи послѣ того, какъ всемогущій, какъ казалось тогда, Наполеонъ III открыто заявилъ 5 ноября 1863 г., что „польскій народъ является мятежнымъ только въ глазахъ Россіи, но въ нашихъ глазахъ онъ — наследникъ правъ, занесенныхъ на скрижали исторіи“. Кроме того, французскій императоръ высказалъ намѣреніе созвать европейскій конгрессъ для разрѣшенія польскаго вопроса.

Россія, между тѣмъ, стягивала въ Польшу все больше и больше войскъ и терроромъ подавляла „мятежъ“. Возстаніе однако продолжалось. Въ жмудскихъ областяхъ оно приняло чисто-крестьянскій характеръ. Даже предводителями отдѣльных отрядовъ были крестьяне: въ Шавельскомъ уѣздѣ— Пуйдакъ и Битисъ, въ Поневѣжскомъ—Дѣквисъ, въ Вилкомирекомъ—Лукашунасъ, въ Россіенскомъ—Гугесъ. Въ Царствѣ Польскомъ повстанцы держались только благодаря крестьянамъ, доставлявшимъ имъ пищу и предостерегавшимъ ихъ передъ непріателемъ. Это сочувствіе народныхъ массъ дало возможность Іосифу Гауке (Босаку) продолжать упорную борьбу въ Сандомирскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе силы повстанцевъ истощались. Начальники партизанскихъ отрядовъ гибли одинъ за другимъ. Пали на полѣ брани Діонизій Чаховскій и Врублевскій; 19-го декабря былъ разстрѣлянъ взятый въ плѣнъ и раненый въ бою Сигизмундъ Хмелинскій; 28-го декабря погибъ на висѣлицѣ ксендзъ Мацкевичъ; въ февралѣ 1864 года были повѣшены Янковскій и Звездовскій. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1864 года были арестованы члены Народоваго Жюнда. Трагуть, разбуженный жандармами, произнесъ только: „уже!“ и началъ спокойно одѣваться. Въ то же самое время Муравь-

евъ арестоваль въ Вильнѣ Константина Калиновскаго, поддерживавшаго своею энергіею уже догорающее возстаніе въ Литвѣ. Этотъ мужественный человѣкъ умеръ на висѣлицѣ 22-го марта. Такая же участь постигла въ Варшавѣ членовъ Жюнда: Ромуальда Траугута, Иосифа Точинскаго, Романа Жулинскаго, Яна Езіоранскаго и Рафаила Краевскаго. Долше всѣхъ держался партизанскій вождь ксендзь Станиславъ Бжоска, пока, наконецъ, и онъ не былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Вильчинскимъ (24 марта 1865 года).

Возстаніе было подавлено. Местъ торжествующаго самодержавія была ужасна. Несчастный народъ еще разъ подвергся странному кровопусканію: 1.500 человѣкъ было казнено, 150.000 сослано въ Сибирь, въ Россію, или заключено въ тюрьмы; 30.000 погибло въ борьбѣ съ русскими войсками. Около 200.000 душъ лучшей части польскаго общества, составлявшей цвѣтъ націи, погибло. Если вспомнить, что эта чудовищная гекатомба была третьей въ теченіе полу столѣтія и выпала на долю страны, насчитывавшей въ то время лишь нѣсколько миллионовъ жителей, то мы должны будемъ, поистинѣ, удивляться живучести и стойкости польскаго народа, не только не исчезнушаго съ лица земли, но продолжающаго до сихъ поръ свою великую борьбу за свободу...

ГЛАВА VIII.

Періодъ органической работы.

(1865—1886).

Польша дорого заплатила за свой революціонный романтизмъ. Можно сказать, что она хронически подвергалась искусственному отбору, вырывавшему изъ ибдръ націи лучшихъ ея членовъ. Этотъ жестокий отборъ подточилъ силы народа и заставилъ его на долгіе годы замкнуться въ сферѣ будничныхъ заботъ о хлббѣ насущномъ.

Все сильное, молодое, смѣлое, проникнутое альтруизмомъ и любовью къ свободѣ, погибло въ неравной борьбѣ. На аренѣ жизни осталось хилое поколѣніе, не выбѣгавшее мыслью за предѣлы семейнаго очага. Нужны были десятилѣтія для того, чтобы залѣчить раны, нанесенныя народному организму, и вернуть ему прежнія силы...

Однако, несмотря на все эти невознаградимыя потери, возстанія имѣли также и положительные результаты.

Мы скажемъ болѣе: не будь возстаній, польскій народъ исчезъ бы съ лица земли, ибо только воплнѣ выродившійся, нежизнеспособный народъ могъ бы безропотно подчиниться чужому владычеству, не попытавшись свергнуть его силою. Польскія возстанія—это могучій протестъ націи противъ попранія ея священныхъ правъ. Безъ нихъ исторія польскаго народа послѣ паденія Рѣчи Посполитой была бы не исторіей, а позорнымъ прозябаніемъ. Эти „безсмысленные“, неудачные порывы создали великую традицію самопожертвованія ради

свободы, составляющую теперь интегральную часть польской психики. Вчитываясь въ страницы родной исторіи, истекающей кровью борцовъ за свободу, полякъ съ ранняго дѣтства проникается сознаниемъ, что онъ—сынъ покореннаго, но не покорившагося народа. И вотъ почему память „безумцевъ“, возстававшихъ съ косами въ рукахъ противъ вооруженныхъ пушками армій могущественнѣйшей въ мірѣ державы, читается въ Польшѣ, какъ память національныхъ героевъ.

Послѣ неудачнаго возстанія 1863 года польское общество погрузилось въ апатію и полный политическій индифферентизмъ. Польскій вопросъ, волновавшій когда-то общественное мнѣніе всей Европы, былъ снятъ съ очереди подѣ влияніемъ воцарившагося въ международныхъ отношеніяхъ бисмарковскаго культа „силы, стоящей выше права“... Всякая надежда на помощь разныхъ „призванныхъ защитниковъ свободы“, одушевляемыхъ идеями братства и равенства народовъ, должна была исчезнуть. Разсѣялись также, какъ дымъ, мечтанія демократовъ о поголовномъ возстаніи крестьянскихъ массъ: русское правительство, вынужденное санкціонировать провозглашенныя повстанскимъ Народовымъ Жондомъ отмѣну барщины и надѣленіе крестьянъ землею, аграрною реформою 1864 года привлекло польское крестьянство на свою сторону.

На ряду съ реакціей, вызванной подавленіемъ возстанія, идеологія польскаго общества рѣзко измѣняется соотвѣтственно съ коренными переворотами, которымъ подверглась вся хозяйственная жизнь страны вслѣдствіе надѣленія крестьянъ и послѣдовавшаго послѣ уничтоженія таможенной границы между Россіею и Царствомъ Польскимъ чрезвычайно интенсивнаго развитія промышленности. Польша изъ страны чисто земледѣльческой, въ которой главнымъ носителемъ культуры была помѣстная шляхта, превращается въ очагъ крупной капиталистической промышленности, въ жизни котораго преобладающую роль начинаетъ играть буржуазія общеевропейскаго типа.

Вмѣсто романтическихъ порывовъ выступаетъ на первый планъ стремленіе къ экономическому возрожденію и мирной культурной работѣ. На возстаніе 1863 года общество стало смотрѣть, какъ на безуміе, и надѣялось, что своимъ лояльнымъ отношеніемъ къ правительству оно добьется лучшаго будущаго. Молодежь, только-что оставившая школьныя стѣны, поетъ хвалебныя гимны „органическому труду“ и ищетъ приложенія своихъ силъ въ торговлѣ или промышленности.

Въ публицистикѣ появляется цѣлая плеяда молодыхъ писателей, стремившихся популяризировать въ польскомъ обществѣ результаты западноевропейской науки и позитивной философіи Огюста Конта. Эти такъ называемые „варшавскіе позитивисты“ вели особенно ожесточенную полемику съ представителями стараго романтизма въ началѣ 70-хъ годовъ. Тогда именно прозвучали громко на всю Польшу имена такихъ писателей, какъ Александръ Свентоховскій, Болеславъ Прусь, Элиза Ожешко, Петръ Хмѣлевскій и друг.

Русское правительство не сумѣло и не желало использовать это настроеніе польскаго общества, чтобы постепенными уступками его національнымъ требованіямъ примирить Польшу съ необходимостью остаться навсегда въ неразрывной связи съ Россіею. Наоборотъ, русская бюрократія продолжала самымъ жестокимъ образомъ метить полякамъ за возстаніе и задалась цѣлью обрусить ихъ. И эта безошадная месть длится вотъ уже болѣе сорока лѣтъ...

Болѣе дальновидные и честные русскіе бюрократы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ сейчасъ же послѣ возстанія 1863 г., понимали, впрочемъ, что политика насильственнаго обрусенія можетъ дать только отрицательные результаты. Н. А. Милютинъ въ своей запискѣ о постановкѣ школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ указывалъ, что „репрессивныя мѣры, клонящіяся къ обрусенію края, произведутъ только безцѣльное раздраженіе“. Эти указанія были скоро забыты. Уже въ 1869 году польскій языкъ вопреки царскимъ указамъ 30 ав-

густа 1864 г. и 5 января 1866 г., былъ простымъ министерскимъ циркуляромъ устраненъ изъ всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и замѣненъ русскимъ, а въ 1873 году по распоряженію попечителя Витте русскій языкъ былъ сдѣланъ языкомъ преподаванія и въ низшихъ народныхъ школахъ. Витте хвастался впоследствии, что этимъ распоряженіемъ онъ „первый вонзилъ ножъ въ сердце Польши“. Польскій языкъ былъ вскорѣ изгнанъ также изъ всѣхъ правительственныхъ учреждений и изъ суда, который до сихъ поръ остается судомъ короннымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей изъ мѣстнаго населенія. Всѣ среднія и высшія государственныя должности замѣщаются исключительно русскими и православными. Отсутствіе городского и земскаго самоуправления тормозитъ культурное развитіе страны. Чудовищный цензурный гнетъ убиваетъ періодическую печать, низводя ее на степень уличной прессы, лишенной всякаго серьезнаго значенія.

Льготы и привилегіи въ видѣ крупныхъ прибавокъ къ жалованью, права безплатнаго воспитанія дѣтей и т. д., расточаемыя щедро каждому чиновнику, лишь бы только онъ былъ русскимъ и православнымъ, привлекаютъ на государственную службу въ Царство Польское всякіе подонки русскаго общества. Этотъ сбродъ, пользуясь полною безнаказанностью, скоро прославился неслыханнымъ взяточничествомъ и самымъ наглымъ превышеніемъ власти. Раскрадываніе общественныхъ суммъ, тѣсный союзъ полиціи съ шайками воровъ и разбойниковъ, самое грубое насиліе надъ личностью обывателя—все это обыкновенныя въ Царствѣ Польскомъ явленія. Не нужно говорить, что такіе посетители „русской государственной идеи“ не могли найти ни одного сторонника этой идеи среди поляковъ, сдѣлавъ послѣднихъ настоящими паріями въ ихъ собственномъ отечествѣ.

На ряду съ обрусеніемъ начинается насильственное насажденіе православія. Путемъ жестокихъ преслѣдованій и гоненій—вплоть до разстрѣливанія безоружныхъ массъ на-

рода—сѣдлецкіе и люблинскіе уніаты „возсоединяются“ и „возвращаются на лоно православной церкви“ для того лишь, чтобы спустя 30 лѣтъ „уже послѣ изданія указа о вѣротерпимости въ 1904 г.“ перейти... въ католицизмъ.

Польское общество переносило безропотно все эти гоненія, вѣрное новому лозунгу воздержанія отъ всякой политики и примиренія съ судьбою. Мертвая тишина, воцарившаяся въ ближайшіе годы послѣ возстанія, была прервана выстрѣломъ поляка Березовскаго, совершившаго въ Парижѣ 6 іюня 1867 года неудачное покушеніе на жизнь императора Александра II. Антонъ Березовскій, бывший повстанецъ 63 года, дѣйствовалъ по своему личному почину и не имѣлъ никакихъ сообщниковъ. Это былъ экзальтированный юноша, который по его собственному признанію, сдѣланному на судѣ, хотѣлъ отомстить царю за истерзанную Польшу. „Я имѣлъ на то право, — сказалъ Березовскій, — онъ убилъ нашъ край. Онъ погубилъ его жителей. Однимъ росчеркомъ пера онъ ссылалъ ихъ въ Сибирь... Я основывалъ свою миссію на чувствахъ своего сердца, удрученнаго страданіями родины...“ Обвиненный сенскимъ судомъ присяжныхъ, Березовскій былъ сосланъ на вѣчную каторгу въ Новую Каледонію и только въ 1906 г. помилованъ декретомъ президента республики.

Покушеніе Березовскаго стоитъ одиноко и вѣдь всякой связи съ общественнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ тогда въ Польшѣ. Только 10 лѣтъ спустя—въ 1877 году — можно отмѣтить первые признаки возрождающагося подъ влияніемъ обрусительной политики правительства патріотическаго движенія и появленія неизвѣстнаго до тѣхъ поръ въ Польшѣ спутника капиталистической промышленности—социализма.

Поведеніе русскаго правительства по отношенію къ полякамъ послѣ подавленія возстанія 1863 года не осталось безъ влияния на Пруссію. Польскія провинціи, отонедшія къ этому государству, сдѣлались въ скоромъ времени ареною самой

безпощадной германизации. Польский языкъ былъ изгнанъ изъ всѣхъ правительственныхъ учреждений и учебныхъ заведений. Католическая церковь точно также подверглась гоненію во имя такъ называемаго культуркампфа. Въ 1874 году познанскій архіепископъ Ледоховскій, пытавшійся протестовать противъ знаменитыхъ „майскихъ законовъ“, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму“. Всѣ торжественныя обѣщанія и гарантіи, закрѣпленныя международными трактатами, попирались самымъ наглымъ образомъ: въ этомъ отношеніи конституціонная Пруссія не отличалась ничѣмъ отъ самодержавной Россіи. — Вся энергія польскаго общества въ Познани направилась, благодаря такой политикѣ правительства, на борьбу съ насильственной германизацией. Эта борьба требуетъ громадной затраты силъ, такъ какъ благопріятному для поляковъ исходу ея сильно препятствуютъ высокій уровень нѣмецкой культуры и значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ, притокъ которыхъ поддерживается экономическими причинами, извѣстными подъ лозунгомъ „Drang nach Osten“.

Въ самыхъ лучшихъ условіяхъ очутилась послѣ возстанія наиболѣе отстающая изъ всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой—Галиція.

Неудачная война съ Пруссіей въ 1866 году заставила Австрію вступить на путь коренныхъ реформъ и, прежде всего, сдѣлать уступки національнымъ требованіямъ входящихъ въ составъ ея славянскихъ областей. Въ этомъ же году въ Галиціи были восстановлены права польскаго языка, а въ слѣдующемъ—она получила довольно широкую автономію. Уродливая система выборовъ въ галиційскій сеймъ и въ вѣнскій парламентъ обезпечивала до послѣдняго времени въ Галиціи сильное преобладаніе землевладѣльческой шляхты, создавшей себѣ грустную извѣстность своимъ эгоизмомъ и полнымъ равнодушіемъ къ интересамъ народа. Самую видную роль въ Галиціи играла группа крайнихъ оппортунистовъ—

реакціонеровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *станьчишковъ* *), Корифеями этого направленія являются: публицистъ Станиславъ Козьянъ, историкъ Юсіфъ Шуйскій и профессоръ Краковскаго университета Станиславъ Тарновскій.

Такимъ образомъ, во веѣхъ польскихъ земляхъ въ концѣ шестидесятихъ и въ началѣ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія господствовала абсолютная тишина. Лишь изрѣдка та или другая польская фамилія, попадавшаяся между именами западноевропейскихъ революціонеровъ, напоминаетъ Европѣ о существованіи „мятежной“ нѣкогда Польши. Въ страшные дни парижской коммуны между ея борцами мы встрѣчаемъ польскаго повстанца Ярослава Домбровскаго, бывшаго одно время вождемъ коммунаровъ.

Нѣкоторое броженіе вызвала въ польскомъ обществѣ русско-гурецкая война. Въ 1877 году въ Галиціи возникла даже цѣлая организація, имѣвшая цѣлью устроить опять возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и помогать Турціи въ ея борьбѣ съ Россією. Подъ вліяніемъ этого броженія въ русской Польгѣ образовались кое-гдѣ патріотическіе кружки молодежи. Въ 1878 году патріоты обнародовали прокламацію, въ которой указывали на неподготовленность народа къ вооруженному возстанію и предлагали поэтому заняться немедленно правильной организаціонной работою. Вскорѣ послѣ изданія этой прокламаціи были арестованы вожаки патріотическаго движенія **), и оно заглохло.

Съ гораздо большимъ успѣхомъ начало развиваться движеніе социалистическое. Оно зародилось на почвѣ новыхъ

---

*) Они получили свое названіе отъ изданнаго ими политическаго памфлета, такъ называемаго „Портфеля Станьчика“. Станьчикъ—фамилія прославившагося своею ѣдкою сатирою и критикою современниковъ придворнаго шута короля Сагизмунда I (XVI вѣкъ).

**) Между ними извѣстный впоследствии писатель Адамъ Шиманскій и Ягъ Поплавскій, нынѣ видный членъ національ-демократической партіи.

экономическихъ условій, въ которыхъ очутилось Царство Польское послѣ возстанія 1863 года. Непосредственнымъ результатомъ послѣдняго явилось надѣленіе польскихъ крестьянъ землею безъ выкупа. Мы уже упоминали выше, что варшавское земледѣльческое общество составило въ 1861 году проектъ, согласно которому крестьяне должны были получить въ собственность земли, находившіяся въ ихъ пользованіи. Этотъ проектъ встрѣтилъ сильнаго противника въ лицѣ маркиза Велѣпольскаго, который былъ рѣшительнымъ сторонникомъ замѣны барщины чиншемъ, считая надѣленіе крестьянъ землею безусловно недопустимымъ. Въ 1862 году правительство утвердило проектъ Велѣпольскаго, такъ что крестьянская реформа должна была получить въ Польшѣ совѣтъ иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Благодаря возстанію 1863 года дѣло приняло однако другой оборотъ.

Манифестъ революціоннаго комитета отъ 22 января 1863 года объявилъ крестьянъ собственниками земли, при чемъ помѣщики имѣли получить соответствующее вознагражденіе изъ государственнаго фонда будущей свободной Польши. Въ началѣ возстанія этотъ манифестъ въ точности приводился въ исполненіе вездѣ, гдѣ сильна была революціонная власть. Священники подъ страхомъ наказанія обязаны были съ церковныхъ кафедръ читать народу манифестъ Народоваго Жюнда. Вполнѣ понятно, что за годъ возстанія огромная часть польскаго крестьянства узнала о реформаторскихъ планахъ революціоннаго правительства, и поэтому русская бюрократія вынуждена была послѣ усмиренія „мятежа“ приступить уже не къ очищенію крестьянъ, а къ надѣленію ихъ землею и, притомъ, на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для народа, чѣмъ это было сдѣлано въ самой Россіи. Это обстоятельство весьма благоприятно отразилось на благосостояніи народныхъ массъ и способствовало развитію промышленности. Промышленные центры растутъ со сказочною быстротою. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возникаютъ такіе очаги фабрично-

заводской промышленности, какъ Лодзь, Ченстоховъ Жирардовъ, Домброва, Сосновицы и т. д. Новыя условія выдвигаютъ на арену общественной жизни и новыи общественный классъ—рабочий пролетаріатъ, а вмѣстѣ съ нимъ зарождается и социалистическое движеніе.

Уже въ концѣ 1876 года среди польской молодежи въ Варшавѣ и русскихъ университетскихъ городахъ мы встрѣчаемъ убѣжденныхъ социалистовъ. Новое ученіе проникло въ Польшу съ двухъ сторонъ: изъ Германіи и изъ Россіи. Первые польскіе социалисты, получившіе образованіе въ русскихъ университетахъ, находились подъ сильнымъ вліяніемъ Бакунина: ихъ идеаломъ была федерация свободныхъ рабочихъ союзовъ. Что касается варшавскихъ социалистовъ, то они прониклись теоріями западно-европейскаго социализма и получили названіе централистовъ. Въ 1877 году послѣ пріѣзда въ Варшаву весьма энергичнаго агитатора Людвика Варынскаго въ этомъ городѣ началась усиленная пропаганда социалистическихъ идей на фабрикахъ и заводахъ. Въ августѣ 1878 года аресты лишили молодую организацию многихъ дѣятельныхъ членовъ. Несмотря на это, въ концѣ того же года дѣятельность социалистовъ возобновилась и продолжалась до новаго разгрома, постигнаго ихъ весною 1879 года. Значительное количество польскихъ социалистовъ выѣхало въ то же время за границу и тамъ занялось изданіемъ партійныхъ брошюръ и листовъ. 1 октября 1879 года въ Женевѣ вышелъ первый номеръ социалистическаго журнала подъ названіемъ: „Равенство“. Въ этомъ номерѣ была напечатана программа польскихъ социалистовъ, въ основахъ своихъ весьма близкая къ резолюціямъ, принятымъ первымъ конгрессомъ международнаго союза рабочихъ въ 1866 году въ Женевѣ. Въ этой программѣ мы находимъ, главнымъ образомъ, экономическія требованія въ духѣ социализма безъ какихъ-либо указаній на политическіе идеалы. Только изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ слѣдующихъ нумерахъ „Равенства“, мы можемъ

вывести заключеніе, что первая программа польскихъ соціалистовъ опиралась на теорію федералистическаго анархизма. Къ вопросу о возстановленіи Польши апостолы новаго ученія относились совершенно равнодушно, выдвигая на первый планъ борьбу за экономическое освобожденіе пролетаріата.

Людовикъ Варыньскій на международномъ съѣздѣ, со званномъ въ 50-лѣтнюю годовщину ноябрьскаго возстанія, слѣдующими словами закончилъ свою рѣчь: „Мы считаемъ себя сынами одного великаго народа, гораздо болѣе несчастнаго, чѣмъ Польша,—народа пролетаріевъ... И, когда настанетъ часъ вооруженнаго возстанія, насъ будутъ привѣтствовать тогда уже не возгласами: „Да здравствуетъ Польша!“ или „Долой Россію!“, но однимъ кликомъ, общимъ пролетаріямъ всего міра: „Да здравствуетъ соціальная революція!“

Главными поводами, которые заставляли первыхъ польскихъ соціалистовъ отвергнуть требованіе возстановленія Польши, являются: 1) то соображеніе, что соціальная революція должна была вообще уничтожить всякое рабство и установить новый общественный строй и 2) что этотъ лозунгъ можетъ затемнить классовое сознаніе пролетаріата и подчинить его въ случаѣ національнаго возстанія гегемоніи высшихъ классовъ. Этотъ индифферентизмъ по отношенію къ вопросу о политической независимости Польши не означалъ, конечно, что соціалисты не чувствовали національнаго гнета. Они считали его несправедливымъ и жестокимъ, но надѣялись, что онъ исчезнетъ послѣ всемірной соціальной революціи, которой ожидали въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Программа „Равенства“ была встрѣчена въ Варшавѣ враждебно. Ея космополитическій характеръ не понравился многимъ дѣятелямъ, которые и образовали въ 1880 году кружокъ подъ названіемъ „Польскій народъ“. Отличительной чертой новаго направленія было, кромѣ чисто соціалистическихъ постулатовъ, требованіе

независимой Польской республики. Самым видным членом этой организации был Воцеслав Лимановскій.

Между тѣмъ правительство принялось энергично за разсѣдованіе дѣла о социалистической пропагандѣ въ Варшавѣ и, закончивъ свои розыски въ февралѣ 1880 года, привлекло къ отвѣтственности 137 лицъ. Въ апрѣлѣ того же года объявленъ былъ приговоръ. Большинство обвиняемыхъ были сосланы въ Восточную Сибирь. Между ними находились Валлавъ Сброшевскій, Сигизмундъ Герингъ, Лянды, Свенцицкій, Ковальскій и др. Многие изъ осужденныхъ не перенесли тяжелыхъ условій ссылки. Въ декабрѣ 1880 года умерла въ Красноярскѣ Филиппина Пласковицкая, въ 1884 году тамъ же умеръ Гласко, въ 1882 году скончалась Марія Гильдъ и т. д.

Въ февралѣ и мартѣ 1880 года были арестованы также многие члены „Польскаго Народа“.

Въ 1881 году въ дѣятельности польскихъ социалистовъ начинаютъ выдвигаться на первый планъ политическія задачи. Этотъ поворотъ нашелъ себѣ выраженіе въ воззваніи къ русскимъ революціонерамъ изъ партіи „Народной Воли“, въ которомъ поляки заявляли, что они считаютъ своей ближайшею задачею добиться въ Россіи конституціи, при которой сдѣлались бы возможными широкая агитація и организація рабочихъ массъ. Въ концѣ того же 1881 года въ Варшаву пріѣхалъ изъ-за границы Людовикъ Варынскій, бывший уже тогда на положеніи „незаконнаго“. Рабочіе были въ то время совершенно дезорганизованы послѣ недавнихъ арестовъ, но интеллигенція развивала довольно энергичную дѣятельность подъ руководствомъ Пухевича и Крушинскаго. Варынскій немедленно занялся организаціею рабочихъ кружковъ. Онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ рабочаго Дулембы. Сначала былъ образованъ Центральный Комитетъ, а вновь возникшіе рабочіе кружки явились основаніемъ социалистической организаціи подъ названіемъ „Пролетаріатъ“. Органомъ новаго сообщества былъ выходившій вмѣсто прежняго „Равенства“.

журналь „Передъ Развѣтомъ“ („Przed'swit“). Въ 1882 году въ Варшавѣ вспыхнули первыя забастовки рабочихъ: въ мастерскихъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги и въ типографіи газеты „Слово“. Партія „Пролетаріатъ“, оцѣнивъ по достоинству значеніе этихъ первыхъ проявленій самодѣятельности рабочаго класса, взялась энергично за дѣло. Комитетъ ея, прежде всего, обнародовалъ свою программу. Принципы послѣдней — въ отличіе отъ первой программы, опубликованной въ „Равенствѣ“ — свободны отъ какой-либо примѣси анархическихъ доктринъ. Вся программа выдержана въ чисто социалистическомъ духѣ. Исходной точкой будущаго общественнаго строя она считаетъ уже не свободные союзы и общины, образующія федерации высшаго порядка, а социалистическое государство, въ собственность котораго должны перейти вся земля и орудія производства. Въ политической части своей программы „Пролетаріатъ“ требовалъ полнаго самоуправленія для отдѣльных „политическихъ группъ“, т. е. повидимому, автономіи или даже федерации. Самымъ цѣлесообразнымъ способомъ борьбы съ правительствомъ „Пролетаріатъ“ считаетъ народныя возстанія, признавая однако допустимымъ и терроръ, средство противъ безчеловѣчнаго обращенія капиталистовъ съ рабочими, а также противъ шпионовъ и измѣнниковъ. Въ общемъ можно сказать, что подъ вліяніемъ западноевропейскихъ теорій авторы программъ „Пролетаріата“ совершенно освободились отъ увлеченія русскимъ народничествомъ, возникшимъ на почвѣ общинно-патріархальныхъ условій русской дѣйствительности, и старались исходить изъ мѣстныхъ, польскихъ условій, весьма близкихъ по своей экономической структурѣ къ западноевропейскимъ.

Въ январѣ 1883 года состоялся въ Вильнѣ съѣздъ представителей „Пролетаріата“ и различныхъ группъ польской социалистической молодежи, обучавшейся въ русскихъ университетахъ. Цѣлью этого съѣзда было сосредоточеніе всѣхъ польскихъ социалистовъ въ Россіи вокругъ „Пролетаріата“.

Польскія студенческія організації существовали тогда въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ и руководствовались въ своей дѣятельности директивами *тайнаго совѣта*, въ составъ котораго входили извѣстные впоследствии члены „Пролетаріата“: Куницкій, Михалевичъ, Дембскій, Рехневскій, Плескій и др. Виленскій съѣздъ рѣшилъ, что всѣ социалистическія польскія, литовскія и бѣлорусскія группы должны присоединиться къ одной общероссійской социалистической партіи, такъ какъ этого требуетъ революціонная техника. На томъ же съѣздѣ былъ образованъ Центральный Комитетъ социаль-революціонной партіи „Пролетаріатъ“.

Результаты дѣятельности новой партіи не заставили себя долго ждать. Ея прокламаціи распространились въ огромномъ количествѣ среди варшавскихъ рабочихъ. Въ скоромъ времени движеніе перешло и въ провинціальныя города: Жирардовъ, Лодзь, Згежъ, Томашовъ, Пабыяницы и другіе промышленныя центры. Въ началѣ 1883 года „Пролетаріатъ“ представлялъ собою уже столь значительную силу, что могъ выступить съ открытымъ протестомъ противъ распоряженій правительства. Варшавскій полиціймейстеръ Бутурлинъ установилъ медицинскій осмотръ работницъ наравнѣ съ проститутками. Тогда рабочій комитетъ по инициативѣ Варынского издалъ прокламацію, въ которой предлагалъ рабочимъ не подчиняться этому позорному пововведенію, хотя бы пришлось пролить кровь въ защиту чести женщинъ рабочаго класса. Эта прокламація произвела такое сильное впечатлѣніе на рабочихъ, что Бутурлинъ поспѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе. Такой успѣхъ перваго открытаго выступленія „Пролетаріата“ въ значительной степени поднялъ его авторитетъ и привлекъ къ нему многихъ сторонниковъ. Весною того же года вспыхнули окончившіеся кровавою распрavoю безпорядки среди рабочихъ въ Жирардовѣ. Въ то же самое время въ партіи произошелъ расколъ при обсужденіи вопроса о дальнѣйшей тактикѣ: Варынскій проповѣдывалъ революціонный терроръ въ духѣ „На-

родной Воли“, Пухевичъ совѣтовалъ заниматься исключительно пропагандою. Разногласіе кончилось тѣмъ, что Пухевичъ выступилъ изъ „Пролетаріата“ и образовалъ собственную группу „Солидарность“. Осенью 1883 года въ Варшавѣ начались опять аресты. Среди другихъ были арестованы Варыньскій и Пухевичъ. Это было тяжелымъ ударомъ для партіи. Какъ разъ въ это время Варыньскій намѣревался организовать въ С.-Петербургѣ покушеніе на императора Александра III. „Пролетаріатъ“ былъ уже однако столь могущественною организаціею, что даже потеря Варыньскаго и другихъ дѣятельныхъ членовъ не могла задержать его дальнѣйшаго развитія. Въ январѣ 1884 года Станиславъ Кушицкій выѣхалъ въ Парижъ и заключилъ тамъ отъ имени „Пролетаріата“ союзъ съ русскою партіею „Народной Воли“. На основаніи условій состоявшагося соглашенія Центральный Комитетъ польской партіи „Пролетаріатъ“ обязался слѣдовать въ политической борьбѣ директивѣ народовольческаго Исполнительнаго Комитета, оставляя за собою право вести самостоятельно пропаганду своихъ идей и примѣнять терроръ противъ агентовъ правительства до лицъ, занимающихъ постъ генераль-губернатора, включительно. Кроме того, оба Комитета обязались оказывать другъ другу помощь людьми и деньгами и организовали сообща „Красный Крестъ“. Вскорѣ послѣ заключенія этого союза „Пролетаріатъ“ былъ окончательно дезорганизованъ многочисленными арестами его руководителей и самыхъ видныхъ членовъ. Жестокій режимъ, которому подвергли всѣхъ арестованныхъ въ Варшавской цитадели, довелъ многихъ изъ нихъ до сумасшествія. Обвиненіе, построенное на вынужденныхъ показаніяхъ людей психически больныхъ, послужило для военнаго суда основаніемъ для вынесенія самыхъ суровыхъ приговоровъ (въ декабрѣ 1885 года). Кушицкій, Оссовскій, Бардовскій и Петручинскій были повѣшены, Маньковскій, Варыньскій, Яновичъ и Білѣкъ приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 16 лѣтъ, остальные — на меньшіе сроки. Послѣ этого разгрома

соціалистическое движеніе въ Польшѣ замираетъ и до половины 1897 года не подаетъ почти никакихъ признаковъ жизни. Какъ разъ въ это время—въ 1886 году—подъ вліяніемъ все усиливающихся репрессій возрождается національное движеніе. Общество порываетъ съ теоріями примиренія съ судьбою и, извѣрившись въ цѣлесообразности тактики выжиданія отъ правительства милости въ награду за лойяльное поведеніе, вступаетъ на путь мирной, но систематической и упорной борьбы за лучшія формы жизни.

ГЛАВА IX.

Возрожденіе патриотическихъ стремленій и развитіе соціалистическаго движенія

(1886—1904).

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія національный гнетъ въ польскихъ областяхъ Россіи и Пруссіи достигъ крайнихъ предѣловъ.

Въ 1886 году изъ Познани было изгнано 30.000 поляковъ, не состоявшихъ въ прусскомъ подданствѣ; въ той же провинціи была образована правительственная колонизаціонная комиссія съ капиталомъ въ 100 милліоновъ марокъ для выкупа земельныхъ участковъ изъ рукъ поляковъ и заселенія ихъ нѣмецкими колонистами. Въ Царствѣ Польскомъ въ 1883 году послѣ гумашаго и довольно либеральнаго Альбединскаго былъ назначенъ генераль-губернаторомъ грубый солдатъ Гурко, который припялся самымъ беззастѣнчивымъ образомъ искоренять въ Польшѣ все польское: его политика не только оскорбляла національныя чувства поляковъ и тормозила всякій прогрессъ польской культуры, и обрекала на голодъ тысячи семействъ, такъ какъ поляки, служившіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ, безъ всякаго повода были увольняемы отъ службы. Русификація распространяется даже на мѣста желѣзнодорожныхъ носильщиковъ и сторожей. На всѣ производимыя въ Польшѣ казенныя работы правительство привозитъ рабочихъ изъ центральной Россіи въ то самое время, когда десятки тысячъ польскаго пролетаріата принуждены искать заработка въ Германіи и Америкѣ. Угнетеніе католицизма, устраненіе польскаго языка изъ сельскихъ школъ, органовъ гминнаго самоуправления и суда, вызывающее поведеніе русскихъ чиновни-

ковъ, нерѣдко покровительствующихъ воровскимъ шайкамъ, (какъ, напр., извѣстный радомскій полиціймейстеръ Кирилленко)—все это начало возмущать, наконецъ, и польскаго крестьянина, который скоро забылъ о „благодѣяніяхъ“, полученныхъ въ 1864 г. отъ правительства, и постепенно проникался ненавистью къ нему. Велѣдствіе этой перемены въ настроеніи крестьянскихъ массъ русское господство въ Польшѣ теряетъ единственную свою опору въ населеніи покоренной страны.

Въ 1886 году среди польскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи возникаетъ тайная патріотическая организація подъ названіемъ „Польская Лига“, проникнутая довольно неопредѣленными демократическими принципами и сгруппированная вокругъ себя патріотовъ, желавшихъ создать нѣчто въ родѣ знаменитаго „Демократическаго Общества“. Цѣли „Лиги“ видны изъ слѣдующихъ статей ея устава: § 1. Задачей лиги является подготовка и сплоченіе всѣхъ силъ націи для возстановленія независимости Польши въ границахъ, существовавшихъ до ея раздѣловъ, на федеративныхъ началахъ, причемъ не должны быть оставлены безъ вниманія и тѣ части Рѣчи Посполитой, которыя отпали отъ нея раньше. § 2. Лига руководствуется въ своей дѣятельности принципами, изложенными въ манифестѣ бывшаго Демократическаго Общества, которые она будетъ развивать дальше въ національномъ и общественномъ направленіяхъ. § 15. Централизація (т.-е. руководящій органъ Лиги) должна обдумать и подготовить всѣ средства для активнаго народнаго выступленія въ подходящее время... § 17. Пока Польша находится подъ чужимъ владычествомъ, централизація должна стараться объ укрѣпленіи польскаго элемента и защищать его какъ отъ чуждыхъ влияній, такъ и отъ правительственныхъ гоненій, прибѣгая къ соответствующимъ мѣрамъ и пуская въ ходъ насилія и угрозы, если это окажется необходимымъ. § 18. Въ тѣхъ государствахъ, раздѣлившихъ Польшу, въ которыхъ поляки принимаютъ участіе въ политической жизни, централизація будетъ

содѣйствовать соглашеніямъ съ тѣми партіями другихъ національностей, которыя могутъ намъ гарантировать извѣстныя политическія или экономическія выгоды, не принимая на себя однако по отношенію къ указаннымъ партіямъ никакихъ постоянныхъ обязательствъ и не отступая отъ пути прогресса. Въ государствахъ, гдѣ общество не допущено къ участию въ политической жизни, централизація будетъ поддерживать революціонную дѣятельность, стремящуюся къ перемѣнѣ правительственной системы или низверженію правительства.

Лига, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, была организаціею революціонною, цѣль которой заключалась въ борьбѣ съ правительствами, угнетающими поляковъ. Одновременно съ возникновеніемъ Лиги патріоты начали собирать пожертвованія на образованіе національнаго польскаго фонда. Одинъ ея изъ руководителей, извѣстный писатель Сигизмундъ Милковскій (Т. Т. Ежъ), издалъ въ Парижѣ брошюру подъ заглавіемъ: „Объ активной оборонѣ“, въ которой подвергъ жестокой критикѣ программу „органическаго труда“ и совѣтовалъ возвратиться къ активной оборонѣ, такъ какъ только упорною борьбою поляки могутъ добиться улучшенія своей участи. Для успѣха борьбы необходимъ, между прочимъ, національный фондъ. Брошюра Милковскаго быстро распространилась въ польскомъ обществѣ и оказала сильное вліяніе на пробужденіе въ немъ національныхъ стремленій. Къ „Лигѣ“ въ скоромъ времени примкнуло большинство культурныхъ работниковъ, поставившихъ себѣ цѣлью поднятіе умственнаго уровня народныхъ массъ и образовавшихъ уже „Общество народнаго просвѣщенія“. Весьма важную роль въ исторіи общественно-политическихъ идей въ Польшѣ въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія сыгралъ варшавскій журналъ „Глосъ“, органъ польскихъ демократовъ, близкихъ по духу русскимъ народникамъ. Въ своей программѣ, опубликованной въ октябрѣ 1886 года, „Глосъ“ объявилъ себя защитникомъ интересовъ простаго народа, т.-е. крестьянъ

и рабочихъ. „Становясь на почву реальныхъ интересовъ народа, — говорилось въ этой программѣ, — мы будемъ рѣшительно отвергать претензіи тѣхъ, кто, дѣйствуя во имя тысячелѣтней культуры и традиціи, не хочетъ знать и не помнить, что идеалы этой традиціи и формы этой культуры чужды большей части націи“. Полагая, что „у народа — собственное своеобразное понятіе о счастья, не укладывающееся въ рамки абстрактныхъ или перенесенныхъ съ чужой почвы формулъ“, „Глосъ“ общалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „бороться съ апостолами космополитическаго социализма“. Самыми видными представителями группы „Глоса“ были Іосифъ Потоцкій и Янъ Поплавскій, нынѣ одинъ изъ столповъ народно-демократической партіи. Постепенно между польскими народниками и поклонниками принциповъ „Демократическаго Общества“ наступаетъ сближеніе, и обѣ эти группы образуютъ одинъ лагерь активнаго патриотизма, который сдѣлался вскорѣ отцомъ могущественной партіи народной демократіи (такъ называемые „народовцы“). Объединяя самые разнообразные элементы, начиная съ патриотовъ шляхетскаго покроя и кончая социаль-патриотами, лагерь національной обороны отличался неопредѣленностью социальнаго міровоззрѣнія и не имѣлъ никакой ясно выраженной классовой окраски: потребовалось около десяти лѣтъ для того, чтобы „народовцы“ сдѣлались типичными выразителями идеаловъ и интересовъ мелкой и средней буржуазіи. „Въ началѣ девяностыхъ годовъ — говоритъ А. Плохоцкій — патриотическое движеніе, руководимое „Лигою“, охватываетъ значительную часть интеллигенціи. Оно проявляется въ распространеніи многочисленныхъ прокламацій, въ манифестаціяхъ, приуроченныхъ къ годовщинамъ различныхъ историческихъ событій, и, наконецъ, въ уличныхъ демонстраціяхъ*). Это приводитъ къ закрытію „Глоса“, къ

1) 3 мая 1891 года въ Варшавѣ была устроена демонстрація въ столѣтнюю годовщину изданія конституціи 3-го мая, а въ 1894 г. — въ годовщину возстанія Косцюшки.

массовымъ арестамъ среди патріотической интеллигенціи и къ эмиграціи въ Галицію главныхъ руководителей движенія“. По мѣрѣ все усиливающихся репрессій и гоненій противъ католицизма и польской культуры, во всѣхъ слояхъ польскаго общества растетъ глубокая, можно сказать, болѣзненная привязанность ко всему родному, такъ грубо поносимому и запрещенному. Молодежь, получающая образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обращенныхъ пресловутымъ попечителемъ Варшавскаго округа Апухтинымъ въ настоящіе полицейскіе участки, выходитъ изъ нихъ проникнутою отвращеніемъ и непримиримою ненавистью къ Россіи. Вся энергія народа уходитъ на ежедневную борьбу съ мелочными, но чувствительными оскорбленіями, наносимыми національному „я“. Общественная жизнь подавлена. Всѣ болѣе или менѣе дѣятельные элементы уходятъ въ подполье. Прошлое родной страны, угнетаемой и истерзанной чужеземцами, начинаетъ казаться чѣмъ-то святымъ, свѣтлымъ, достойнымъ поклоненія и беззаветной любви. Исторія Польши становится настоящимъ евангеліемъ, которое польскій ребенокъ учится чтить, какъ святыню. Появляются писатели, иногда съ огромнымъ талантомъ, какъ, напр., Генрикъ Сешкевичъ, которые идеализируютъ въ своихъ сочиненіяхъ шляхетскую старину и гипнотизируютъ общество разсказами о невѣроятныхъ подвигахъ воинственныхъ шляхтичей XVII вѣка. Всѣ эти факторы способствуютъ необыкновенному росту патріотическихъ чувствъ, какъ бы отодвигая на второй планъ всѣ другіе запросы и стремленія человѣческаго духа. Идея національнаго самосохраненія дѣлается центральной, господствующею идеею въ польской психикѣ, настоящею *idée-force*, отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ полякъ, независимо отъ класса, сословія или состоянія.

Въ то же самое время крупное землевладѣльческое дворянство и богатая промышленная и финансовая буржуазія въ своихъ органахъ—варшавскомъ „Словѣ“ и петербургскомъ

„Краѣ“—развиваютъ такъ называемую „угодovou“ программу *), сущностью которой являлось примиреніе съ судьбою, необходимое для обезпеченія за названными двумя группами преобладанія въ общественной жизни и сохраненія хорошихъ отношеній съ правительствомъ. Тѣсный союзъ съ правительствомъ былъ для нихъ особенно важнымъ въ виду постоянно усиливающагося роста рабочаго движенія и громаднаго значенія для польской промышленности русскихъ рынковъ. Вступленіе на престолъ императора Николая II, начавшаго свое царствованіе съ устраненія ненавистнаго Гурко, возбудило среди поляковъ свѣтлыя надежды на лучшее будущее. „Угодовцы“ (дословно значить: примирители) воспользовались этимъ настроеніемъ и стали усиленно поддерживать его, распуская слухи о предстоящихъ льготахъ и уступкахъ требованіямъ поляковъ. Общество увѣровало, что, наконецъ, его тридцатилѣтнее терпѣніе, его покорность и отказъ отъ какихъ бы то ни было попытокъ къ отторженію отъ Россіи будутъ вознаграждены. Личность новаго генералъ-губернатора князи Имеретинскаго, отличавшагося утонченною вѣжливостью и любезностью въ обращеніи, еще болѣе располагала поляковъ къ „угодѣ“. „Осенью 1897 г.,—говоритъ Плохоцкій,—передъ пріѣздомъ императора Николая II въ Варшаву партія примирителей съ полною справедливостью могла сказать, что все польское общество, за исключеніемъ социалистовъ, находится въ ихъ лагерѣ. Національ-демократія какъ будто исчезла: ея штабъ вдругъ оказался безъ арміи“.

Эта политическая идиллія продолжалась, однако, недолго: поляки очень скоро убѣдились, что все осталось и останется безъ измѣненія. Обрусительныя тенденціи правительства даже усилились. Обнародованіе тайной записки кн. Имеретинскаго, предлагавшаго сдѣлать полякамъ весьма незначительныя уступки и то только ради противодѣйствія оппозиціонному

*) Видными представителями угодовой партіи были В. Д. Спасовичъ, Э. Пильць, Л. Стрешевичъ и др.

движенію, развитіе котораго являлось, очевидно, единственнымъ мотивомъ къ проведенію хоть какихъ-нибудь реформъ. окончательно подорвало въ польскомъ обществѣ авторитетъ угодниковъ. Къ концу девяностыхъ годовъ усиливается опять вліяніе національ-демократовъ.

Отмѣченный выше ростъ патріотическаго движенія послѣ 1886 года совпалъ съ серьезнымъ кризисомъ, который переживало тогда польское социалистическое движеніе, не успѣвшее такъ скоро оправиться послѣ разгрома „Пролетаріата“. Въ 1886 году не существовало никакой социалистической организаціи. Только среди учащейся молодежи образовалось нѣсколько кружковъ, занимавшихся изученіемъ социальныхъ наукъ и пришедшихъ къ чисто-социалистическимъ убѣжденіямъ. Членами одного изъ этихъ кружковъ были извѣстные впоследствии писатели и общественные дѣятели, какъ, напр. Людвикъ Кульчицкій, В. Студницкій и др. Въ 1887 г. эти молодые люди завязали сношенія съ ремесленниками и рабочими и занялись пропагандою социалистическихъ идей. Въ слѣдующемъ году они рѣшились объединиться и образовали новую организацію, принявшую старое названіе: „Пролетаріатъ“. Эта организація просуществовала до 1892 г. Она стояла на точкѣ зрѣнія международнаго социализма, рѣзко выступала противъ патріотовъ и настаивала на тѣсномъ союзѣ между польскими социалистами и русскою партіею „Народной Воли“, которой она оказывала дѣятельную поддержку въ техническихъ работахъ. Въ 1889 г. въ Цюрихѣ были арестованы нѣкоторые русскіе и польскіе эмигранты, занимавшіеся тамъ изготовленіемъ бомбъ. Анелевскій и Кассиушъ были выданы впоследствии германскими и австрійскими властями русскому правительству. Арестованные еще ранѣе Кульчицкій, Зельцеры, Щепанскій, Гацельсманъ, Теплицъ были приговорены къ тюремному заключенію на время отъ 2½ до 5 лѣтъ; Студницкій былъ сосланъ въ Сибирь. Несмотря на потерю самыхъ дѣятельныхъ своихъ членовъ, второй „Про-

летаріатъ“ продолжалъ свою пропаганду между рабочими и руководилъ даже въ 1889 г. многими забастовками. Въ томъ же 1889 г. въ польскомъ социализмѣ возникаетъ національное теченіе, органомъ котораго былъ парижскій журналъ „Сигналъ“ („Робудка“). Это направленіе являлось продолженіемъ „Польскаго Народа“. На ряду съ чисто-соціалистическими требованіями оно выдвигало на первый планъ независимость Польши. Руководство исключительно экономическою борьбою рабочаго класса взялъ на себя „Союзъ польскихъ рабочихъ“, по многимъ вопросамъ расходившійся съ „Пролетаріатомъ“. Въ 1890 году польскіе социалисты напрягли всю свою энергію, чтобы въ первый разъ отпраздновать, согласно резолюціи парижскаго международнаго социалистическаго конгресса (1889 г.), день 1-го мая. Ихъ усилія въ этомъ направленіи привели въ слѣдующемъ 1891 году къ грандіознымъ демонстраціямъ рабочихъ 1-го мая въ Жирардовѣ, Лодзи и Варшавѣ. Въ 1892 году майскій праздникъ въ Лодзи превратился въ открытое возмущеніе, окончившееся кровавымъ столкновеніемъ съ войсками и стоившее около сотни рабочихъ жизней. Въ то же время польскій социализмъ приближался въ своей эволюціи къ новому кризису, вызванному всецѣло непормальными политическими условіями польской жизни. Мы имѣемъ въ виду несуществующій для русскихъ социалистическихъ организацій вопросъ о сверженіи чужеземнаго ига, дающаго себя чувствовать въ Польшѣ всѣмъ классамъ населенія. Національный гнетъ—это самая ненавистная, самая оскорбительная и нелѣпая форма глумленія надъ человѣческой личностью. Ненависть къ обрусителямъ или германизаторамъ заставляетъ польскаго рабочаго удѣлять значительную долю своего вниманія вопросу о національномъ освобожденіи, и благодаря этому такъ называемый патріотическій элементъ рано или поздно проникаетъ, наперекоръ всѣмъ теоретическимъ построеніямъ ортодоксальнаго социализма, въ программы наиболѣе вліятельныхъ польскихъ социалистическихъ партій.

Въ половинѣ 1892 года въ рабочихъ кружкахъ въ Варшавѣ велись оживленные дебаты о національномъ вопросѣ, подѣ влияніемъ которыхъ возникаетъ мысль объ образованіи единой социалистической организаціи, которая дѣйствовала бы въ предѣлахъ русской Польши и выступила бы противъ угнетенія польской національности. Осенью въ Парижѣ состоялся съѣздъ польскихъ социалистовъ, на которомъ былъ принятъ пунктъ о включеніи въ программу требованія независимости Польши*). Выработка соответствующей резолюціи была поручена Станиславу Мендельсону. Этотъ поворотъ въ развитіи польскаго социализма Л. Кульчицкій объясняетъ тремя причинами: 1) временнымъ упадкомъ революціоннаго движенія въ Россіи; 2) преувеличеннымъ понятіемъ о силѣ социалистическаго движенія въ русской Польшѣ и 3) ростомъ патріотической оппозиціи. Парижскій съѣздъ 1892 г. положилъ начало самой могущественной социалистической организаціи въ Польшѣ, извѣстной подѣ названіемъ польской социалистической партіи (П. П. С.) Сущность ея программы, сформулированной въ 1893 г., характеризуется слѣдующими положеніями: „польская социалистическая партія въ качествѣ политической организаціи польскаго рабочаго класса, ведущаго борьбу за освобожденіе отъ ига капитализма, стремится прежде всего къ уничтоженію современнаго политическаго рабства и къ завоеванію власти для пролетаріата. Въ этомъ стремленіи ея цѣлью является независимая демократическая республика, политическая и экономическая организація которой осуществляла бы требованія, выставляемыя всемъ международнымъ социаль-демократическимъ лагеремъ. Польская социалистическая партія не видитъ возможности осуществленія какого-нибудь изъ пунктовъ своей программы, пока надъ Польшей тяготѣетъ

*) Теоретической разработкою этого пункта программы п. п. с. занимались недавно скончавшійся молодой ученый Казимиръ Краузь и Владиславъ Гумиловичъ.

двойное иго: русскаго завоеванія и самодержавія. Единственный выходъ изъ этого положенія—это революція, вооруженное возстаніе, для котораго слѣдуетъ исподволь подготовить всѣ силы пролетаріата“. Группа, несогласная съ патріотической окраской п. п. с., вскорѣ вышла изъ этой организаціи и образовала такъ называемую социаль-демократію Царства Польскаго (въ іюлѣ 1893 г.), которая не сумѣла, однако, завоевать себѣ болѣе или менѣе прочныя симпатіи и спустя два года прекратила свое существованіе. Между тѣмъ, п. п. с. развила чрезвычайно интенсивную дѣятельность съ цѣлью организовать фабрично-заводскій пролетаріатъ въ промышленныхъ центрахъ: Варшавѣ, Лодзи, Домбровѣ, Бѣлостокѣ и др. Съ 1894 г. она издаетъ въ Варшавѣ, преодолевая неимоверныя трудности этого опаснаго предпріятія, свой officialный органъ „Работникъ“.

Въ то же время патріоты, группировавшіеся вокругъ Національной Лиги образовали также сплоченную партію подѣ названіемъ „Народовая Демократія“ (въ 1896 г.). Органомъ послѣдней является выходящій въ Галиціи журналъ: „Всепольское Обозрѣніе“. Главною своею задачею народовцы считаютъ возстановленіе польскаго государства, такъ какъ только подѣ сѣнью національной государственности можетъ быть обезпечено свободное и полное развитіе польскаго народа и польской культуры. Что касается тактики, то взгляды на нее мѣняются у народовыхъ демократовъ сообразно съ особенностями даннаго момента: въ 1896 году они рекомендовали осуществлять максимальную сумму національныхъ требованій, исходя изъ существующихъ политическихъ условий; въ 1899 году „Всепольское Обозрѣніе“ говорило о завоеваніи Польши кровью и желѣзомъ, въ 1900 году тотъ же органъ настаиваетъ на образованіи польской военной организаціи, а въ маѣ слѣдующаго года высказываетъ мнѣніе, что въ настоящее время нельзя думать даже о подготовительной работѣ къ борьбѣ за независимость.

По мѣрѣ того, какъ въ нѣдра народо-демократической партіи входитъ, послѣ крушенія примирительной политики угодовцевъ, представители средней буржуазіи, землевладѣльческой шляхты и духовенства, революціонный характеръ ея и демократическія тенденціи испытываютъ интересную эволюцію, оставаясь исключительно въ народной фразеологіи, но въ дѣйствительности уступая постепенно мѣсто реакціоннымъ стремленіямъ въ соціальной области и тактическому оппортунизму въ политикѣ. Въсѣтъ съ тѣмъ вожди національ-демократіи, переедившіеся послѣ разгрома группы варшавскаго „Глоса“ въ Галицію, начинаютъ проявлять въ новыхъ для себя условіяхъ галиційской жизни агрессивный націонализмъ и крайнюю нетерпимость по отношенію къ русинамъ. Появляются, наконецъ, теоретики польскаго націонализма въ лицѣ Сигизмунда Балицкаго и Романа Дмовскаго, создавшихъ оригинальную доктрину національнаго эгоизма, какъ высшаго принципа человѣческой этики. Культъ грубой силы, составляющій, по мнѣнію національ-демократовъ, главный залогъ свободы и счастья націи, доходитъ у этихъ писателей — въ особенности у Дмовскаго — прямо до цинизма. Даже самое возмутительное насиліе и несправедливость находятъ у нихъ оправданіе, если они совершаются во имя счастья и могущества родины.

Понимая хорошо, что въ наше время нельзя и мечтать о какомъ-либо возрожденіи Польши, не опираясь при этомъ на крестьянскія массы, народо-демократія занялась усиленною пропагандою своихъ взглядовъ въ деревнѣ. Съ этою цѣлью она стала издавать въ Краковѣ съ 1896 г. популярный журналъ „Полякъ“, предназначенный для распространенія между крестьянами русской Польши. Это изданіе имѣло огромный успѣхъ и развило въ польскомъ крестьянствѣ сильныя патріотическія чувства, окрашенныя яркою ненавистью ко всему русскому. Въсѣтъ съ тѣмъ патріотическая идеологія затемняла сознаніе непримиримаго противорѣчія экономическихъ интересовъ землевладѣльческой шляхты и крестьянъ, и способство-

вала закабаленію послѣднихъ въ цѣпяхъ духовенства и помѣщиковъ. Такимъ образомъ, національная демократія, ведущая свое происхожденіе отъ радикальнаго народничества, сдѣлалась съ теченіемъ времени клерикально-шляхетскою партіей, стоящей на стражѣ кровныхъ интересовъ привилегированныхъ классовъ. Такое положеніе, созданное естественною эволюціею польскаго націонализма, должно было неминуемо поставить народовцевъ лицомъ къ лицу противъ социалистовъ. Между Н. Д. и П. П. С. загорѣлась ожесточенная борьба, принимающая все болѣе рѣзкія формы по мѣрѣ того, какъ рабочій пролетаріатъ, руководимый п. п. с., началъ все рѣшительнѣе выступать въ защиту своихъ правъ. 1897 годъ былъ для польскихъ рабочихъ годомъ непрерывныхъ забастовокъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ закончились кровавыми столкновеніями съ войсками (напримѣръ, въ Гутѣ Банковой, въ сентябрѣ 1897 г.). Въ началѣ 1898 года въ Варшавѣ вспыхнули крупныя забастовки послѣ изданія закона о 11^{1/2}-часовомъ рабочемъ днѣ. Законъ этотъ, представляющій собою для коренной Россіи нѣкоторый шагъ впередъ, оказался весьма невыгоднымъ для польскихъ рабочихъ, такъ какъ въ Польшѣ рабочій день былъ фактически короче. Рабочіе сумѣли отстоять на этотъ разъ свое право и не допустили удлиненія рабочаго дня.

Въ 1900 году возникаютъ двѣ новыя социалистическія организаціи: „Пролетаріатъ“ и „соціалъ-демократія П. Польск. и Литвы“, чуждыя патріотическихъ стремленій п. п. с. и отличающіяся между собою, главнымъ образомъ, своими взглядами на тактику. Въ то время, какъ Пролетаріатъ стоялъ за терроръ, с. д. П. Польск. и Литвы допускали исключительно мирныя средства борьбы. Кромѣ того, Пролетаріатъ, не отрицая возможности и желательности возрожденія независимой Польши, выставилъ требованіе территориальной автономіи Царства Польскаго въ будущей конституціонной Россіи. Что же касается с.-д. Польши и Литвы, то она отвергаетъ идею са-

мостоятельнаго польскаго государства, полагая, что эта идея противорѣчитъ общей тенденціи современной капиталистической эволюціи. Эту мысль пыталась весьма подробно развить въ своихъ статьяхъ извѣстная соціалъ-демократка Роза Люксембургъ.

Объ вышеназванныя организаціи не играли вначалѣ хотя бы сколько-нибудь замѣтной роли въ общественно-политической жизни. Только съ 1904 года соціалъ-демократія Царства Польскаго и Литвы пріобрѣтаетъ довольно значительное вліяніе среди рабочихъ въ г. Лодзи и въ нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ центрахъ Царства Польскаго.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Событія 1904—1907 г.

Мы приближаемся къ концу нашего обзора столѣтней борьбы польскаго народа за освобожденіе. Читатель видѣлъ, какъ эта борьба постепенно мѣняла свои формы и въ 1863 году въ послѣдній разъ вылилась въ общенациональное вооруженное возстаніе, принявъ затѣмъ другое направленіе, обусловленное, съ одной стороны, кореннымъ измѣненіемъ общественно-экономической структуры Царства Польскаго, а съ другой—полною невозможностью новой польско-русской войны въ виду чудовищнаго неравновѣсія силъ противниковъ. Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ русское правительство непрерывно давило Польшу всею тяжестью своей обрусительной политики, опираясь на 300-тысячную армію и на искусственно созданный изъ подонковъ русскаго общества механизмъ чиновниковъ, приспособленный къ искорененію въ польскомъ народѣ всякой живой, свободной мысли и веѣхъ задатковъ прогрессивнаго развитія. Въ теченіе этого времени жизнь цѣлой культурной страны „задерживается—по выраженію одного польскаго писателя—на точкѣ, безусловно мертвой, въ мрачномъ тупикѣ репрессій. А сорокъ лѣтъ—вѣдь это почти полстолѣтія,—періодъ, равный тому, въ которомъ помѣстившеся когда-то раздѣлъ Рѣчи Посполитой, Герцогство Варшавское, конституціонное Царство Польское, возстаніе 31-го года, а теперь вмѣстѣ лишь одинъ продолжающійся безъ конца, безъ цѣли, безъ смысла, тупой анахронизмъ гнета. За эти 40 лѣтъ измѣнился обликъ міра, на Западѣ и на Востокѣ возникли новыя госу-

дарства, появились новыя теченія мысли, открылись широкія соціальныя перспективы, подвинулись впередъ культура, исторія, все человѣчество, выросъ также и видоизмѣнился польскій народъ. Только польскій вопросъ въ Россіи стоитъ на мѣстѣ неподвижно, какъ болото, стоитъ все тамъ же, гдѣ его поставила 40 лѣтъ тому назадъ не творческая идея органической эволюціи, но безмысленный и грубый размахъ гнетущей силы. „Мы даемъ — говоритъ тотъ же писатель — русскому государству больше, чѣмъ можемъ“: 10⁰/₀ общаго состава русской арміи, т. -е. около 100 тысячъ человѣкъ въ мирное время, а 300 тысячъ во время войны составляютъ поляки. Изъ одного Царства Польскаго правительство ежегодно беретъ въ солдаты 25 тысячъ рекрутъ и отправляетъ ихъ въ чужіе края, въ самыя отдаленныя области громадной имперіи. Государственные доходы, поступающіе ежегодно съ Царства Польскаго, равняются 150 милліонамъ рублей. Среднимъ числомъ на каждаго жителя Царства это составляетъ около 15 руб., т. -е. вдвое и даже втрое больше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Изъ этихъ 150 милліоновъ рублей $\frac{1}{3}$ идетъ на содержаніе находящихся въ Польшѣ русскихъ войскъ; вторая $\frac{1}{3}$ — на содержаніе русской администраціи; незначительная часть — на общественныя нужды, а весь остатокъ, т. -е. въ среднемъ отъ 10—15 милліоновъ, поступаетъ въ казну въ качествѣ чистаго дохода.

Такимъ образомъ, поляки являются въ своей родной странѣ какъ бы жильцами въ чужомъ домѣ, снимающими его за произвольно назначенную хозяиномъ плату и находящимися всецѣло во власти этого хозяина.

На 7 милліоновъ сельскаго населенія Царство Польское имѣетъ едва 2 $\frac{1}{2}$ тысячи начальныхъ училищъ. Въ этихъ сельскихъ школахъ, предназначенныхъ для поляковъ, не преподаютъ роднаго языка учащимся. Руководство школою принадлежитъ не обществу, а полицейскому комиссару и земскому стражнику. Вполнѣ понятно, что польскій крестьянинъ

сторонится такой школы, а его ребенок ненавидит ее. Изъ всего количества учащихся около 75⁰/₀ уже по истеченіи одного года перестаетъ посѣщать школу и едва 4⁰/₀ кончаютъ курсъ. Въ такомъ же положеніи находятся и городскія училища. Среднія учебныя заведенія являются учрежденіями, преслѣдующими исключительно цѣли обрусенія. Преподавательскій персоналъ состоитъ изъ людей невѣжественныхъ и продажныхъ, которые видятъ главное назначеніе русскаго учителя въ Польшѣ въ оскорбленіи и поношеніи всего того, что польскій ребенокъ чититъ въ семьѣ, какъ самую заветную святыню. Нужно знать, съ какою горькою болью въ сердцѣ родители-поляки ведутъ въ эти „разсадники русскаго просвѣщенія“ своихъ сыновей, съ какимъ глубокимъ отвращеніемъ польскіе юноши остаются въ этихъ школьныхъ казематахъ. Восьмилѣтнее пребываніе въ гимназіи въ Царствѣ Польскомъ, это—восьмилѣтняя душевная каторга для польской молодежи. Варшавскій университетъ, наконецъ, занимаетъ послѣднее мѣсто не только въ Европѣ, но и въ Россіи. За 30 лѣтъ существованія этого университета изъ него не выпелъ ни одинъ видный ученый, ни одинъ выдающійся писатель или общественный дѣятель. Какіе результаты принесла долготѣльная дѣятельность русскихъ культуртрегеровъ на „западной окраинѣ“, на это лучший отвѣтъ даетъ одна лишь цифра неграмотныхъ между рекрутами изъ Царства Польскаго: она равняется 82⁰/₀! Даже въ коренной Россіи этотъ процентъ ниже (65⁰/₀). Въ официальномъ отчетѣ комитета министровъ, предназначенномъ для Западной Европы (Statesman's Handbook for Russia ed by the Chancery of the Committee of ministers) мы встрѣчаемъ слѣдующую позорную фразу: „самый низкій процентъ грамотныхъ между новобранцами даетъ Царство Польское и Сибирь“. Итакъ, Царство Польское, одна изъ самыхъ культурныхъ частей русскаго государства, низведено стараніями „русскихъ дѣятелей“ на уровеньъ азіатскихъ тайгъ и степей. Поистинѣ это—

настоящее уничтоженіе культуры. Послѣдствія такой политики не заставили себя долго ждать. Они проявились, между прочимъ, въ устрашающемъ ростѣ преступности. Въ теченіе десяти лѣтъ (1895—1905 г.) она возросла въ польскихъ губерніяхъ на 45%, во внутренней Россіи только на 14%.

Судъ является въ Польшѣ слѣпымъ орудіемъ обрусительной политики правительства. Онъ выноситъ оправдательные приговоры даже завѣдомымъ преступникамъ, если они русскіе и православные, а ихъ жертвы принадлежатъ къ „лицамъ польскаго происхожденія“. Кто не помнитъ громкихъ процессовъ Бартенева, убившаго артистку Висновскую, и проф. Зѣнца, насилловавшаго въ больницѣ больныхъ женщинъ. Въ Царствѣ Польскомъ до сихъ поръ нѣтъ суда присяжныхъ— между прочимъ, потому, что нельзя ввести его съ русскимъ языкомъ, а съ польскимъ—не допускаетъ система.

Общественная самодѣятельность подавлена въ корнѣ. Нѣтъ ни земскаго, ни городского самоуправленія. Гминное самоуправленіе изуродовано полицейскими правилами и отдано всецѣло во власть администраціи.

Цензура тормозитъ развитіе литературы въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Россіи, а періодическая печать вынуждена заниматься пережевываніемъ городскихъ сплетенъ и молчать о важнѣйшихъ вопросахъ народной жизни.

Дифференціальныя тарифы, установленныя въ интересахъ русскихъ экспортеровъ хлѣба и фабрикантовъ центрального промышленнаго района, убиваютъ польское земледѣліе и подрываютъ развитіе польской промышленности.

Въ отношеніи путей сообщенія нѣкоторыя уѣзды польскихъ губерній напоминаютъ турецкіе вилайеты. Хроническое расхищеніе такъ называемыхъ дорожныхъ капиталовъ дѣлаетъ невозможнымъ улучшеніе этого положенія. Желѣзныя дороги проводятся въ Царствѣ Польскомъ, главнымъ образомъ, по стратегическимъ соображеніямъ и поэтому этотъ край съ сильно развитой промышленной и торговой жизнью имѣетъ

сравнительно меньше желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ Россія: на 10.000 жителей въ Польшѣ приходится по 2,7 километра желѣзнодорожной линіи, въ Россіи—по 3,2 кил.

Мы коснулись слегка отдѣльныхъ сторонъ системы русскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ; но уже изъ этого краткаго перечня читатель можетъ составить себѣ общее представленіе объ условіяхъ польской жизни. Такъ какъ весь правительственный аппаратъ въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ въ виду лишь выколачиваніе податей и обрусеніе покореннаго народа, то все государственныя учрежденія служатъ не своему прямому назначенію, а исключительно цѣлямъ политическимъ. Судъ не творитъ правосудія, школа не учитъ, губернскія, уѣздныя, гминныя и городскія учрежденія не заботятся о хозяйственномъ процвѣтаніи края, но все эти правительственные органы занимаются, прежде всего, обрусеніемъ. Легко себѣ представить, какой хаосъ господствуетъ въ странѣ, гдѣ жизнь не опирается на прочный фундаментъ права, а является какой-то безпорядочною кучею событій, подверженной воздѣйствію самаго наглаго произвола официальныхъ стражей порядка. Въ этой зараженной атмосферѣ безправія и насилія гибнутъ лучшія стороны человѣческой природы. Извѣстно вѣдь, что русская бюрократія за все время своего господства въ Польшѣ старалась деморализовать польское общество и всячески развращала его. Все польскіе измѣнники, предатели, угнетавшіе свой собственный народъ и перешедшіе ради карьеры въ православіе, щедро награждались и осыпались всевозможными милостями и почестями *) Въ то же самое время полякъ, оставшійся вѣрнымъ себѣ и своему народу и не желающій отказаться по приказу начальства отъ своего „я“, долженъ либо лгать и обманывать, — ре-

---

*) На это обстоятельство обратилъ, между прочимъ, вниманіе проф. Кузьминъ-Караваевъ на ноябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей (1905 г.).

бенкомъ въ школѣ, а въ зрѣломъ возрастѣ при всѣхъ сношеніяхъ съ властями,—либо въ открытой борьбѣ погибнуть.

Говоря о гнетѣ, который испытываетъ Польша, все ея русскіе друзья видятъ въ немъ единственно преслѣдованіе польскаго языка, гоненіе католической вѣры и т. п. „Я,— писалъ въ 1895 году Л. Н. Толстой,—не будучи вовсе полякомъ, вполне солидаренъ съ каждымъ полякомъ въ степени негодованія и возмущенія тѣми глупыми средѣствами русскихъ правительственныхъ тузовъ, которыя они употребляютъ противъ вѣры и языка поляковъ“. Возмущаясь вмѣстѣ съ Толстымъ, ни одинъ русскій не можетъ, однако, чувствовать всю тяжесть чужеземнаго гнета, ни отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ этого гнета, такъ какъ самъ не испыталъ его. Для русскаго человѣка его національность—все равно, что воздухъ: онъ не чувствуетъ ея, какъ не чувствуетъ и воздуха. И потому русскимъ интеллигентамъ кажется, что они—чистые космополиты и чужды тѣхъ національныхъ „предразсудковъ“, которыми пропитаны поляки, мечтающіе о своей „ойчизинѣ“. На самомъ дѣлѣ, эти „космополиты-всечеловѣки“ остаются русскими до мозга костей, но совершенно не сознаютъ этого, такъ какъ никогда не находились въ условіяхъ, которыя заставили бы ихъ заявить протестъ противъ насилія надъ національной стороною ихъ личности и громко крикнуть въ лицо насильникамъ: „Я—русскій!“ Между тѣмъ, полякъ живетъ въ такихъ условіяхъ съ первыхъ дней своей сознательной жизни. Національный вопросъ является для него тяжелымъ кошмаромъ, отъ котораго онъ не въ силахъ освободиться. Этотъ вопросъ виситъ надъ каждымъ современнымъ полякомъ, какъ проклятое *fatum*, мѣшающее ему быть просто „человѣкомъ“. *И весь трагизмъ положенія польскаго народа заключается вовсе не въ томъ, что могутъ погибнуть его національныя особенности, а въ томъ, что вся его энергія направлена и уходитъ не на всестороннюю культурную работу и не на соз-*

даніе болѣе совершенныхъ формъ жизни, а, главнымъ образомъ, на борьбу за ту естественную среду, которая дается даромъ вѣмъ независимымъ народамъ. Растрачиваніе народныхъ силъ въ такого рода неизбежной, но безплодной борьбѣ отзывается убійственно на развитіи страны, потому что идея національнаго самосохраненія является по самому своему существу категоріею мертвой, неподвижной, неспособной къ плодотворной эволюціи, какъ тѣ великіи идеи, которыми всоудушевленъ въ наше время избранный авангардъ человѣчества.

И вотъ почему угнетенный чужеземцами народъ обреченъ на постепенное увыданіе. Онъ потеряетъ для человѣчества и для культуры.

Въ такомъ положеніи находитесь теперь поляки въ Герцогствѣ Познанскомъ и въ Прусской Силезіи. Борьба съ германизаціею и нѣмецкою колонизаціею поглощаетъ тамъ вѣ силы народа. Литература, наука, періодическая печать—въ упадкѣ, зато процвѣтають клерикализмъ и фанатическая привязанность ко всему родному, польскому. Вѣ цѣнности жизни подвергаются въ этихъ условіяхъ уродливой переодбикѣ. Право молиться на своемъ языкѣ становится великою цѣлью, ради которой сотни тысячъ людей приносятъ громадныя жертвы: платятъ штрафы, теряютъ заработокъ, идутъ въ тюрьмы. Польскіе фабрично-заводскіе рабочіе въ Силезіи, забывая о своихъ ближайшихъ пролетарскихъ пуждахъ, голосуютъ на выборахъ не за социаль-демократовъ, а за польскихъ народовцевъ.

Въ подобномъ же положеніи находилось до недавняго времени и Царство Польское, съ тою лишь разницею, что здѣсь нѣтъ никакихъ экономическихъ данныхъ для русской колонизаціи, а, кромѣ того, молодая русская культура не можетъ быть такъ опасна для польской національности, какъ старая, могущественная культура германская. Въ теченіе сорока лѣтъ русская Польша жила въ условіяхъ, пригодныхъ для суще-

ствования дикарей, и нужно удивляться жизнеспособности и стойкости польского народа, который перенес этот чудовищный гнет и сохранил в себе еще огромный запас сил для новой отчаянной борьбы в исторические дни русской революции. Можно даже сказать, что Польша первая подала сигнал к этой борьбе, вступив на путь антиправительственных манифестаций вскоре после начала русско-японской войны. Напрасно угодники пытались организовать комедию „втрюподданнических чувств“ по случаю отправки русских войск на Дальний Восток. Даже учреждение польского санитарного отряда варшавским архиепископом Попелем было встречено враждебно и вызвало демонстрацию, окончившуюся битьем окон в дом архиепископа. Самую дѣятельную роль в этом движении играла польская социалистическая партия (п. п. с.), начавшая с 13 ноября 1904 года организовывать вооруженные демонстрации и целый ряд террористических покушений. „Нападения на правительственные учреждения, порча казенных зданий и памятников русского господства в Польше, взрывы мостов и железнодорожных путей во время мобилизации—вот формы, в которые отлилось революционное движение П. П. С. накануне исторических январских событий 1905 года“.

Самая могущественная в Польше народно-демократическая партия, высказывая откровенно свою радость по поводу поражений России, придерживалась другой тактики, советуя избѣгать всяких активных выступлений и ждать спокойно исхода войны, которая должна была, по мнению националь-демократов, „приблизить момент перестройки политической системы государства и... заставить Россию изменить политику по отношению к угнетенным народностям“. Вскоре националь-демократы вышли из своей пассивной роли и организовали в сельских гминах сильное движение в пользу введения польского языка в гминное дѣлопроизводство.

Прогрессивная интеллигенція, группирувавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ вокругъ издаваемого Александромъ Свентоховскимъ журнала „Правда“, образовала въ то же время особую партію подъ названіемъ: „союзъ прогрессивной демократіи“ (П. Д.), провозгласившую въ первый разъ открыто и опредѣленно лозунгъ автономіи Царства Польскаго.

Петербургскія событія 9 января 1905 года нанесли себѣ въ Царствѣ Польскомъ чуть ли не самый громкій и живой откликъ во всемъ государствѣ. „Начиная съ Варшавы и Лодзи и кончая самыми маленькими мѣстечками, гдѣ не было никакихъ крупныхъ промышленныхъ предприятий, повсюду польскіе рабочіе бастовали въ знакъ солидарности съ петербургскимъ пролетаріатомъ. Эта забастовка охватила даже все разбросанные въ провинціи вѣпокуренные, сахарные и лѣсопильные заводы, мало-по-малу переходя и въ деревню, гдѣ она вызвала стачечное движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ очень крупныхъ размѣрахъ. Въ общемъ бастовало слишкомъ 600,000 рабочихъ“^{*)}.

Ростъ революціоннаго движенія въ Россіи, возбуждая среди поляковъ надежды на освобожденіе также и ихъ родины отъ гнета русской бюрократіи, приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ все политическія партіи въ Польшѣ къ убѣжденію, что интересы свободной Польши тѣсно связаны съ будущностью свободной Россіи. Отсюда возникаетъ стремленіе къ установленію болѣе близкой связи между русскимъ и польскимъ освободительнымъ движеніемъ. Уже въ концѣ 1904 года національ-демократы и польская социалистическая партія принимаютъ участіе въ парижской конференціи русскихъ конституціоналистовъ, социаль-революціонеровъ, финляндской партіи активнаго сопротивленія и др.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года состоялся въ Москвѣ русско-польскій съѣздъ при участіи представителей Н. Д. и П. Д. и

*) Л. Плохойскій, „Современная Польша“, стр. 202.

выдающихся русских дѣятелей: П. Н. Милюкова, О. О. Кошкина, кн. Д. И. Шаховского, О. Н. Родичева, М. Т. Мандельштама, Н. Н. Щенкина, Якушкина, Гольцева и др. На этомъ съѣздѣ поляки (Б. Сброшевскій, С. Кеминеръ, С. Герингъ, С. Балицкій, Гарусевичъ, Ледницкій и др.) пытались доказать, что единственнымъ способомъ разрѣшенія вопроса о польско-русскихъ отношеніяхъ является предоставленіе Царству Польскому самой широкой автономіи. Русскіе дѣятели, относясь въ общемъ сочувственно къ требованіямъ поляковъ, считали однако необходимымъ заявить, что „ни одна прогрессивная русская партія не можетъ въ настоящее время включить пунктъ объ автономіи Польши въ свою программу, такъ какъ подобное требованіе оттолкнуло бы отъ партіи многихъ ея сторонниковъ“ (Родичевъ). Значительныя разногласія проявились также при обсужденіи вопроса о характерѣ и границахъ будущей польской автономіи. Въ результатѣ съѣздомъ была принята слѣдующая резолюція: „Признавая необходимость автономнаго устройства*) Царства Польскаго при сохраненіи государственнаго единства и при участіи въ общерусскомъ представительствѣ, но съ особымъ сеймомъ, избраннымъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, собраніе считаетъ нужнымъ отложить болѣе подробное опредѣленіе границъ и содержанія этой автономіи до всесторонней разработки вопроса“. Подъ давленіемъ политическихъ событій въ Россіи, и П. П. С. до тѣхъ поръ почти игнорировавшая русское революціонное движеніе и ревниво оберегавшая свою обособленность и неприкосновенность своего главнаго требованія—независимости Польши, измѣняетъ свою программу и ближайшею своею цѣлью ставитъ созвать учредительнаго собранія въ Варшавѣ одновременно съ такимъ же собраніемъ въ Петербургѣ и установленіе федеративной связи

*) Терминъ, предложенный проф. Милюковымъ.

между Россіей и Польшей. Въ то же время Н. Д. вынуждена была включить въ свою программу всеобщее и равное избирательное право съ прямою и тайною подачею голосовъ.

Между тѣмъ, борьба за права польскаго языка все усиливалась. Одновременно съ движеніемъ въ пользу возстановленія его въ гмицѣ вспыхиваетъ школьная забастовка, охватившая около 80% учащейся молодежи, которая рѣшила не возвращаться въ школу до тѣхъ поръ, пока въ ней не будетъ введено преподаваніе на польскомъ языкѣ.

Представители н. д. и бывшей партіи угодниковъ, принявшей названіе „партія реальной политики“, обращаются къ правительству съ заявленіемъ, въ которомъ протестуютъ противъ „системы, стремящейся къ обрусенію Царства Польскаго“.

„Мы еще разъ настоятельно заявляемъ,— говорится въ этомъ документѣ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ официальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно и языкомъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе Царствомъ Польскимъ и обезпечить за населеніемъ гражданскую свободу“.

Мало-по-малу требованіе автономіи дѣлается общимъ требованіемъ, объединяющимъ все слои населенія и все политическія направленія въ Царствѣ Польскомъ. Даже социаль-демократія Царства Польскаго и Литвы, все время стоявшая на строго централистическоѣ точкѣ зрѣнія, должна была высказаться въ пользу автономіи.

„Такъ какъ нашъ край—говорится въ комментаріяхъ къ партійной программѣ социаль-демократіи Царства Польскаго и Литвы—являетъ собой извѣстное обособленное цѣлое въ русскомъ государствѣ, отличающееся по своей культурной, а отчасти и социаль-экономической жизни отъ остальныхъ ча-

стей государства, поэтому социаль-демократія Царства Польскаго и Литвы требуетъ, рядомъ съ общей гражданской равноправностью всѣхъ національностей, областного самоуправленія или автономіи для Польши. Это значитъ, что она требуетъ, чтобы дѣла, касающіяся специально нашего края, были рѣшаемы населеніемъ нашего края съ помощью собственныхъ должностныхъ лицъ и собственнаго областного сейма, избираемаго всѣмъ взрослымъ населеніемъ страны посредствомъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ, и чтобы были заведены у насъ польскіе школы, суды и другія необходимыя учрежденія, дѣятельность которыхъ зависѣла бы отъ сейма“.

Лѣтомъ 1905 года революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ приняло огромные размѣры. Соціалистическія партіи развиваютъ массовый терроръ, направленный противъ агентовъ русской власти, и организуютъ цѣлый рядъ забастовокъ въ Варшавѣ, Лодзи, Сосновицахъ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Антиправительственныя демонстраціи и нападенія на полицію и военные патрули постоянно учащаются. Казнь рабочаго Окшен, совершившаго покушеніе на жизнь варшавскаго оберъ-полиціимейстера барона фонъ-Полькена, вызвала повсюду забастовки, а въ началѣ августа, послѣ кровавыхъ столкновеній между рабочими и войскомъ въ Вѣлостокѣ, волненія достигли крайнихъ предѣловъ. Въ Варшавѣ была объявлена всеобщая забастовка. Толпы рабочихъ остановили движеніе поѣздовъ почти на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Вся промышленно-торговая жизнь огромнаго города замерла. Отвѣтомъ правительства было введеніе въ Варшавѣ и Варшавскомъ уѣздѣ военнаго положенія.

Несмотря на это, польскій пролетаріатъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ присоединился къ великой всероссійской забастовкѣ въ октябрѣ того же года.

Манифестъ 17-го октября вызвалъ въ Польшѣ всеобщее ликование и громкія манифестаціи. Въ грандіозной національ-

ной манифестаціи въ Варшавѣ 22-го октября приняло участіе болѣе 200 тысячъ человекъ. Вскорѣ однако начались и въ Польшѣ печальные дни осуществленія „конституціонныхъ свободъ“ посредствомъ казацкихъ нагаекъ и солдатскихъ штыковъ, отличавшіеся отъ такихъ же дней въ Россіи только отсутствіемъ неизвѣстной въ Польшѣ черной сотни, а слѣдовательно, и отсутствіемъ еврейскихъ погромовъ.

Снятое послѣ манифеста военное положеніе было восстановлено опять съ распространеніемъ его на все Царство Польское. „Преслѣдованія, возобновившіеся съ восстановленіемъ военнаго положенія, обрушились въ одинаковой степени и на социалистовъ, и на національ-демократовъ. Тюрьмы переполнились не только социалистическими агитаторами и публицистами, но и помѣщиками, и крестьянами, принадлежащими къ н.-д. Партія ярко антиреволюціонная, вошедшая послѣ 17-го октября на путь исключительно легальной дѣятельности, была заподозрена чуть ли не въ желаніи стремиться къ отторженію Польши отъ Россіи съ оружіемъ въ рукахъ. Преслѣдованія, посылавшіеся на н.-д., создали ей въ польскомъ обществѣ громадную популярность и способствовали ея усилению, что не замедлило отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Польшѣ“ *).

Декабрьская забастовка, перешедшая въ Москвѣ въ вооруженное возстаніе, была дѣятельно поддержана польскими рабочими, но не приняла болѣе широкихъ размѣровъ, такъ какъ крайнія польскія партіи, узнавъ о слабости движенія въ Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ, пришли къ убѣжденію, что рѣшительное выступленіе польскаго пролетаріата было бы несвоевременно.

Между тѣмъ, приближались выборы въ первую Государственную Думу. Въ Царствѣ Польскомъ первоначально всѣ партіи, кромѣ н.-д., намѣревались бойкотировать выборы, и

*) Л. Плохоцкій. „Совр. Польша“, стр. 228.

поэтому никакой выборной агитации не предвидѣлось. Но въ послѣдній моментъ н. д. (т.-е. прогрессивные демократы), подъ впечатлѣніемъ блестящихъ успѣховъ кадетской партіи въ Россіи, перемѣнили свое рѣшеніе и выставили своихъ кандидатовъ, войдя въ блокъ съ еврейскими національными группами. Выборы окончились, однако, полною побѣдою народо-цевъ, сумѣвшихъ сыграть великолѣпно роль единственныхъ представителей „польской національной идеи, объединяющей весь слои польскаго народа“.

Такимъ образомъ, въ Думу депутатами отъ Польши явились исключительно національ-демократы, образовавшие такъ называемое Польское Коло, члены котораго по всемъ безъ исключенія вопросамъ голосовали солидарно согласно рѣшенію своего большинства.

Первымъ выступленіемъ Коло въ Думѣ было заявленіе, сдѣланное отъ его имени депутатомъ Гарусевичемъ при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, въ которомъ поляки потребовали для Царства Польскаго автономіи, ссылаясь на постановленія вѣнскаго конгресса 1815 года. Польская декларация была встрѣчена весьма холодно. Проф. Милуковъ (въ № 63 газ. „Рѣчь“) заявилъ даже, что, желая „найти для обоснованія польскихъ политическихъ учрежденій какой-нибудь независимый отъ общерусскаго представительства правовой источникъ“, поляки выводятъ вопросъ о польской автономіи далеко за предѣлы, въ которыхъ онъ обсуждался представителями польскаго и русскаго общественнаго мнѣнія, и поэтому „лишаютъ своихъ друзей возможности поддерживать ихъ требованія въ полномъ размѣрѣ“.

Польская прогрессивная печать точно также признала выступленіе Коло неудачнымъ, указывая на то, что вѣнскій конгрессъ былъ въ сущности совѣщаніемъ бюрократовъ-реакціонеровъ, совершившихъ четвертый раздѣлъ Польши.

Во всехъ прочихъ вопросахъ, кромѣ аграрнаго, Польское Коло поддерживало въ Думѣ русскую конституціонно-демо-

кратическую партию. Въ аграрномъ вопросѣ польскіе депутаты выступили рѣшительными противниками образования государственнаго земельного фонда и настаивали на томъ, что аграрная реформа въ Царствѣ Польскомъ можетъ быть проведена только въ автономномъ польскомъ сеймѣ сообразно съ мѣстными условіями *).

8 іюля 1906 года Дума была распущена. Большая часть оппозиционныхъ депутатовъ отправилась въ Выборгъ и обнародовала тамъ извѣстное воззваніе о пассивномъ сопротивленіи правительству. Народовцы не могли, конечно, подписаться подъ этимъ воззваніемъ, такъ какъ это казалось имъ вступленіемъ на путь революціи, отъ которой они давно уже отказались и съ которой вели даже вполне открыто борьбу у себя на родинѣ. Съ другой стороны, имъ хотѣлось выразить какъ-нибудь свою солидарность съ русскими конституціоналистами, и они дѣлаютъ крайне неловкій шагъ, который произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе на всю оппозицію: пять делегатовъ Кола прибѣгаютъ въ Выборгъ, стараются увѣрить „кромольную“ Думу въ своемъ сочувствіи и симпатіяхъ къ новой, свободной Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказываются присоединить свои подписи къ воззванію... **).

*) Царство Польское — густо населенная страна крупной капиталистической промышленности; свободной земли тамъ мало; сельскій безземельный пролетаріатъ (1 миллионъ душъ!) стремится не столько къ земельному обезпеченію, сколько къ повышенію заработной платы; большихъ помѣщичьихъ имѣній очень мало; крестьянской аренды почти совсѣмъ не существуетъ; общины нѣтъ; крестьяне сильно привязаны къ индивидуальной собственности на землю, — словомъ, въ области аграрныхъ отношеній Польша — прямая противоположность Россіи...

***) Одинъ изъ членовъ Польскаго Кола В. Грабскій слѣдующимъ образомъ объясняетъ отношеніе Кола къ выборгскому съезду: „представители польскаго народа находятъ совершенно лишнимъ давать передъ русскимъ народомъ спектакли плоскаго и дешеваго героизма. Въ нашемъ прошломъ было не мало порывовъ дѣйствительно героическихъ, и если бы дѣло шло объ автономіи, объ интересахъ

Мы не будемъ вдаваться въ подробную оцѣнку дѣятельности Польскаго Коло въ первой Думѣ. Достаточно будетъ сказать, что она была, въ общемъ, блѣдна и безцвѣтна, да и не могла быть иной въ виду полного отсутствія въ Колѣ выдающихся политическихъ талантовъ. Польское Коло состояло изъ бездарныхъ и неопытныхъ политиковъ, типичныхъ представителей страны, въ которой въ теченіе сорока лѣтъ была подавлена всякая политическая и общественная жизнь. Русскіе парламентскіе дѣятели прошли все-таки извѣстную школу въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Польша была лишена и этихъ суррогатовъ широкой общественно-политической жизни, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она не прислала въ Думу ни одного талантливаго и дальновиднаго политика *)

Весьма важнымъ для Польши результатомъ освободительнаго движенія 1905 года было, несомнѣнно, завоеваніе извѣстной свободы въ области культурно-просвѣтительныхъ начинаній. И польское общество старается использовать эту

Польшин, польскій народъ и теперь пошелъ бы за великими лозунгами, лишь бы они были проникнуты искренностью. Но изъ за стѣвъ безопаснаго города взывать народъ къ пассивному сопротивленію правительству — это не борьба... Если бы дѣло заключалось въ борьбѣ, то она должна была бы вспыхнуть передъ стѣнами Таврическаго дворца. Но для этого не хватило у русскихъ силы воли, не хватило вѣры въ собственный народъ... Интересы польскаго прогресса не могутъ требовать отъ польскаго народа жертвъ... ради столь ничтожныхъ съ политической точки зрѣнія вещей, какъ „честь“ разныхъ партій и направленій, къ тому же чужихъ... Если русскіе дѣятели нашли такой выходъ изъ положенія, что хотя и взывали къ пассивному сопротивленію, но сами же не особенно совѣтовали слушаться этого воззванія, то такого рода увертка не имѣетъ, кажется, ничего общаго съ прогрессомъ и среди насъ не могла найти сочувствіе“.

*) Интересно, что самыми выдающимися поляками въ первой Думѣ были польскіе выходцы, прожившіе всю свою жизнь въ Россіи: Петражицкій, Медницкій и Шершеневичъ.

свободу возможно польбе. Возникаютъ: „Матица школьная“, основанная въ теченіе одного года болѣе 700 польскихъ школъ, общество народныхъ университетовъ, общество курсовъ грамотности для взрослыхъ, общество польской культуры и т. д. Все Царство Польское покрылось стѣтью просвѣдительныхъ обществъ и кружковъ. Огромные успѣхи дѣлаетъ также идея профессиональныхъ союзовъ. Даже варварскій локаутъ лодзинскихъ фабрикантовъ, выбросившихъ въ декабрь 1906 года 30,000 рабочихъ на улицу, не остался безъ полезныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ способствовалъ дальнѣйшему развитію рабочихъ организацій.

Въ политической жизни 1906 годъ ознаменовался расколомъ въ п. п. с., раздѣлившейся окончательно на двѣ фракціи: *революціонную* (такъ называемый старый курсъ), главнымъ стремленіемъ которой осталось завоеваніе независимой польской демократической республики посредствомъ вооруженнаго возстанія польскаго пролетаріата, и *умѣренную* (такъ называемый новый курсъ), стоящую на точкѣ зрѣнія, близкой къ ортодоксальному социализму, и отвергающую всякія мечты о національномъ возстаніи. Ближайшимъ поводомъ къ расколу послужила дѣятельность такъ называемой боевой организаціи п. п. с., совершившей рядъ террористическихъ актовъ и экспроприацій даже безъ вѣдома центрального комитета партіи. Боевая организація развила, дѣйствительно, массовый терроръ до неслыханныхъ размѣровъ. Смѣлыя и дерзкія нападенія на казначейства, поѣзда, полицію и т. д., сопровождаемыя убійствами значительнаго числа ни въ чемъ неповинныхъ людей, вызвали въ обществѣ возмущеніе противъ боевиковъ. Особенно памяты массовыя убійства городскихъ и солдатъ въ Варшавѣ, когда въ одинъ день въ разныхъ частяхъ города погибло нѣсколько десятковъ человекъ (такъ называемая кровавая среда, 2 авг. 1906 года), а также нападенія на поѣздъ въ Роговѣ и на почтовое отдѣленіе въ Варшавѣ въ февралѣ 1907 года... „Новый курсъ“ п. п. с.

рѣшительно протестовалъ противъ такой тактики, усматривая въ ней серьезную опасность для освободительнаго движенія рабочаго класса. Кроме того, умѣренная фракція настаиваетъ на строго согласованномъ и солидарномъ образѣ дѣйствій съ русскими партіями, тогда какъ „революціонеры“ ведутъ болѣе самостоятельную и независимую политику, не желая, какъ они говорятъ, находиться „подъ командою русскихъ“.

Выборы во вторую Думу въ 1907 году дали въ общемъ тѣ же результаты, что и выборы предшествующаго года. Всюду одержала побѣду Народовая Демократія, вступившая на этотъ разъ въ блокъ съ мало вліятельными, но имѣющими выдающихся по своему образованію и заслугамъ членомъ, партией реальной политики (бывш. „уголовцы“) и небольшою группою польскихъ прогрессистовъ (п. и. п.). Поэтому въ составъ Польскаго Коло вошло нѣсколько человекъ ненародовцевъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ первой стадіи выборовъ Народовая Демократія не могла уже похвастаться такими успѣхами, какъ въ 1906 году. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ попало въ выборщики значительное количество прогрессивныхъ демократовъ (п. д.) и членовъ недавно возникшаго прогрессивнаго „крестьянскаго союза“. Очевидно, что Народовая Демократія начинаетъ постепенно терять свое вліяніе среди городской интеллигенціи и среди крестьянъ.

Польское Коло во второй Думѣ насчитываетъ 46 человекъ, т.-е. на 10 человекъ больше, чѣмъ въ Думѣ перваго призыва, такъ какъ въ составъ его вошли также депутаты — поляки изъ Литвы и Вѣлоруссіи. Оно представляетъ собою, такимъ образомъ, довольно сильную группу, отъ которой могутъ иногда зависѣть результаты голосованія. Осторожная, строго парламентская тактика Коло вполне соответствуетъ настроенію большинства второй Думы и создастъ ему въ ней совѣтмъ иное положеніе, чѣмъ оно занимало въ Думѣ Аладьяныхъ и Герценштейновъ. Народовцы съ нѣкоторою проіеію говорятъ, что непогрѣшимые гг. кадеты какъ будто пришли

теперь къ той точкѣ, на которой и. д. стояла еще до созыва первой Думы. Въ теченіе перваго мѣсяца существованія второй Думы Коло поддерживало обыкновенно партію Народной Свободы. Даже при обсужденіи вопроса объ аграрной реформѣ оно присоединилось къ предложенію кадетовъ послѣ того, конечно, какъ послѣдніе исключили Царство Польское изъ района, на который должно будетъ распространиться дѣйствіе названной реформы. Лидеромъ Коло состоитъ Романъ Дмовскій, одинъ изъ творцовъ и. д., пользующійся огромнымъ авторитетомъ въ партіи. Изъ другихъ членовъ Коло мы назовемъ финансиста Жуковского, знатока вопросовъ гминнаго самоуправления Коница, экономиста Стецкого, историка крестьянскаго вопроса въ Польшѣ Грабскаго и юриста Новодворскаго.

Дальнѣйшая судьба Польши зависитъ въ значительной степени отъ того, какой оборотъ примутъ событія въ Россіи. Это, конечно, не значитъ, что исторія польскаго народа, даже въ предѣлахъ русскаго государства, будетъ лишь отголоскомъ и частью русскою дѣйствительности. Восемьсотъ лѣтъ самостоятельной культурно-политической жизни нельзя вычеркнуть ни указами, ни хитро сочиненными законами, ни исключительными и военными положеніями: несмотря на все вышнія воздѣйствія, эти восемь вѣковъ остаются однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ ходъ будущаго развитія польскаго народа. Читатель имѣлъ возможность убѣдиться, что и послѣ паденія Рѣчи Посполитой духовная жизнь польскаго общества продолжала идти своеобразнымъ путемъ и до сихъ поръ представляетъ собою самостоятельную струю, не проявляя вовсе тенденціи къ сліянію съ какимъ-либо чужимъ моремъ.

„Золотая шляхетская воля“ и широкій размахъ старопольскаго индивидуализма; навѣянная французскою революціею и осуществляемая польскими легионами идеи свободы, равенства и братства народовъ; упорный трудъ созиданія въ короткій пе-

рідь Герцогства Варшавскаго; тысячами жизней оплаченное увлеченіе граціозными планами великаго императора; пятнадцатилѣтнія усилія отстоять хрупкую конституцію молодого Царства Польскаго; поддержанное съ оружіемъ въ рукахъ страстное стремленіе къ возстановленію свободной Польши „отъ моря до моря“; пышный расцвѣтъ „демократической литературы эмигрантовъ“, предвосхитившихъ идеи, которыя многимъ нашимъ современникамъ кажутся откровеніемъ русской революціи 1905 года; дѣятельное участіе во всѣхъ европейскихъ революціяхъ сороковыхъ годовъ; революціонный романтизмъ, потопленный въ потокахъ крови повстанцевъ 63-го года; трезвая и суровая школа „органической работы“; глухая борьба съ нелѣпою политикою насильственнаго обрусенія; болѣзненная гипертрофія патріотическихъ чувствъ; оригинальная идеологія П. П. С. и цѣлый рядъ другихъ вполне самостоятельныхъ теченій—вотъ краткая схема развитія польской политической мысли, не имѣющаго, какъ мы видимъ, почти никакихъ точекъ соприкосновенія съ эволюціею политическихъ идей въ Россіи. Передъ нами — жизнь народа, угнетаемаго грубою виѣшнею силою, но независимаго въ сознаніи внутренней свободы своего „я“. Если мы прибавимъ къ этому особенности соціально-экономическаго строя Польши, рѣзко отличающія эту страну отъ Россіи, то намъ станетъ яснымъ, почему примѣненіе русскаго масштаба при оцѣнкѣ явленій польской дѣйствительности приводитъ обыкновенно нашихъ централистовъ къ совершенно неожиданнымъ и ложнымъ выводамъ. Объ этомъ весьма часто забываютъ не только тѣ русскіе люди, для которыхъ Царство Польское—просто 10 русскихъ губерній съ большимъ процентомъ „инородцевъ польскаго происхожденія“, но даже и весьма либеральные дѣятели, признающіе въ теоріи „обособленность Царства Польскаго отъ остальныхъ частей Имперіи“. Они склонны видѣть въ Польшѣ какую-то *tabula rasa*, на которой исторія начала ставить свои первыя буквы только съ 17 октября 1905 года. Одиная

изъ польскихъ писателей не безъ основанія замѣтилъ, что дѣятели русскаго освободительнаго движенія страдаютъ своего рода дальтонизмомъ: имъ кажется, что съ провозглашеніемъ въ Россіи конституціи всѣ народы начинаютъ свою исторію, а между тѣмъ это лишь передъ однимъ русскимъ народомъ впервые открылись новые для него горизонты настоящей, свободной исторической жизни. Но польскій народъ паходился въ совершенно иныхъ условіяхъ: въ своемъ прошломъ онъ, прежде всего, не зналъ самодержавія, и потому даже самыя реакціонныя польскія партіи, глядящія назадъ, остаются все-таки партіями конституціонными, такъ какъ въ священной для нихъ родной старинѣ онѣ находятъ высокое развитіе принциповъ политической свободы. Уже въ XIX вѣкѣ польскій народъ переживалъ не разъ минуты, аналогичныя тѣмъ, какія Россія переживаетъ въ настоящее время, вслѣдствіе чего и конституція 1905 года является для него только частичною реставраціею утраченныхъ вольностей. Точно такъ же и Государственная Дума имѣетъ для поляковъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ для русскихъ. Для послѣднихъ она — первый родной парламентъ, для поляковъ — не болѣе, какъ этапъ на пути къ своему собственному законодательному собранію, которое будетъ вѣдать дѣла автономной Польши.

К О Н Е Ц Ъ .

Замѣченныя опечатки:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Надо читать:</i>
1	8 сверху	теченіями	и съ теченіями
"	5 снизу	перускихъ	перусскихъ
2	2 сверху	—сторической	—исторической
"	3 "	находившимся	находившимися
"	12 "	борьбъ	борьбы
16	3 снизу	получилъ нѣмецкое	воспитывался въ
—	—	воспитаніе	Германіи
48	10 сверху	Россіей	Россіей,
52	18 сверху	Жулловскаго	Жулковского
53	13 снизу	время была	время
"	5 "	просило	прочило
54	3 сверху	Заіончикъ	Заіончекъ
99	15 снизу	правый	на правый
111	1 "	Заливскій	Заливскій
119	9 "	многострадательнымъ	многострадальнымъ
120	14 "	очищенной	очищенной
121	16 "	благодаря	благодаря
124	9 сверху	стр. 7	стр. 129
139	3 снизу	щадили	щадили
167	10 сверху	Руская	Русская
168	14 снизу	ьшено	рьшено
171	11 снизу	партіи	партіи съ другой—
180	11 "	Раскрадываніи	Раскрадываніе
192	14 сверху	либосальнаго	либеральнаго
192	12 снизу	в	но и

255

Pauze

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ БРОШЮРА
== **ЛОКАУТЬ ВЪ ЛОДЗИ.** ==

Цѣна 15 коп.

Складъ книгоиздательства

„МОЛОДАЯ ПОЛЬША“ Л. В. Петневича.

- 1) У издателя: Москва, Пименовская ул., д. Лапшина, кв. 5.
Телефонъ 51-72.
- 2) При книжномъ магазинѣ „Сотрудникъ Провинціи“, Москва,
Тверской бульв., уг. Бронной). Телефонъ 27-96.